

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

О сознании посвященного.

*Верные и ошибочные пути духовного
исследования.*

ЭПИГРАФ

Задачей познания посвящения является
здоровое развитие того, что обычно
развивается болезненным образом.

Оглавление.

1	Предисловие.....	8
2	I. ПРИРОДА ЕСТЬ ВЕЛИКАЯ ИЛЛЮЗИЯ "Познай самого себя".....	14
2.1	Отчего мы вообще стремимся к познанию духовного.....	14
2.2	Истинные пути к духовному познанию..	17
2.3	Познание Мира в его всесторонности при помощи духовного наблюдения над физическими явлениями.....	22
3	II. ТРИ МИРА И ИХ ОТРАЖЕНИЯ.....	28
3.1	Различие состояний сознания старого и нового времени.....	28
3.2	Естественно творящая фантазия современного сновидения.....	34
3.3	Дальнейшее укрепление душевной жизни...	39
4	III. ФОРМА И СУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТЬ МИНЕРАЛЬНОГО В ОТНОШЕНИИ ИХ К СОСТОЯНИЮ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА.....	45
4.1	Кристаллизованное существо минералов.	45
4.2	Субстанциональность и металичность минерального мира.....	49
4.3	Из сознания пространства в сознание времени.....	55
5	IV. ТАЙНА ИССЛЕДОВАНИЯ ИНЫХ МИРОВ ПОСРЕДСТВОМ МЕТАМОРФОЗЫ СОЗНАНИЯ.	61
5.1	Соотношение (связь) метальности с другими состояниями сознания человека.....	61
5.2	Изменения в положении человека к познанию с древних времен.....	67
5.3	Образы из древних времен.....	73
6	V. ВНУТРЕННЕЕ ОЖИВОТВОРЕНИЕ ДУШИ ПОСРЕДСТВОМ СВОЙСТВ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО.....	79
6.1	Состояние Медности человека.....	79
6.2	Мистерия Меркурия.....	86

6.3	Мистерия Серебра.....	92
7	VI. ИНИЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ (Познание посвящения).....	97
7.1	Дневное бодрствование и сновидческое сознание.....	97
7.2	Возрасты как органы восприятия.....	102
7.3	Звездные сферы, включенные одна в другую.....	108
8	VII. ПОЗНАНИЕ ЗВЕЗД.....	114
8.1	Духовные подосновы исторического становления человечества и его дифференциации.....	114
8.2	Обитатели Луны.....	120
8.3	Медиумичные натуры и их излучения...	126
9	VIII. ВОЗМОЖНЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ В ДУХОВНОМ ИССЛЕДОВАНИИ.....	132
9.1	Ариманические элементарные существа.	132
9.2	Одержимость.....	136
9.3	Внутренняя мистерия медиумической сущности.....	142
10	IX. НЕПРАВИЛЬНЫЕ ПУТИ В ДУХОВНЫЙ МИР И ИХ ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ.	148
10.1	Использование естественно-научных представлений для пути познания.....	148
10.2	Преодоление искажений естественно-научных методов в исследовании медиумизма и сомнамбулизма.....	154
10.3	Искусство как мост от материи к духу...	159
11	X. ВЛИЯНИЕ ВНЕЗЕМНОГО КОСМОСА НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ.....	164
11.1	Солнечные воздействия и лунные воздействия.....	164
11.2	Живое восприятие Лунной сферы как исходная точка пути посвящения.....	168
11.3	Постижение человеческой организации в имажинациях.....	174
12	XI. ДУХОВНОМ ИССЛЕДОВАНИИ И ЕГО ПОНИМАНИИ В НАШИ ДНИ.....	180
12.1	Две возможности исследования.....	180

12.2	Рождение и Смерть и Зло.....	187
12.3	Откровение Небесного в Земном через Искусство.....	192

Предисловие

В этом последнем, читанном за границей Рудольфом Штейнером цикле докладов, уже заложено прощание его с земной деятельностью. Кто возвещает современности нечто подобное, тот уже оторвался от нее во времени. Но путем этого внутреннего распятия одного - человечеству создана твердая почва, на которой оно может духовно идти дальше, предупрежденное и охраняемое от опасностей мира подсознательного.

Наука стучится в двери внечувственного, делая бреши в великое царство невидимых, чувственно не воспринимаемых сил; эти последние нуждаются лишь в медиуме для того, чтобы проникнуть в земной мир и овладеть также и нами.

Как охранить себя от неожиданностей, пленения и заблуждения? Нам необходимо знание, которое может служить факелом в этом темном царстве неизвестного. Ныне всякий разумный человек уже не может отрицать воздействий, притекающих из этих неисследованных пограничных нам областей. Будем же иметь дерзновение и пойдем вслед за строгим исследователем, давшим нам доказательства своего призвания: он овладел всем вооружением современного знания! Только невежество и упорство в закоснелых привычках мышления могут этому еще сопротивляться.

Последнее поколение ученых нашего столь "просвещенного века", склонных подсмеиваться над "темным суеверием" ранних эпох, уже отмирает. Близятся представители XX века, хотя и страдающего от сильного, - но на иной лад настроенного, высокомерия. Вследствие этого они подпадают новым ошибкам. И чем более они самосознательны, тем более нуждаются в учителе, чья мудрость и знание превосходят и превозмогают их знания.

Эта книга предназначена для тех, для кого Ignorabimus не является уже непреодолимым барьером; которых более не останавливают Кантовские границы познания; книга эта для тех, кто смиренно и с робким благоговением готов предстать перед все более и более просветляющейся загадкой, снисходящей к нам из духовного мира. Эта загадка обращена уже не к вере, а к сознанию человека. Вера, от которой требовали отказа от знания, не может быть больше почвой для достижения сверхчувственного. Но разум наш

может идти с нею вместе, здраво следуя за мышлением, которое становится все более свободным и, все более расширяясь, просвещается.

Мыслитель в Рудольфе Штейнере, острый, непреложно ясный и логический мыслитель,- предназначил его для этой мировой задачи, представляющей собою процесс алхимии, процесс превращения человеческого душевного существа. Это душевное существо восстанавливает взаимодействие духа и тела после состояния некоторого помрачения, в котором находится со стороны телесного; оно было ограблено в благороднейших своих органах и воссоздает их заново из земных сил путем преобразования земного. Происходит также и метаморфоза, выполняемая силами «Я», которое доселе прочувствовало себя лишь смутно в тюрьме физического тела. Погруженное в свое собственное особое сознание, «Я» сперва не хочет от него отделяться и предается иллюзии будь-то оно состоит замкнутым в своей обособленности. Из этой обособленности для него и проистекает все его горе и мучение. Однако оно не переживается им чувственными образам в той мере, чтобы придти к действительному осознанию самого себя.

В борьбе с мировыми загадками, в круговращении мыслей и продвигаясь вперед подобно Фаусту,- «Я» заходит так далеко, что прорывает границы чувственного и воспринимает из глубины мировой бездны звучащие ему навстречу отголоски. И вот стоит это «Я» перед глупцам, еще обремененным земным, проникнутым страстями, непросветленным, нечистым в мыслях и в чувствах. Тут к нему приближается искунитель, к каждому человеку по новому, всегда подобным образом и все же различно. Он ведет сначала легкую игру - он своих людей знает, ведь каждый подобен один другому,- лишь в движении времени меняются они, сообразно зрелости, которую дает им сумма их земных жизней. И, если в одно и то же мгновение каждый не похож один на другого, то это есть во всяком случае "тринадцатый". Ибо в двенадцатом замыкается круг. Но этот круг постоянно прорывается, даже тогда, когда степень его зрелости относительно уже высока, как бы по железной необходимости судьбы, через предателя, для того, чтобы в этом взрыве круг перешел в спираль, увлекая за собой человечество.

Так, карабкаясь, постепенно поднимается человечество вслед за Фаустовским человеком - «Я».

Поэты и мыслители связали это восхождение в образ,

слово и действие. На их созданиях человечество учится идти все далее и процесс проясняется до сознания устремленного мышления человечества. Жизненно существенный мир чувств умирает подобно растительному миру и становится постепенно шлаком; затем, через тонкий процесс отвердевания - углем, который, в процессе все более усиливающейся кристаллизации и очищения становится наконец сверкающим бриллиантом. В камне и в растительном существе, которое ему предшествовало, лежала однако та искра, которая обусловила эту алхимию.

В человеке также лежит заложенной искра, которая вернет ему его звездное бытие.

Эта искра - есть его «Я», - и Мир и Земля, - страдая и мучаясь, должны возжигать ее, пока сияющую родину - ее источник, не познает человек. Тогда он сам построит себе ведущие ступени из воли, затвердевшей в познании; из сознания, пропитанного волею. Они приведут его обратно в мир света.

Эти ступени познания для него как бы перекладки лестницы, Сознание соединяет их. Путь должен указать ему Руководитель, тот, кто прошел этим путем ранее и проложил его для других.

Тот, кто построил эти ступени, чьи созидательные силы могут изливаться в духовное человеческое стремление и устремление, должен был, пройдя через многие жизни - установить в себе настолько связь с божественным, что мог стать орудием божественной воли. И он может служить этим орудием для новой фазы человеческого духовного развития и затем передать человечество его свободе.

В этой дерзновенной книге указаны крутые, но верные пути, спасающие от падения восходящего, если только он захочет придерживаться их, не уклоняясь ни вправо, ни влево. И направо и налево стоит искуситель, завлекающий в смутные дали, приковывающий к Земле. Поэт попробовал дать этот образ в духовной фигуре Мефистофеля; он, как мудрец, точно различил обе силы, задерживающие восхождение, и дал нам их дифференциацию. Познавая и переживая их в образе, мы достигаем - проходя мимо и минуя их - к представителю человечества, ко Христу. Ибо Он, сделав Себя подобным нам, создал этим возможность, - несмотря на наше погружение в материю, - воспринять нас снова в Себе и оставил нам свой дух, дабы через Него поднимать нас все выше, пока мы, уже знающими, сможем сами идти духовными путями.

Время настало вступить на эти пути.

Вскоре минуют две тысячи лет как длится устремление человечества; последнее в них столетие должно принести нам крепкое мужество и дать окончательный толчок, ибо средства для того у нас в руках. Светлый путь, ведущий к цели, проложен в глубине душевного леса материализма. Нам более не нужны завлекающие нас блуждания в лабиринтах, из которых невозможен никакой безопасный исход.

В указаниях этой книги открыты опасности, которые возможно избежать и обойти при доброй воле и ясном мышлении, тут нам рисуется духовный мир в его конкретности, в его дифференциации, в его этапах; то, что входит в наш земной мир из его глубоких, таинственных областей, показано нам так, что по симптомам и выявлению их мы можем проверить его деятельность. Охватывая духовный мир здоровым, но внутренне подвижным мышлением, мы ощущаем как то, что сияет нам навстречу из высших миров, освобождает в нас новые, зачаточные органы.

Дело жизни, оставленное нам Рудольфом Штейнером, является еще и с другой точки зрения поворотным пунктом. До сих пор человек, когда желал идти путями, ведущими к живому постижению духовного мира, не мог обойтись без опекающего, действующего индивидуально водителя. Рудольф Штейнер свою духовную работу для общего прогресса всего человечества начал своим трудом "Философия свободы". Это был зов к пробуждению новой эры: основной тон был дан, дальнейшее развитие которого стало делом жизни Рудольфа Штейнера. Ничто так не трудно, как привести человечество к пониманию и к любви истинной свободы. Люциферическое стремление к свободе мы обычно встречаем часто: свобода в своеволии, жажда свободы в страсти, во власти, в насилии над другими душами,- все это выставляется как воля к свободе. Но истинная, высшая свобода, проявляющаяся в выработке чувства ответственности, чистоте в восприятии и ощущении собственного высшего «Я» и «Я» других,- такая свобода встречается редко. Понимание этого пробуждается сперва в медленной, настойчивой бескорыстной работе. Религиозные, стремящиеся к мистике люди, в большинстве люди чувства, требуют опоры, требуют исповедника, который снял бы с них ответственность за их дела, требуют советчика и водителя. Воспитать человека с чувством ответственности за себя является на сегодня труднейшей работой, которая из людей фанатиков, желающих служить делу - легко делает

врагов. Оттого никто охотно не берет этой судьбы с ее последствиями на себя; любвеобильного почитателя охотно не воспитают себе в противника.

Рудольф Штейнер в любви своей к человеку пошел далее всего, ибо и в знании пошел далее всего; он не отпрянул, не остановился, когда это представилось необходимым и спасительным для другого. На этой почве выросли для него горчайшие враждебности.

Воспитание души в незнании истинной свободы Рудольф Штейнер соединил с заботливой предусмотрительностью эзотерического Учителя, который прозревает соотношения судеб ученика и хочет облегчить ему скорейший духовный подъем. Таким образом, он связывал наставление в реальной духовной жизни с воспитанием к свободе.

Его громадная общечеловеческая задача пала на время сильнейших человеческих исторических потрясений. Мировая война вспыхнула,- вспыхнул, как выражались - тот мир, который привел в шаткость твердое основание государств политически, социально или экономически, душевная жизнь людей также была потрясена в своих основаниях как у старого, так и молодого. Кровью 14 миллионов людей прошедшее было смыто.

Ведь кровь есть совсем особый сок!

Переживание этих, в большинстве юных и еще сильно привязанных к земному телу душ, которые в век глубочайшего материализма внезапно и в страхе должны были отойти от Земли - такое переживание является действенной силой, действенной более, нежели когда душа оставалась бы еще внутри телесной оболочки. Эта сила устремляется внутрь, в наши судьбы, определяюще и импонирующе и требует нашего пробуждения.

Почти каждому из нас стоят близко вырванные войною умершие, которые нуждаются в нашем знании и нашей помощи для собственного дальнейшего следования.

Они не могли еще достигнуть знания, которое ныне дано нам в такой богатой полноте. И потому мы должны сделаться самостоятельными в достижении духовного, чтобы помочь им новым мышлением, которое знает опасности и цели и может различать правые и ложные пути.

Кто дерзнул бы руководить после Рудольфа Штейнера, вести к духу? Ведь тут имеется все; оно должно быть только развито в свободе и в познании.- Кто посмел бы дать иные наставления как не указание на его слова? слова, в которых сокрыта богатейшая жизнь и зерно всяческой правды? Это

было бы дерзостью и непониманием. Крохами, которые падают от этого стола, каждый может стать богатым и насытить своих братьев. Продолжателем и того дела можно стать лишь в том смысле, чтобы открыть сокровища, к которым даны ключи. Если бы кто подумал, что может продолжить дело там, где Рудольф Штейнер его прервал - показал бы лишь свое ослепление. Данное Рудольфом Штейнером хватит человечеству на тысячелетия; оно поставило его зрячим перед вечными ценностями и вызвало к сознательной жизни силы, преобразующие человеческое существо.

Найти для этой книги иные руководящие слова было бы мне невозможно. Они показались мне слишком малыми. Из этой книги говорит Потустороннее и Вечность и лишь в этот знак могла я ее поставить.

I. ПРИРОДА ЕСТЬ ВЕЛИКАЯ ИЛЛЮЗИЯ "Познай самого себя"

Отчего мы вообще стремимся к познанию духовного

Было выражено пожелание, чтобы в этих докладах я изложил о путях, ведущих к сверхчувственным познаниям духовного мира, которые могли бы сочетаться с путями, так успешно в новейшее время расширяющими познание чувственного, физического мира. Ибо лишь тот сможет подойти к истинной действительности, кто к этим великим, достойным удивления познаниям новейшего времени в естествознании, истории и других науках присоединит так же и то, что мы можем знать в отношении духовного мира.

Повсюду, где перед нами расстилается мир, он поистине духовен и физичен и нет нигде физического, которое за собою каким либо образом не имело бы двигателем духовное. И нет нигде духовного, которое вело бы в мире бездеятельное, бессмысленное бытие: всегда оно становится действенным в какое либо время в каком-нибудь месте, проникая вплоть до физического.

Мы увидим, как с одной стороны в физических явлениях и с другой - наблюдая духовное, мы сможем познать в его целом мир, в котором живет человек. Говорить будем об этом так, чтобы перед нами предстали правильные и ошибочные методы такого познания.

Сегодня мне хотелось бы прежде, чем обсуждать настоящий предмет нашей темы, дать некоторое введение, чтобы уяснить себе, чего собственно можно ожидать от этих докладов и что ими предначертано.

Прежде всего, надобно поставить вопрос: отчего вообще стремимся мы к исследованию духовного? Почему мы, будучи людьми мыслящими и чувствующими и что-то делающими в мире, - почему не удовлетворяемся тем, чтобы просто воспринимать чувственно-физический мир и действовать в нем? Почему стремимся мы к познанию духовного?

Тут я могу указать на изречение, содержащее глубочайшую истину; оно звучит нам из древнейших времен человеческой мысли и человеческого устремления, к нему мы приходим также и ныне, исследуя вопросы о сущности мира. Не ставя в основание своих положений чужие древние воззрения, я все же хотел бы там, где уместно, указывать на них.

И вот нам из глубины тысячелетий с Востока звучат слова: Мир, который мы воспринимаем нашими органами чувств, есть Майя, Великая Иллюзия. Если, как это всегда чувствовали на протяжении всего человеческого развития, мир этот является великой иллюзией,- то за ее пределами человек должен придти к истинной действительности.

Но почему же этот мир, который человек видит своими глазами, слышит своими ушами, ощущает другими своими органами чувств, воспринимает он как великую иллюзию? Почему существовали, и существовали как раз в древнейшие времена человечества, когда человек ближе стоял к духу, нежели ныне,- святилища мистерий? Эти места, охраняя науки, религию, искусства и бытовую жизнь, в то же время указывали на истинную реальность, противолежащую тому, что представляла великая иллюзия во внешней жизни, в которой прежде всего живет обычными своими действиями человек. Почему величайшие мудрецы, воспитывавшие своих учеников в священных мистериях древних времен, желали привести их к этой Истине? Почему?

Этот вопрос, мои уважаемые слушатели, получает ответ лишь тогда, когда мы беспристрастно, без предрассудков смотрим на самого человека.

"Познай самого себя" - звучит еще другое древнее слово.

И я хотел бы сказать, что именно из сочетания этих двух изречений - "Мир есть Майя" (с Востока) и "Познай самого себя" (изречение древнегреческой мудрости) - для всего нового человечества проистекло его устремление к спиритуальному познанию.

Но и во всех древних мистериях стремление к познанию действительной Истины проистекало из того же соединенного ощущения, что мир есть собственно иллюзия и что человек должен познать самого себя.

По-настоящему подходят к этому вопросу лишь в жизни, не в мышлении, но в волеии и в проникновении в ближайше доступную нам действительность. Повсюду на Земле, не в полном сознании и не в точном знании, но в интенсивном чувствовании,- каждый человек говорит себе: Таким, как внешний мир, который ты видишь, который ты слышишь, сам ты быть не можешь.

Это ощущение глубоко заложено в нас, мои уважаемые слушатели. И мы должны совершенно ясно представить себе, что это означает, когда человек говорит: "Таким, как внешний мир, который ты видишь, слышишь и воспринимаешь органами своих чувств,- таким сам ты быть

не можешь".

Мы наблюдаем растения, видим их произрастающими из корня, весной они покрываются зелеными листьями, летом видим их в цвету, а к осени - дающими плоды. Они появляются и проходят. Их жизнь втянута в годовой круг. Мы действительно наблюдаем как многие растения из земного впитывают в себя нечто твердое, проникаются твердым - если можно так выразиться,- образуют ствол. И вчера, по пути сюда, мы видели весьма, весьма старые растения, которые восприняли многое от Земли, дабы включить свою жизнь не в один годичный круг, а продлить свое бытие долее, давая все новые и новые ростки на своих стволах, человек имеет возможность наблюдать появление и исчезновение и подобных растений.

Когда человек смотрит на животных, то видит также их появление и видит, как они отходят. Он наблюдает это и на минералах. Он видит то, что в Земле отложилось в грандиозных, могучих горных цепях. Новая наука дала ему знание того, что также и эти горные цепи образуются и проходят. И, наконец, человек,- будь то по-птоломеевски или по-коперниковски, исходя из старых или из новых мистерий,- приходит к следующему заключению: Все видимое нами, и величие звезд, и то, что светит нам навстречу из Солнца и Луны, и эти чудесные сплетающиеся их пути,- все это образуется и также проходит. А вне этого появления и исчезновения существуют такие свойства, что человек, сам себя познавая, не может согласиться с тем, что он подобен всему появляющемуся и проходящему, подобен растениям, минералам, Солнцу, Луне и звездам.

Тогда человек говорит: Я ношу в себе нечто, что является иным, нежели видимое и слышимое мною вокруг. Я должен подойти к истине своего собственного существа. Но этого я не нахожу в том, что вижу и слышу.

Во всех древних мистериях существовало это стремление придти к истине человеческой сущности. В противоположность этой истине воспринимали, как великую иллюзию то, что образовывалось и проходило во вне, в пространстве и во времени. В познании человеческого существа искали иное, нежели то, что открывалось органами чувств.

И это другое воспринимали как духовный мир.

Предметом моих докладов будет изложение того, как правильно искать этот духовный мир. Ибо вы, конечно, можете себе представить, что, прежде всего, человек будет

желать продолжить то, что он привык иметь как путь при наблюдении чувственного мира. Но если исследование над чувственным миром в обычной жизни приводят к иллюзиям, то можно ожидать, что иллюзия станет не меньшей, а большей, если мы изберем для познания духовного мира те же самые пути, какие избрали для познания чувственного мира. Оно так и есть. Это мы увидим. Мы живаемся в еще большую, сильнейшую иллюзию в то время, когда продолжаем чувственное исследование в духовный мир.

Опять таки, если мы смутно, в туманной мистике предчувствуем духовное и мечтаем о нем,- то именно духовное остается как раз для нас неизвестным. Мы лишь предчувствуем его, лишь верим. Мы ничего о нем не знаем. И если мы эту мистику, эту веру, это предчувствие в отношении духовного мира захотим продолжить, - он не станет для нас более близким, а напротив, будет все более неведомым.

Таким образом, можно сказать: человек имеет перед собою два ложных пути.

С одной стороны: он ставит себя по отношению духовного мира так, как по отношению чувственного, который, прежде всего, представляет ему иллюзию. Если он захочет тот же самый путь продолжить в духовный мир, как это делают приблизительно обыкновенные спириты,- то он приходит не к меньшей, но к еще большей иллюзии.

Другой путь представляется не как проникновенное, ясное исследование духовного мира, а как путь веры, мистического предчувствия. Духовный путь при этом остается, однако, неизвестным. И при усилении продолжить этот путь предчувствия, мистицизма,- духовный мир становится все более и более неведомым. В обоих случаях в духовный мир не проникают. В одном случае иллюзия становится большей, в другом - неведение.

В противовес этим двум ложным путям должно искать правильного пути.

Истинные пути к духовному познанию.

Желая найти верные пути к действительно духовному познанию истины человеческого существа - настоящего своего «Я» - должно иметь в виду невозможность этого исходя из познания иллюзии данное внешними чувствами или исходя из предчувствия и мистического предощущения истинного.

Рассмотрим беспристрастно, что тут происходит.

Собственно говоря, никогда нельзя, обладая материалистическим мышлением, быть большим почитателем новейших естественнонаучных исследований - Дарвина, Гексли, Спенсера и др. - каким можно быть, будучи исследователем духовного мира. Ибо эти люди и многие другие со времен Джордано Бруно сделали действительно бесконечно много в области познания того, на что во все времена в мистериях смотрели как на великую иллюзию. Совершенно не надо придерживаться теорий Дарвина, Гексли, Спенсера, Коперника, Галилея и др. Пусть люди думают, что хотят о Вселенной теоретически - мы не будем вдаваться в это. Мы хотим лишь выяснить какое великое побуждение было дано через этих людей к рассмотрению, чисто материальному, того или иного органа в отдельности у человека, в растении, в животном; той или иной тайны, действующей в камне. Мы должны себе представить все, что, как следствие этих исследований мы наблюдали в новейшее время о жизни желез, нервов, сердца, мозга, легких, печени и т.д. Тогда мы получим нужную высшую оценку. Однако человек доходит со всеми этими познаниями лишь до известной точки. На это я хотел бы указать вам в следующих трех примерах.

Можно необычайно тщательно исследовать образование первого зародыша яйца человека и как все далее и далее, чудесным образом, формируется человеческий эмбрион, присоединяется орган за органом, и как из периферического устройства маленьких органов создается, наконец, удивительное сердце и вся кровеносная система. Все это можно узнать.

Возможно исследовать, как чудесно в растении, начиная с корня и кончая цветком и семенами - все это развивается материально, и можно, согласно созданным воззрениям построить из этого целый мир, мир, достигающий до звезд.

Это и проделали наши теоретики астрономы, астрофизики. Они построили мир, исходя из звездной туманности; в своей структуре ставшей все определеннее и определеннее, могущей развивать из себя жизнь и т.д.

Все это, возможно, построить и представить себе.

Но, в конце концов, мы все же снова спрашиваем о собственном человеческом существе, о том, что должно быть ответом на вопрос: "Познай самого себя". И если мы познаем себя только посредством того "самого себя", которое заключается в том, что мы знаем о камнях, растениях,

животных, о человеческих органах, железах, кровеносной системе,- что же мы узнаем? Мы узнаем тот мир, в который вступаем с рождением и покидаем со смертью. Ничего другого.

Но в глубине своего собственного существа человек чувствует, что это не есть его последняя действительная граница. Из самого внутреннего существа своего он восклицает, смотря навстречу тому, что в такой законченности, в таком величии предстает ему во внешнем познании: "Все это ты воспринимаешь только между рождением и смертью. Но что же представляешь ты сам собою в истинном своем существе?"

В то мгновение, когда вопрос природоведения и познания человека в его сущности обращается в религиозный - в это мгновение человек не идет дальше в познании того, что видит в мире великой иллюзии. И вопрос "Познай самого себя" так, чтобы знать, откуда ты пришел, в самом затаенном своего существа, и куда идешь, где глубочайшие истоки твоего существа"- этот вопрос познания, ставший религиозным, также остается без ответа.

В древних мистериях поясняли ученикам у врат посвящения: "Ты можешь познавать все, что хочешь твоими внешними органами чувств. Но когда ты ставишь великий вопрос человечества религиозно, великая загадка остается для тебя без ответа".

И далее. Можно тщательно взирать также на то, каким образом построено человеческое лицо, как человек двигает своими руками и плечами, как он идет и стоит; можно воспитать в себе чутье для понимания образа животного, образа растения и познать все это насколько, насколько только возможно органами чувств. Но в то мгновение, когда мы захотим претворить это восприятие художественно, в искусстве,- для нас снова вопрос остается без ответа.

Ибо, каким образом люди издавна претворяли художественно то, что знали о мире? В древние времена к этому побуждали мистерии, что знали о природе, углубляли воззрениями, которые имели о духовном.

Нам достаточно вернуться хотя бы к древней Греции. Ныне скульптор или живописец ищет модель, еще недавно оно было так. Сегодня это встречается уже реже. Он хочет чему-то подражать. Грек этого не делал. Мы лишь полагаем, что он поступал так. Грек чувствовал в себе духовного человека. Он знал, что все материальное создано согласно духовному, и стремился воспроизвести его; и он знал,

например, что в движении руки жило духовное. Ещё ко времени Возрождения модель служила художнику только побуждением; когда он смотрел на нее, он передавал в движении то, что, как он знал, исходя из внутреннего к внешнему - жило в плече, в руке. И вкладывал в движение человека его внутреннюю, духовную жизнь.

Исключительно внешнее созерцание великой иллюзии, Майи, подражание модели оставляет нас там же, где мы были, стоящими на месте перед человеком, а не в человеке. Таким образом, поставив вопрос в плоскость искусства, но остановившись лишь на иллюзии,- великие человеческие загадки остаются без ответа.

Так было оно и у врат посвящения в древних мистериях, когда ученику уясняли следующее: Если ты желаешь оставаться во внешнем мире иллюзии, то не сможешь проникнуть в человеческую сущность и сущность царства природы. Ты не можешь стать художником. Таким образом, мы видим, что и на пути искусства чувствовали необходимость спиритуального познания.

Вы можете сказать, мои уважаемые слушатели: Но имеются весьма материалистические скульпторы и художники; они могут нечто сделать и знают хорошо, как извлечь тайны из модели и вложить их в образы, в материю.

Конечно, но почему они это могут? Тут заложена традиция. Мы этого лишь не замечаем, а художники в этом не сознаются, ибо хотят сами быть способными, но этого нет. Научились они у древних мастеров, получивших от древнейших тайну, исходящую из спиритуальных воззрений мистерий. Древние художники, скульпторы, Рафаэль, Микеланджело и др. заимствовали это от тех, которые в свою очередь получили это знание еще из мистерий.

Истинное искусство создает из спиритуального. Иначе быть не может. Когда мы подходим к изначальному в искусстве, к творению истинно художественного, мы должны вглядываться в спиритуальный мир.

Возьмем третий пример: Будучи ботаником или зоологом, можно великолепно знать любую форму доступного нашему наблюдению растения. В химической физиологии можно описать процессы, происходящие в растениях. Можно изучить процессы превращения пищевых продуктов в органах пищеварения и в самой крови и далее, вплоть до нервов. Все это возможно изучить, можно стать весьма умным, искусным анатомом, или физиологом, или ботаником, или зоологом; многое исследовать в мире

великой иллюзии. Но когда мы захотим подойти к человеку со всеми этими познаниями с целью врачевания, по-медицински,- когда хотим вновь найти путь, ведущий от природы к человеку, именно от внутренней природы человека и его сущности, - то это нам недоступно.

Вы скажете: Однако имеется много материалистически мыслящих врачей, которые ничего знать не хотят о духовном мире, которые руководствуются лишь тем, что можно исследовать естественно-научным путем, и они все же исцеляют.

Да, но почему?

Они вылечивают потому, что пользуются традициями древнего мировоззрения. Ведь все старые лечебные средства были заимствованы из мистерий.

Однако все они имеют замечательную особенность. Так, если вы возьмете в руки старый рецепт, то увидите, что он невероятно сложен и требует необычайно многих условий для составления и применения в тех случаях, о которых говорится по традиции, что он должен быть применен.

И если бы вы, во времена древних мистерий, спросили у врача святилища, как составляется подобный рецепт,- он никогда не ответил бы вам: "Я произвожу химические опыты, пробую соотношение тех или иных составов и затем применяю это на больных и наблюдаю происходящее". Так древний врач святилища никогда бы вам не ответил. Он сказал бы: "Я живу в лаборатории (назовем это так) - которая устроена согласно духу святилища, и когда нахожу какое либо лечебное средство, то это является указанием Бога". Ему было совершенно ясно, что через все настроение, царствовавшее в его лаборатории, он приходит в живое соотношение с духовным миром. Духовные существа присутствовали там для него точно также, насколько обычно бывают люди. Он сознавал также, что в духовном мире, посредством духовных существ, он может достигнуть большего, нежели без этого влияния. И он составлял свои сложные рецепты не естественно-научным путем, но божественным. В мистериях знали, что при желании познать и понять человека, не должно останавливаться на иллюзии, а необходимо проникнуть в истину духовного мира.

Ныне люди стоят гораздо далее в области своих внешних познаний нежели были древние со своими мистериями. Но путь к познанию должен быть снова найден. И вот третий пример, который я могу вам представить: Если мы вооружены широчайшими знаниями окружающей нас

природы, т.е. великой иллюзии и захотим лечить и исцелять, - мы все же будем стоять перед загадкой человеческой жизни с вопросами, остающимися без ответа. И, обращаясь от иллюзии к человеку, от воззрения "природа есть великая иллюзия" - к требованию "Познай самого себя", - как это представляется при лечении,- оказывается, что мы не можем сделать дальше ни шагу.

Таким образом, исходя из этих трех примеров, можно прийти к выводу: человек, желающий соорудить мост между миром великой иллюзии, миром Майи и положением "Познай самого себя" - видит, что он стоит перед ничто. Имея по отношению к человеку религиозный, или художественно-творческий подход, или желая помочь ему как врач,- он видит, что стоит перед тем же ничто, если исходит опять таки только от иллюзии.

Мы не сможем построить нужного моста, если не перейдем к совершенно иному познанию нежели то, которое есть познание внешней природы, познание великой иллюзии - Майи.

Познание Мира в его всесторонности при помощи духовного наблюдения над физическими явлениями.

Проведем сравнение между тем способом, каким в древние времена мистерий пробовали приобрести совершенное, действительное познание мира, и способом, каким пробуют сделать это сегодня.

Несколько тысячелетий тому назад говорили иначе о мире и его сущности, нежели говорят о нем нынче те ученые, которые имеют притязание на авторитет. Перенесемся в те времена, когда священные мистерии обусловили расцвет блестящего, величественного знания, господствовавшего в Передней Азии, и попробуем немногими характеризующими штрихами углубиться в род этого знания.

Мы скажем: тогда в древней халдее знали приблизительно следующее: Человек переживает самые внешние границы бытия, к которым может подойти своими душевными силами тогда, когда обращает духовно-душевный взгляд на удивительную противоположность между жизнью сна, когда спит (сознание сумеречно, человек ничего не знает о своей жизни),- и тою, которую он проводит в бодрственном состоянии - (вокруг человека светло, он знает

о своей жизни). Тысячелетия тому назад эти смены состояний между сном и бодрствованием воспринимались иначе. Сон не был настолько бессознателен; бодрствование не было таким сознательным, как ныне. Во сне воспринимали мелькающие, но могучие образы, действительно-волнующую мировую жизнь и когда спали, находились под воздействием всего сущностного в мире. Состояние бессознательности во время сна пришло позднее, с развитием человечества.

Зато тысячи лет тому назад бодрственная жизнь не была такой осознанной, уясненной, как сегодня. Предметы не имели точных границ, были неопределенными. Они еще излучали различное и многое духовное из себя. Не было также резкого перехода между сном и бодрствованием. Однако возможно было различать все то, в чем жили во время бодрствования и в те времена это называли приблизительно "Apsu". Это был мир бодрствования.

А то, в чем люди пребывали, когда спали, все действительно - двигающееся, чего не могли различать так хорошо, как различали минералы, растения и животных в состоянии бодрственного,- это называли "Tiamat", - "Tiamat".

В Халдейских мистериях учили, что человек находится в более истинном, настоящем мире, когда он витает во сне, пробивает в тиамате, нежели тогда, когда живет в бодрственном состоянии среди минералов, растений и животных. "Тиамат" древнее и более связано с волною искони-человеческого, представляя собою то, что лежит ближе к самой его сущности. ("Tiamat ist ursprünglicher"), "Apsu" было более неведомым.

Но с течением времени наступили изменения в Тиамате. Так учили и говорили ученикам мистерий.

Как следствие движения и жизни возникали образы демонов, коне-подобные фигуры с человеческими головами, львино-подобные фигуры с ангельскими головами. Они возникали из действительной жизни и то, что жило тут как демонические образы, становилось человеку враждебным.

Затем в мир вступило могущественное существо: Эа. Кто нынче еще чувствует звуки, то почувствует в созвучии Э и А указание на то могущественное существо, которое по смыслу древнего учения мистерий находилось возле человека со своей помощью, когда сильны были демоны, возникавшие из Тиамат.

Эа, Иа, с приставкою частицы "Soph" (Seinspartikel «soph» voraussetzte, Soph Ea = Sophia wurde) = Soph Ea, Sophia. Ea -

есть то, что мы обозначаем абстрактным словом: Мудрость, действующая во всем; Иа = во всем действующая мудрость, София. Soph - частица, которая приблизительно означает "существующий" ("Seiend"). Sophia; Sophea - пребывающий.

Итак, Sophea = повсюду действующая мудрость, посылала человеку Сына, того Сына, которого в то время обозначали именем "Мардук" и которого мы в более поздней терминологии привыкли обозначать как действующего из иерархии Архангелов - Михаила. Эта та же самая сущность, Сын Эа, Мудрости; Мардук-Михаил. Мардук - Михаил, как учили мистерии, был могуч, велик и силен, и все зги демонические существа, как то: кони с человеческими головами, львиные фигуры с ангельскими головами,- стояли в своей совокупности как великая Тиамаат напротив Мардук-Михаила Он был властен господствовать. Над ветром бури, проносившимся через Мир. Все что было "Тиамаат",- как это представлялось. Все эти демоны образовывали могучего дракона, огнедышащего, который противопоставлялся Мардуку-Михаилу как сумма всех демонических сил, рождаемых из ночи Тиамаат. Этой огнедышащей сущности он выбрасывал навстречу свое оружие и всю силу бури в самое нутро Тиамаат; и сущность Тиамаат расступалась, рассыпалась, расплзлась по всему миру. И Мардук-Михаил мог образовывать наверху Небо и внизу Землю.

Так возникло то, что наверху и то, что внизу.

Так учили в мистериях: Великий Сын Эа, Мудрости, покорил Тиамаат и из одной ее части образовал то, что наверху - Небеса, а из другой то, что внизу - Землю.

Если ты смотришь в Небеса, поднимаешь свой взор к звездам, о, человек! - Ты видишь одну часть того, что из страшных глубин Тиамаат образовал Мардук-Михаил для блага людей.

И когда ты глядишь вниз, где из земного вещества, пропитанного минералами, произрастают растения, где образуются животные,- то находишь другую часть, которую сын Эа, Мудрости, преобразовал из Тиамаат также для блага человечества.

Вот как в те древние времена, в древней Халдее, взирало человечество на все, образующееся в мире, и действительно, ощущали именно так: Демонические фигуры, населявшие ночь, и все, что было в Тиамаат,- Мардук-Михаил сформировал как звезды в вышине и как Землю внизу; из этих ночных образов, подвижных действительных сущностей,

мною описанных, сформировано им то, что светит нам навстречу из звезд. И все то, что произрастает из самой Земли - есть преобразованный Мардуком-Михаилом покров, ткань Тиамаат. Так взирали в древние времена на то, что могли себе представить, согласно душевным способностям. Таково было знание.

В святилищах, в совершенной тайне, учителя готовили своих учеников, развивая в них душевную крепость и силы. И лишь когда они достигали известной степени в развитии душевных сил тогда ученики могли познавать первые элементы того, что сегодня мы преподносим детям уже в школе как элементарные знания: например, что солнце неподвижно, что Земля вертится вокруг себя, что миры образовались из туманностей. Это естествознание, которое мы ныне в школе преподаем детям, было в древние времена великою тайной. Напротив, перед всем миром открывали то, о чем я вам только что рассказал как про деяния Мардуха-Михаила.

То, что согласно коперниковскому мировоззрению является астрофизическим учением о мире - древними мудрецами постигалось лишь после долгой подготовки. Этому знанию, хотя оно уже не имеет мистериального характера, мы учимся в университетах, даже в низших школах, вплоть до народных. Но в древние времена о нем могли знать лишь посвященные.

Было время (еще задолго до мудрости древних халдейских мистерий), когда люди говорили лишь о таких вещах, которые я вам описал: об Эа, о Мардуке-Михаиле, об arsu и о tiamaat. Они презирали все то, что говорили мудрствующие учителя мистерий о движении звезд, о движении солнца, и хотели исследовать лишь то, что как раз, хотя бы и в существенной форме древнего ясновидения - представлялось человечеству.

Затем наступило время, когда постепенно - с Востока - стало распространяться древнее знание и стали придавать значение как одному, так и другому знанию. Изучали и признавали то, что проявлялось как существенное из духовного мира, что являлось как деяния духовного существа Мардука-Михаила, и одновременно признавали и то, что возможно было зарисовать как солнце и вокруг как звезды, двигающиеся по циклам и эпициклам. Все это было существенным.

Вслед за этим наступило время, когда люди потеряли прозрение в духовном мире, в мире демонов и богов и когда

развились другое, интеллектуальное знание, которым современный человек так гордится и которое постепенно развилось до кульминационной точки.

Теперь, по отношению внешнего мира, мы находимся приблизительно в такое время, когда спиритуальное настолько же презирают, насколько в древние времена презиралось материальное теми, для которых само собою понятным было все спиритуальное.

Но мы должны вживаться в такие времена, когда будем снова в состоянии воспринимать рядом с тем, чему учат астрономы, астрофизики, зоологи и биологи - то, что дает нам спиритуальное познание о существе духовного.

Это время пришло. Этому времени человек должен идти навстречу, если хочет разрешить свои задачи, если хочет придти снова к религиозному искусству, к искусству врачевания и т.д.

Подобно тому, как в древние времена среди людей процветал спиритуализм, а материальное презиралось, а затем воспринятое материальное знание, ставшее великим, вытеснило спиритуальность, как в древние времена жили в заблуждении, погружаясь в одно спиритуальное, презирая внешний мир, и как затем ценили материальное, в состоянии заблуждения презирая спиритуальное, - точно также должно наступить время, когда мы, от многообъемлющего необычайного познания внешнего мира снова должны будем придти к новому мистериальному знанию.

Да, после того, как материальное познание достигло такого расцвета, отбрасывая часть за частью область древнего спиритуального знания так, что от него ничего более не существует; подобно как и от древних построек на Земле, кроме разве лишь остатков, извлекаемых при раскопках,- после этого мы должны придти к спиритуальному. Но должны придти с полным знанием того, что можем представить себе, оглядываясь назад, в древние времена Земли, копаясь там как в истории; придти к нему посредством нового, религиозно углубленного художественного построения, посредством нового, проникающего в человеческое существо духоведения, врачебной практики и т.д. Данные мною три примера были представлены вам сегодня дабы мы вновь могли построить мистерии, которые приведут нас к совершенному познанию сущности мира. Оно же приведет человека к работе на благо человечества в смысле всесторонней полноценности, а не только односторонней материальной действительности.

II. ТРИ МИРА И ИХ ОТРАЖЕНИЯ

Различие состояний сознания старого и нового времени

Чтобы составить себе понятие о том, что такое духовное исследование, мы должны, прежде всего, иметь представление о различных состояниях сознания, в которых человеческая душа может находиться.

В обычной жизни, которую человек ныне, в этом веке, ведет на Земле, он находится в совершенно определенном состоянии сознания. Оно характеризуется тем, что человек переживает известное различие между бодрствованием и сном, которые приблизительно, если даже и не совпадая по времени, - но согласуются с движением Солнца вокруг Земли и движением Земли вокруг своей оси. В наше время порядок, на который я тут указываю, правда; несколько нарушен. Но, оглядываясь назад; в не столь давнее время непрерывной жизни, мы находим, что люди работали приблизительно от восхода Солнца до заката и спали от захода Солнца до восхода.

В наше время это, в известной степени, нарушено. Я знавал людей, которые спали днем и бодрствовали ночью. Часто я исследовал, почему это так делается? И люди, о которых идет речь, и большинство которых были мне знакомы как поэты или писатели, говорили, что это как раз имеет отношение к сочинительству. Но, встречая этих людей ночью, я никогда не заставал их тогда за писательством!

Мне хочется указать вам, мои уважаемые слушатели, на то, что для современного сознания важнейшим фактом является, так сказать, именно то, что мы бодрствуем в течение солнечного времени или столько же, сколько оно продолжается, а время, длежащееся как ночное, мы спим.

С таким сознанием связано многое, очень многое. Оно связано с тем, что мы даем известную оценку, совершенно определенную, чувственным восприятиям, и в них видим главнейшую действительность. И когда мы переходим к мыслям, то видим в мыслях нечто чисто надуманное, и не такое действительное, как реальны для нас чувственные восприятия.

Например, человек нынче будет смотреть на стул или на нечто совершенно действительное: он может подвинуть его, слышит это; знает также, что может сесть на стул. Но самую мысль о стуле человек не рассматривает как нечто

действительное. Когда всплывает мысль, о которой он полагает, что они у него в голове, - тогда он этого не слышит! Современный человек и с правом для его конституции - не верит, что может сесть на мысль о стуле. Вы будете недовольны приглашением сесть на мысль о стуле.

Многое связано с переживанием сознания, обращенного к Солнцу. Этого не было у людей, получавших из мистерий наставления и направление для всех обстоятельств своей жизни, например, у халдеев, о которых вчера я упоминал. Эти люди жили совершенно иначе в своем сознании, немели современные.

Прежде всего, можно указать на следующее явление, которая дает понимание о разнице в сознании человека того времени и современного.

Мы, с нашим летоисчислением, принимая год в 365 дней, с этим хорошенько не справляемся. Если бы мы считали так тысячелетиями, то в конце концов получилось бы нечто такое, что не согласовывалось бы более с положением солнца. Мы отстали бы от Солнца и его положений. Потому мы включаем один день в год каждые четыре года и приблизительно согласуемся в течение длительных периодов времени с солнцестоянием.

Как поступали Халдеи в этом случае в древнейшие времена? Не так, как мы. Для длительных промежутков времени они имели подобное нашему счислению, но достигали его иначе. Им было нужно, в виду того, что они исчисляли год в 360 дней, вводить каждые шесть лет целый високосный месяц. Мы после четырех лет имеем один високосный год с одним високосным днем; халдеи после семи лет вводили високосный месяц. Таким образом, они имели шесть лет с 12 месяцами и затем один год, седьмой, с 13-ью месяцами; шесть лет с 12-ью месяцами и затем снова один год, седьмой, с 13-ью месяцами, и так далее.

Видите ли, такие вещи регистрируются современными учеными. Они говорят, что это было так. Но что это связано с интенсивными изменениями состояния сознания людей, этого не знают. Эти люди, которые вводили не один високосный день каждые четыре года, а один високосный месяц через шесть лет,- смотрели на мир совершенно иначе, нежели мы.

Почему? Потому что воспринимали разницу между днем и ночью совсем не так, как мы сегодня, днем воспринимали не такую ясность и свет как мы нынче. Мы, с нашим

современным сознаниям, видим людей с резкими контурами, у одного они расходятся далее, у другого менее и т.д.

Но было совершенно по иному у тех, которые получали в древних халдейских мистериях свои побуждения.

Вот что видел тогда каждый человек, представляя, например, данную картину - этот наполненный людьми зал: видели сидящих людей окруженными аурическим облаком, который сопричисляли к человеку. Если мы теперь так филистерски видим каждого человека с резкими контурами, сидящим на своем стуле и все вместе предстают так, что можно совершенно удобно каждого подсчитать, - то в те времена увидели бы левый и правый ряд стульев как бы в некоем аурическом облаке, который тянулся бы как пар, облако за облаком, имея места потемнее, которые обозначали бы людей.

Такую картину видали бы не в позднейшей, но в древнейшей Халдее. Днем видали бы лишь темные места в этом аурическом облачном образовании, и ночью - нечто совершенно подобное в состоянии сна, ибо он был тогда не настолько глубок, как нынче. Он был более сновидческим. Нынче, если бы кто-либо спал и вы все сидели бы тут, он о вас не видел бы ничего; такого сна тогда не было. Тогда и во сне видали аурическое облако слева и справа и в нем отдельных людей как светящиеся фигуры: днем в аурическом облаке их видали темными, ночью - как светлые фигуры.

Так что такого большого различия в лицезрении дневных и ночных явлений, как сегодня, в то время не было.

Не ощущали также различия между находящимся в небе Солнцем и отсутствующим Солнцем ночью, но воспринимали это явление так, что днем Солнце видели как световой шар, световой круг, а вокруг него чудесную солнечную ауру. Это я мог бы описать следующим образом.

Вот что люди представляли себе: Совсем внизу находится Земля, наверху повсюду вода и еще выше лежащий снег. Оттуда, сверху истекает Евфрат. А над всем этим был воздух. Наверху виделидвигающееся Солнце, окруженное дивно-прекрасной аурой. Солнце шло с Востока на Запад (см. рисунок).

Затем представляли себе, что существует нечто, о чем сегодня говорили бы приблизительно так: вечером Солнце уходит в отверстие трубы (Rohr) и утром выходит из него. А ночное Солнце видели приблизительно следующим образом: в середине зеленовато-синим, а вокруг желтовато-красное

сияние. Утром Солнце восходило из трубы, светлое в середине, окруженное аурой. Оно двигалось над небесными облаками и уходило на Западе в Небо, в эту трубу, становилось темным, аура его однако выходила за пределы отверстия в то время как оно погружалось и уходило все дальше, говорили о трубе, о полом пространстве, потому что Солнце видели тогда темным, черным. И высказывали то, что видели.

Взирая на охваченное Солнцем небо, не замечали большого различия между днем и ночью, как замечают это нынче.

В те времена видели еще и нечто совсем другое, нежели теперь, и очень сильно. Взирали на свое детство. В нем проводили первые шесть, семь лет жизни и по-настоящему считали себя находящимся тогда еще в божественном, в котором были и до того, как спустились на Землю. Затем, между 7 и 14 годом, считали себя уже несколько вышедшим из аурического духовного яйца и выходящим из него далее до двадцатых годов; и лишь с этих двадцатых годов чувствовали себя по-настоящему на Земле. Тогда уже несколько сильнее видели разницу между днем и ночью.

На собственном человеческом существе наблюдали восходящее развитие, протекающее в промежуток времени от шести до семи лет. Это согласовалось с движением Луны, а не Солнца. Луна, которая в течение 28 дней появляется то полностью, то менее освещенной, согласовалась с тем, что переживали сами люди в течение собственной жизни посредством числа шесть и семь. И тогда ощущали следующее: то, что Луна совершает в течение месяца, это прodelывает человек в течение 28 лет, в четырежды семь лет.

Выражали это во внешнем исчислении времени так: включали после семи лет седьмой високосный (прибавочный) месяц. Считали Луною, а не Солнцем.

И на внешнюю природу смотрели не таким образом, как сегодня смотрят. Нынче, когда бодрствуют, видят внешнюю природу в ее резких контурах бездуховной. Тогда же видели днем и ночью внешнюю природу не в резких контурах, а в духовной ауре. Ныне днем видят все, а ночью ничего. Все это приписывают тому значению Солнца, которое обуславливает

день и ночь.

Этого значения не имело Солнце для древних Халдеев в мудрости их мистерий, но значение это имела Луна, ибо она в своем образе давала отпечаток того, как возрастал человек. Ощущали себя совершенно иначе ребенком, юношей и взрослым человеком, в то время как нынче этого совсем не ощущают. Нынче уже не отмечают большого различия между первыми семью годами и вторыми семью годами. Дети стали также рассудительны, как и взрослые; необходимо изобретать специальные методы воспитания, чтобы справляться с ними. И все люди одинаково рассудительны, безразлично сколько им лет.

Подобное не имело места в Халдее. Младенцы были настолько духовны, что находились в божественно-духовном, и позднее они об этом знали, когда становились земными, вылуплялись из аурического яйца. С тем, что производило Солнце, тогда не считались, но считали по Луне, по образам, которые она представляет на Небе согласно числу семь. Потому, исчисляя время, на седьмой год и вставляли месяц, т.е. то, что имело отношение к Луне.

Этот внешний признак в развитии цивилизации, который мы сегодня считаем високосными днями, а Халдеи считали високосными месяцами, в действительности указывает на то, что различия между сознанием днем и ночью не существовало у халдеев, но зато существовали сильные различия между сознаниями отдельных возрастов человека.

Ныне, протирая утром от сна глаза, мы говорим: я спал. Древние Халдеи пробуждались на 21, 22 году, становились просветленными в своем воззрении на мир и говорили: я спал до 21, 22 лет. Они полагали, что бодрствуют до 50 лет, и что затем, во всяком случае, не засыпают как старики, а переходят в гораздо более просветленную сознательную жизнь. Посему на стариков и смотрели как на мудрых, которые входили в мир сна с тем, что они приобретали, как сознание с 20 лет и становились там необыкновенно ясновидящими.

Так переживал халдей три состояния сознания. Мы переживаем два, а третье лишь намечено как сновидческое: бодрствование, сон, сновидение. Эти состояния древний Халдей не переживал таковыми в течение смены дня и ночи, а переживал смутное, сновидческое состояние сознания до 20-го года; затем бодрственное состояние, в котором жил с миром, и когда он говорил, что пробужден вплоть до 50 лет. Потом наступало состояние, когда другие говорили про него,

что он берет свое сознание земное в духовный мир и знает больше нежели другие.

Потому на стариков взирали как на знающих. Нынче этого нет, на них смотрят как на старых болванов, ставших слабуемыми.

Вот то большое различие, которое захватывает человеческую жизнь вплоть до самой внутренней конституции.

Это различие необходимо уяснить себе, ибо оно означает невероятно многое для человеческого существа. Мир познают лишь когда знают о состоянии сознания, например, какое существовало у ребенка, в древней Халдее. Оно подобно, вернее - лишь похоже на наше сновидческое состояние, но гораздо более живое. Оно таково, что исходя из него можно действовать. Ныне это выступает как болезненное состояние. Но то, что теперь болезненно, было у Халдеев состоянием сознания ребенка. Дневное состояние, которое мы нынче ощущаем так по-филистерски, также еще не существовало. Говорю "по-филистерски"; потому что ведь это именно "по-филистерски" то, что мы имеем всех людей в их физических контурах! Воспринимать их и даже рисовать в этих резких контурах - это "по-филистерски"! В древней Халдее такое состояние не существовало; тогда видели людей, как я это описал, физически и аурически; видели человека насквозь, вплоть до самой души.

Существовало еще третье состояние сознания, погашенное нынче, ибо это есть то состояние, когда мы спим без сновидений. Его можно сравнить с ним.

Таким образом, мы видим, рассматривая все это исторически, что чем глубже уходим в древность, тем более находим отличия в различных состояниях сознания человека. В наше же время мы теми состояниями сознания, которые имеем в обычной жизни, особенно блистать не можем.

О том же, что переживает человек, когда спит без сновидений, - нельзя сказать ничего, ибо об этом обычно он рассказать не может.

Существует крайне мало людей, которые могут сказать еще и нынче про то, что они переживают во сне без сновидений, но их мало, очень мало. Говорят, что видеть сны - есть фантазия, а бодрственное состояние рассматривается как такое, на которое можно положиться.

У древних Халдеев было не так. Состояние сознания в детстве с живыми, ведущими также к активности

сновидениями, рассматривалось как такое, в котором дети наполовину находились в доземной жизни и оттуда могли сказать о том, что принадлежало божественному миру. И на детей смотрели тогда иначе, прислушивались к ним, ибо знали, что они принесли нечто с собою из божественного мира.

Затем наступило состояние сознания, при котором люди были земными, но еще душевными в своих аурах. Также, внимая старцам, узнавали нечто о духовном мире, о происходящем в нем.

И о тех, кто все дальше продвигался в мистериях, говорилось: К пятидесяти годам они овладевают чисто-солнечным, вступают в собственно духовное состояние, из солнечных героев становятся отцами, связанными с духовной родиной людей.

На это я хотел указать вам.

Естественно творящая фантазия современного сновидения

Оставим пока сон без сновидений современного человека и будем наблюдать то, что вам известно как обычное бодрствование, в котором вы находитесь, когда говорите: я бодрствую, вижу вокруг себя предметы, вижу других людей, слышу их говорящими со мною, общаюсь с ними и т.д.

И возымей затем другое состояние, которое вы также знаете, когда полагаете что спите, но когда из сна восстают часто так устрашающие или так чудесно освобождающие сны, о которых вы, находясь в здоровом жизненном состоянии, должны сказать: это вещи не принадлежащие к обычной современной жизни, они оживают и действуют исходя из какой-то природной фантазии и теснятся к человеку различным образом, филистер не будет обращать большого внимания на сны. Суеверный будет стремиться разгадывать их внешним образом. Человек же, настроенный поэтично, присматривается к этой удивительной сновидческой жизни. Ибо тут ведь исходит из глубины природы человека нечто такое, что, конечно, не имеет того значения, какое придает ему суеверный человек. Эти переживания рождаются во сне подобно облакам, туману и даже громоздятся точно горы, - возникают и снова исчезают, только в жизни сна это происходит быстро, в то время как во вселенной они медленно восходят и преобразуются.

Сны имеют еще одну своеобразность. Например, нам снятся змеи, окружающие нас или обвешивающие наше тело. В особенности люди; чрезмерно употребляющие кокаин, могут иметь такие особо сильные переживания. У подпадающих этому пороку сновидческие змеи выползают из всех уголков тела в своем сновидческом ощущении, и даже тогда, когда они не спят.

Всматриваясь в жизнь внимательно, мы заметим, что такие сны указывают на то, что в нашем собственном внутреннем нечто не в порядке. Мы замечаем расстройство пищеварения, когда имеем такие змеиные сны. Изгибы пищеварительных органов символизируются для нас в видениях сна в сплетающихся змей.

Случается, что кто-либо видит сон, будто он идет гулять и вдруг приходит к месту, где возвышается белый каменный столб, однако попорченный сверху. Он становится беспокойным во сне относительно этой испорченной верхушки. Просыпается: зубная боль. Он чувствует бессознательную потребность прикоснуться к какому либо зубу. (Я имею в виду современного, обыкновенного человека, не древнего человека, который стоял выше подобных вещей). Современный человек сразу засобирается к врачу ставить пломбу.

Что же такое произошло? Зубное переживание, связанное с болью, представляющее непорядок в организме, предстает как символическая картина: зуб есть "белый столб", несколько источенный, попорченный. Мы во сне ощущаем нечто, что собственно имеется в нашем внутреннем.

Или же мы видим, что находимся в комнате, где совершенно невозможно дышать; приходим в беспокойство, но это лишь в переживании сна. Мы замечаем то, чего прежде не видали: в углу стоит печь, совсем горячая, она слишком сильно натоплена. Теперь мы знаем во сне, почему не можем дышать: в комнате душно! Все это мы ощущаем во сне. Мы пробуждаемся и чувствуем сильное сердцебиение, ускоренный пульс. Состояние неправильного кровообращения символизировалось таким образом во внешнем как сон. Тут имеется нечто такое, что находится в нас самих, и мы это ощущаем. Но ощущаем не так, как днем. Мы воспринимаем это в символических образах.

Или например, нам снится, что на дворе за окном весело светит солнце. Но солнечный свет нас раздражает, мы становимся беспокойными во сне по поводу этого светящего солнца, от чего обычно испытываем удовольствие.

Пробуждаемся и видим, что горит соседний дом. Внешнее событие символизируется не таким, каким есть, а совершенно иным образом.

Таким образом, мы видим, что есть природно творящая фантазия во сне: внешнее выражается в сновидении.

Но остановиться на этом нельзя. Сновидение может, так сказать, приобрести свое собственное внутреннее значение и сущность. Не только наш физически чувственный мир, каким он есть вне нас и каким он окружает нас, может представляться картинно в сновидении, но также в сновидение может включиться совершенно другой мир, недели наш. Людям в чувственных сновидческих картинах может сниться высший сверхчувственный мир. Там действуют другие существа. Там мы встречаемся с демоническими или также с эльфообразными прекрасными существами.

Таким образом, современное человеческое сознание имеет рядом с обычным бодрствованием еще сновидение. И в действительности должно сказать: склонность к сновидениям делает из нас поэтов. Люди, которые не могут иметь снов, останутся всегда плохими поэтами. Ибо, чтобы быть поэтом или стать художником, надо, так сказать, перенести в бодрственно-дневную фантазию то, что естественно восстает в сновидении.

Тот, например, кто имеет сны такого характера, когда для него символизируются внешние предметы, как, например, горящий дом соседа посредством светящего в комнату солнца, - тот на следующий день, после подобного сна, будет чувствовать в себе возбуждение для композиции, он - музыкант.

Тот, скажем, который собственное сердцебиение ощущает как жаркий очаг, на следующий день будет чувствовать себя возбужденным к лепке или созданию архитектурных построений. Он - архитектор, скульптор или художник.

Эти вещи так связаны между собою, как я вам представил. В обычном сознании оно так происходит. Но можно идти далее. Возможно настолько развить свое обычное сознание, как описано в моих книгах "Тайноведение" и "Как достигнуть познания высших миров". Это достигается известными упражнениями и тем, что мы отдаемся совершенно определенным представлениям и также сочетаниям слов; вся жизнь мысли, жизнь чувства, жизнь воли делается активнее. Мысли становятся как бы осязаемыми и чувства живыми существами. Позже мы еще

остановимся на этом.

Затем наступает нечто такое, что является началом современного посвящения. Мы продолжаем днем видеть сны. Здесь мы подходим к точке, когда легко могут возникнуть недоразумения. Тот, кто совершенно естественно днем отдается сну, не должен оцениваться по своим сновидениям. Лишь тот, кто, несмотря на свое сновидческое остается бодрствующим, как и всякий другой человек, и все же продолжает сновидение, достигнув более активного мышления и чувства, нежели другие люди,- лишь тот начинает становиться посвященным. Именно тогда наступает следующее:

Мы видим,- ибо являемся в течение дня трезвыми и разумными людьми подобными другим,- видим с одной стороны человека таким, каким он является для обычного сознания, черты его лица, цвет его глаз, волос и т.д. Видим все это, но начинаем видеть сновидчески еще и нечто вокруг человека - "настоящее" - ауру и внутренний, духовный смысл поступков, которые совершаются людьми, видим их духовно. Мы начинаем, в совершенно бодрственном состоянии иметь осмысленные, соответствующие действительности, сны. Сновидение не прекращается утром при пробуждении, длится вплоть до засыпания, затем переходит в сон. Но оно осмысленно, то, что мы видим в человеке, в нем душевно воистину имеется; и то, что видим в поступках, имеется тут духовно, мы продолжаем находиться в действительности как и обычно при воспоминаниях или просто как во сне. Но нам снится духовная реальность.

К этому первому состоянию сознания присоединяется второе. Дневное сновидение обращается в высшее действительное понимание в сравнении с обычным воззрением в филистерской жизни. Мы видим в состоянии полного бодрственного сознания нечто еще добавочное к обычной действительности, что является высшей действительностью.

То, что мы сновидчески видим днем описанным образом, видим, чем все проникается, пронизывается, как отдельный человек, так и животные, растения; видим как поступки становятся ощущениями, имеющими духовное содержание,- все это прибавляет к обычной действительности нечто, ее обогащающее.

Видите ли, тут фактически присоединяется к тому, что мы обычно понимаем обыкновенным сознанием, еще второе сознание, и мы начинаем видеть мир совсем, совсем иначе.

Наиболее потрясающе сказывается это инако-видение тогда, когда мы смотрим на животных, на животный мир.

Этот мир представляется нам теперь так, что мы спрашиваем: что же я видел раньше в самом деле? Ведь я видел лишь одну часть этого мира, лишь внешнее животных. Но ведь это далеко не все!

Совершенно новый мир присоединяется к животным, так что для каждого рода, для всех львов, всех тигров, для всех различных пород животных имеется тут нечто, что уподобляется человеку, что подобно ему. И такой животный род становится действительно чем-то совсем особенным. Это трудно поддается наглядному пояснению, но я прошу вас сделать это следующим образом.

Представьте себе, что вы дополняете некоторым образом свое тело. Привяжите к каждому пальцу своих рук нитку, то есть, десять ниток, и к концу каждой на некотором расстоянии шар с различными нарисованными фигурами. Вы имеете тогда десять таких шнуров и создайте невероятно проворную игру пальцев, делающих всевозможные движения. Прodelайте это также и со своими пальцами на ногах. К каждому привяжите нитку и к концу шар с фигурами. И теперь привыкайте так ловко прыгать и так ловко двигать пальцами ног, чтобы получилось из этого что-либо совсем удивительное. Каждый палец длиннее и имеет на конце шар с фигурами и каждый из ваших пальцев на ногах имеет это также.

Затем представьте себе, что вы видите это связанным с вашим человеческим образом. Ваша душа господствует над всем этим. Каждый шар есть нечто отдельное, но в то мгновение, когда мы все это наблюдаем, то думаем, что это принадлежит ей. Вы не так связаны со всеми этими шарами и шнурами, как со своими пальцами рук и ног. Но вы господствуете надо всем этим. Это все есть единство. Когда вы начинаете овладевать им, как я вам рассказал, вы видите там наверху (рисуется - рисунок отсутствует) львиную душу и отдельных львов, которые относятся к ней как шары. Ранее, когда вы имели двадцать шаров, лежащих, и глядели на них, то это был отдельный мир. Но когда вы присоединяете к этому человека, присоединяете к нему всю внутреннюю подвижность, - тут уже получается нечто совсем новое.

Так обстоит и дело с вашим наблюдением. Вы видите львов, расхаживающих по одиночке. Это - как шары, которые тут лежат. Теперь вы глядите на душу львов, которая ведь

есть в духовном мире как человек, а отдельных львов вы видите как бы пойманными в шарах. Вы поднялись к совершенно новой сущности.

Таким образом, вы можете подняться к новым сущностям по отношению ко всему в животном царстве. Животные также как и люди имеют нечто в себе душевное, но это находится не в том мире, в котором человек имеет свое душевное. Когда вы проходите через мир, то несете совершенно неотступно вашу душу и самосознание, каждому человеку вы можете противопоставить ваше самосознание. Этого не может сделать лев. Но существует второй мир; он граничит с тем, где мы противопоставляем каждому человеку наше самосознание. А там, наверху, это делают души львов. Для них отдельные львы суть подобныедвигающиеся шары. Мы поражаемся этому, в особенности когда наблюдаем животный мир в его истинной сущности, посредством сознания, которое в себе развили.

Теперь мы говорим себе: в этом мире мы ведь находимся собственно так же, как люди; но опускаем его вниз, в обычный земной мир. Животное оставляет наверху свою групповую душу, родовую душу и ходит лишь с тем, что прохаживается тут на Земле на четырех ногах. Мы же тащим то, что животные оставляют наверху, вниз, на Землю, и получаем через это также иначе, нежели животное, построенное тело.

И мы можем сказать: То, что в нас имеется, принадлежит также этому внешнему миру; но как люди, мы вытаскиваем это сюда, в мир Земли.

Таким образом, видите ли, мы знакомимся с совершенно иным миром, который прежде всего понимаем на животных. Но мы должны иметь еще другое сознание, сновидческое, и привести его до бодрствования. Лишь тогда можем мы заглянуть в то, что еще существует в мире животном.

Тот, кто этого достигает, может называть этот второй мир душевным, в противоположность физическому, или душевным планом, астральным.

Его мы достигаем посредством другого сознания.

Следовательно, далее, мы должны ознакомиться с тем, с чем другие сознания позволяют нам заглядывать в миры, которые не суть мир обыкновенной жизни.

Дальнейшее укрепление душевной жизни

В смысле укрепления и усиления душевной жизни мы

можем идти все далее. Можем не только медитировать и концентрироваться, как я описал это в выше названных книгах, но стремиться к тому, чтобы снова удалить то, что имеем в душе как сильное душевное содержание. Мы приходим к тому, что после того как усилили со всем возможным напряжением душевную жизнь, укрепили мышление и чувство, мы все это снова сделаем слабее и даже приведем в ничто. Тогда устанавливается то, что можем назвать "пустым сознанием".

Когда в обыкновенном сознании мы делаем это сознание пустым, то засыпаем. Можно проделать этой экспериментально. Например, перед нами человек. Его лишают сперва зрительных впечатлений, так что он находится в темноте, отнимают все слуховые впечатления, так что он находится в безмолвии, в беззвучии. Затем притупляем также и другие органы чувств. Человек постепенно засыпает.

Это происходит не так, когда мы прежде усиливаем мышление и чувство. Тут мы совершенно произвольно можем сделать сознание пустым и бодрствовать. Мы ничего не делаем кроме того, что желаем делать по своему произволу: мы бодрствуем, мы не засыпаем. Но мы более не имеем чувственного мира перед собою. Мы имеем пустое сознание. Тогда сейчас же в него входит действительная духовная жизнь.

Также как и в обычном дневном сознании входит чувственный мир с его богатством теплоты, с его красками, с его звуками, также входит в это пустое сознание духовный мир. Лишь сделавши сознание бодрственным и пустым, мы бываем окружены духовным миром.

И снова мы можем поразительно интенсивно ощущать это новое сознание и эту связь с духовным миром на чем-либо из внешней природы. Как ранее мы при особом роде наблюдения над животными ощущали наступление новой сферы сознания, также теперь можем ощутить по совершенно иному нечто, что мы увидим в растениях, в растительном мире Земли.

Каким видим мы его обновленным сознанием? Мы проходим по Земле и видим произрастающим из минеральной Земли в богатстве красок и зелени растительный мир. Мы радуемся тому, что цветет и живет, синее, желтое, красное, белое и зеленое. Мы воспринимаем его, он воздействует на нашу душу. Она оживает, наполняется радостью. Она достигает внутреннего восторга,

когда мы видим этот чудесный блистающий красками растительный покров, раскинутый по Земле и произрастающий из Земли.

Мызираем кверху и видим Солнце, ослепляющее нас. Вглядываемся в синий небосвод. Мы не замечаем ничего особенного, кроме того, что нам представляется днем, когда мы имеем безоблачный или облачный день, то, что вам хорошо известно. Мы сперва не знаем, какое отношение имеет наблюдение растительного покрова Земли с тем, что мы глядели наверх.

Но идем далее. Допустим, что мы переживаем глубочайшую радость от лицезрения ковра, покрывающего Землю растительным царством. Мы ждем к концу прекрасного дня наступающую ночь. И теперьзираем на небесный свод, видим как многообразно построены фигуры светящихся звезд по всему широкому небу: они мерцают, блестя. Новый восторг наполняет душу, нечто действующее сверху ниспосылает нам радостное внутреннее ликование.

Таким образом, днем мы можем указать на многокрасочный ковер Земли в растительном мире: это дает нам ощущение внутренней радости, пронизывает нас восторгом. Мы можем затем взирать наверх и видеть кажущийся нам днем синим небосвод, покрытый ночью мерцающими, светящимися звездами. Мы внутренне можем ликовать, получая нисходящее к нам в душу сверху откровение. Это имеет значение для обычного сознания.

Когда мы выработали сознание пустое, но бодрственное, куда вошел духовный мир, тогда мы говорим себе, обращая взор в течение дня на растительный покров и ночью на светящиеся мерцающие звезды: днем нас привлекало, пронизывая внутренней радостью то, что покрывает Землю красочным ковром. Но что же такое собственно то, что видели мы днем? Затемзираем наверх ночью к блистающему звездами небу. Звезды уже не просто мерцают перед этим бодрственным пустым сознанием: они принимают различнейшие образы. Простое мерцание звезд прекратилось и там наверху (для нас) находится нечто замечательно существенное. Там ширится растущая, действенная жизнь, великая, сильная и возвышенная. И мы стоим, познавая ее в благоговении и благоговевая в познании.

Тут мы достигли средней ступени в посвящении и говорим себе: Растения ведь находятся прежде всего там, наверху. Настоящие существа растений - это есть то, что прежде светило нам лишь в отдельных точках звезд. Теперь мы

воспринимаем это так, как будто там наверху прежде всего находится настоящий растительный мир. Получается так, как если бы фиалка представлялась нам не как фиалка, но как если бы от утренней фиалки, когда она полна росой, мы видели бы не цветок, а только блистающую отдельную жемчужину росы, когда мы видим отдельную звезду, то это ведь и блистает отдельная росинка в звезде. В действительности, за этим имеется могучий, существенно-действенный мир. И к нему мы взираем.

Теперь мы знаем, что такое растительный мир. Он вовсе не на Земле, он во вне, в Космосе, сильный, возвышенный и великий.

И что это такое, что мы видели днем тут, внизу, в красочных растительных покровах? Это есть отображение того, что там, наверху.

Космос, со своей действенной, существенной образующей жизнью отражается на Земле. Она является зеркалом в своей поверхности. Когда мы смотримся в зеркало, то знаем, что это есть только отражение наше. Мы стоим, отражаемся такими, какими есть во внешней форме. Души в этом нет. Небо не отражается в Земле адекватным образом, но так, что оно сверкает в растительных красках желтым, зеленым, синим, красным, белым. Это есть отражение неба, слабое, теневое отражение неба.

Мы познаем новый мир. Там, наверху, растения суть люди, существа с самосознанием. И к обычному физическому миру, к астральному миру, мы имеем еще третий, собственно духовный мир. В своих росинках звезды ведь являются космическими росинками этого мира. Растения суть отражение этого мира, они не являются всем тем, что в них есть; они находятся в том, чем представляются нам здесь на Земле, но не сущностью. Они суть чистое отражение по отношению бесконечно многообразно богатой интенсивной реальности, которая имеется там, наверху в собственно духовном мире и из которой отдельные звезды блистают как космические росинки. Мы имеем третий, собственно духовный мир, и знаем теперь, что все роскошное растительное существо отражает лишь этот мир.

Еще мы познаем, что, как люди, мы также носим в себе то, что является собственно сущностью растений там наверху. Мы лишь вносим в отраженную жизнь Земли то, что растения оставляют там. Растения остаются наверху, в духовной стране, посылая на Землю свои отражения. Земля

наполняет материей, земной материей, эти отражения. Мы - люди, наше душевное, принадлежащее также этому миру, вносим в мир отражений; мы суть не просто отражения, но мы на Земле также и душевные реальности.

Мы живем на Земле, прежде всего, в трех мирах: В мире физическом, в котором животные своим самосознанием не живут. Но, как люди, мы живем одновременно и во втором мире, в котором животные живут со своим самосознанием, в астральном, только мы низводим его в физический мир. Живем также еще в третьем мире, в котором живет действительность растительного существа,- в духовном мире, только растения посылают на Землю просто свои отражения, а мы - наши души - реальности.

Теперь вы можете сказать следующее: существо, которое тут на Земле имеет тело, душу и дух, живет с телом, душой и духом в физическом мире и является человеком. Существо, которое на Земле имеет тело, душу, но в пограничном втором мире имеет дух и через это является менее действительным в физическом мире - есть животное.

Существо, которое в физическом мире имеет лишь свое тело, во втором мире свою душу и в следующем третьем мире свой дух, так что является только лишь отражением духа, лишь заполняется земною материей - это есть растение.

Вы познаете в природе три мира, и познаете, что человек носит в себе эти три мира. Вы, некоторым образом, чувствуете растения вырастающими вплоть до самых звезд и, взирая на них, говорите себе: ты существо, от которого на Земле вижу только отражение, отражение безсущностное. Чем более я обращаю свой взор кверху и смотрю на звезды в ночи, тем более вижу там наверху настоящее существо. И Природа, когда я гляжу с Земли до звезд, рассматриваю Космос как единое,- становится цельюю.

Затем, оглядываясь на себя как на человека, я говорю себе: То, что в растении достигает туда, доверху, это я сочетал на Земле в себе. Я ношу в себе, как человек, физический, астральный и духовный мир.

Итак, подняться до духовного исследования означает прозреть следующее: вместе с природою возрасти до Неба и врати в самого человека вплоть до того, где отверзаются ему небеса.

III. ФОРМА И СУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТЬ МИНЕРАЛЬНОГО В ОТНОШЕНИИ ИХ К СОСТОЯНИЮ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Кристаллизованное существо минералов

В прошлый раз я указывал на внутреннее переживание души человека, когда он, посредством тренировки и душевных упражнений поднимается к иным состояниям сознания. При этом то, что в обычном сознании мы знаем лишь как хаотичные, беспорядочные переживания сна, может быть превращено в полностью осознанные, точные бодрственные переживания, я указывал, как посредством этого мы приходим к состоянию сознания некоторым образом близлежащему обычному сознанию, в котором, например, животный мир воспринимается прежде всего в его совокупности, достигая высшего, душевного мира, астрального мира.

Затем, я пробовал показать, как перед нами предстает в своей совокупности растительный ковер Земли, когда мы, в дальнейшем состоянии сознания, исходящим из полностью бодрственного, но по отношению чувственного физического мира пустого сознания,- поднимаемся к звездному миру. Там познаем мы истину о растительном покрове Земли и понимаем, что произрастающие из Земли растения являются зеркалом того величественного и необычайного, что светится нам навстречу лишь внешним образом в звездном мире подобно жемчужинам росы в растениях.

Я хотел бы сказать, что все то, что в пространствах Вселенной развернуто в небесах, приобретает существенность, образ, краски, приобретает даже звучание,- когда мы, таким образом, поднимаемся к нему пустым сознанием. Тогда можно смотреть обратно на Землю и видеть истину о растительном мире, как он является отображением космической сущности, космического свершения и многое другое.

Мы наблюдаем некоторое своеобразие при лицезрении звездного мира с одной стороны и растительного - с другой. Мне хотелось бы, мои уважаемые слушатели, описать вам эти вещи, исходя из внутреннего опыта, описать такими, как они представляются непосредственному, спиритуальному наблюдению и исследованию. В основании моего описания никоим образом не будут лежать литературные или иные традиции, вообще что-либо традиционное. И тут я хотел бы,

прежде всего, обратить внимание на одну особенность, которая открывается тому, кто вникает в вещи так, как я описал.

Представим себе, что мы имели бы тут звездный мир, а здесь - мир земной (рисуется на доске). Наблюдая, мы стоим всегда в определенной точке, которую можем назвать своей точкой зрения. И вторым сознанием, о котором я говорил, постигающим звезды и растительный мир совместно, мы воспринимаем, каковы действительные явления там, наверху. Эту картину можно описать такими словами:

Там, наверху - космическая жизнь; тут внизу - Земля, как зеркало. Конечно, не подобно мертвым, несущественным тенеобразным отражениям, но как реальное отражение через воздействие Земли, произрастают растения.

Без Земли, на которой мы стоим, по которой ходим, не было бы растений. Она должна быть тут, как отражающее, дабы могли появиться растения.

Можно идти далее, переходя от бодрственной пустоты сознания (этого второго состояния сознания) к развитию силы душевной, обычно не расцениваемой как познавательная. Это - сила любви ко всем предметам, ко всем существам. Когда мы совершенно пропитываем себя этой силой, проникнув в тот иного рода мир, показывающий нам не звездами усеянный Космос, а откровение сущего, - то выходим в этот спиритуальный океан Вселенной и можем сохранить то, что на Земле имеем как дар нашей духовно-душевно-физической организации; мы можем сохранить себя и расширить в необъятное силу любви, силу отданности всем существам, тогда мы образуем все более и более нашу познавательную силу. Мы достигаем способности ясновидчески прозревать не только животное и растительное царство, но также прозреваем минеральное царство и именно, прежде всего, то минеральное царство, которое по природе своей содержит кристалл. Минеральные кристаллы становятся замечательным объектом исследования и наблюдения для того, кто хочет проникнуть именно в высшие спиритуальные миры.

Если мы переработали себя посредством созерцания животного и растительного мира, то сможем подойти к кристаллизованному минеральному миру.

И тут вновь мы чувствуем себя принужденными поднять взор от кристаллизованного минерального ко Вселенной, к Космосу; снова видим в пространствах Космоса существенное, как видели то, что лежит в основе бытия

растений. Но все наше созерцание теперь иное. Мы переживаем нечто совершенно другое, исходя в созерцании из кристаллизованного минерала, нежели когда исходили в созерцании из растительного мира. Мы тут во вне переживаем во Вселенной существование и снова говорим себе: то, что здесь внизу в бытии Земли видимо как кристаллизованный минерал, это обусловлено духовно-живым, существующим в пространствах Космоса.

Но, в то время как это воздействует вниз, оно не отражается на Земле или посредством Земли. Видите ли, в этом и заключается существенное. Когда мы от минерала поднимаемся к Космосу и смотрим обратно на Землю, то для минеральной Земля уже не является зеркалом. Получается так, будто Земли вовсе нет. Она выпадает из поля нашего зрения. Мы не можем сказать так, как о растении: там внизу есть Земля, она отражает. Нет, она не отражает, ее как бы нет совсем.

Когда мы концентрируемся на подобном лицезрении, которое исходит из кристаллизованного минерала, обратили взор в мировые пространства и снова глядим обратно,- тогда под нами, прежде всего, устрашающая, страшная бездна - *Ничто*. И мы должны ждать, должны сохранять присутствие духа. Ожидание не должно длиться долго. Если мы ждём слишком долго, то страх становится огромным, ибо мы чувствуем, что потеряли почву под ногами. Это совершенно непривычное чувство, выражающееся как огромный страх, если мы не имеем присутствия духа и не проникаем активно через это НИЧТО.

Мы должны провидеть через Землю. Это означает, что ее нет. Должны смотреть далее, ибо ее нет. И мы принуждены, для минералов, видеть не только то, что над нами, а видеть все окружение. Земля должна быть как бы погашенной. Мы должны внизу видеть то же самое, что и наверху, с Востока то же, что с Запада.

Вот тогда к нам приходит с другой стороны навстречу течение, которое поднимается снизу в противоположность течению, которое также существует и у растений, но которое снисходит сверху. Со всех сторон мы видим скрещивающиеся течения Космоса; они встречаются, скрещиваются там внизу под нами, так что мы имеем сверху течение для растений, которое идет вниз: Земля

противостоит и растение произрастает. Но, наблюдая течение для минерального царства, мы имеем противоположные течения и через скрещивание их образуется форма минерального царства.

Свободно, через встречу этих скрещивающихся течений Вселенной Космоса образуется минерал. Для кристаллизованного минерала Земля не является зеркалом. Тут ничего не отображается в Земле. Тут все отражается в собственном своем элементе.

Когда вы на горах находите кварцевый кристалл, то обычно он внизу как бы стеснен земным, там вмещались и стеснили его ариманические силы. В действительности он образуется так, что со всех сторон складывается духовный элемент, отражается одно в другом и вы видите кварцевый кристалл свободно реющим в духовной вселенной: в каждом отдельном кристалле, в совершенстве образующимся во все стороны, можно видеть маленький мир.

Однако имеются многие кристаллические формы: кубы, восьмигранники, четырехгранники, десятигранники, ромбические, однодольные, трехдольные и вообще всевозможные фигуры. Взирая на них, мы видим, как течения сходятся, встречаются.

Мы имеем кварцевый кристалл - шестистороннюю призму, замкнутую шестью пирамидальными сторонами; имеем кристалл соли, который может быть кубическим; кристалл пирита, могущий быть десятигранным. Каждый из этих кристаллов образуется так, как я это описал и мы должны сказать себе: следовательно имеется столько различно образованных мировых течений и существует не один мир, а столько пространственных миров, насколько Земля составлена из кристаллов. Мы глядим в необъятность миров. Смотрим на кристалл соли и говорим себе: Там, вовне, во Вселенной, есть настоящее, существенное: кристалл соли является манифестацией чего-то, что пронизывает все мировое пространство, как действительно существующее, это - мир для себя. Смотря на кристалл пирита, также кубической формы или десятигранной, мы говорим себе: Там, во Вселенной существует нечто, что наполняет все пространство и этот кристалл для нас - выявление, манифестация целого мира.

Так что мы стоим тут на Земле человеком и говорим себе: В земном встречаются действия многих миров; в то время как мы, люди, думаем и действуем на Земле, в нашем мышлении и действии струится вместе мысль и деятельность

различнейших существ. Мы имеем в бесчисленных разнообразных формах кристаллов откровение великого множества сущностей, которые изживают себя в математически пространственном образе в кристаллах. В кристаллах мы взираем на богов.

Еще более существенным, мои уважаемые слушатели, нежели интеллектуальное теоретическое знание чего-либо, является почитание Вселенной, известного рода благоговение перед нею и принятие воздействия необычайных тайн этой Вселенной на душу. Антропософия ведет к такому самочувствию. Человек должен получить возможность созерцать посредством антропософии во всяком отдельном кристалле деятельность и движение божества во Вселенной.

Тогда не только интеллект - мыслями, но вся человеческая душа наполняется мировым содержанием. Всего менее Антропософия существует для того, чтобы наполнять голову мыслями. Дана Антропософия для того, чтобы всего человека просветить о Вселенной, наполнить почитанием и благоговением к ней. И во все предметы и события мира должно входить,- я хотел бы сказать - внутреннее, душевное жертвенное служение человека. Это жертвенное служение должно стать познанием.

Субстанциональность и металличность минерального мира

Когда стоишь перед пространством Вселенной, пространством Космоса, и вглядываешься в то, что формируется ему навстречу в земном из кристаллизованного минерального мира,- тогда, прежде всего, наступает успокоение. Но затем, очень скоро, возобновляется то состояние страха, о котором я говорил. Перед тем, как воспринять этот богоносный, кристаллический мир, мы переживаем страх. Однако через некоторое время он погасает, ибо мы получаем своеобразное чувство, будто все, что тут образуется как кристалл, частично, правда, но поддерживает нас.

Остановимся на следующем примере. Возьмем кристалл соли и кристалл пирита,- кристалл металла. Глядя на пирит, мы имеем чувство: если мы можем стоять, то это тебя выдержит. А глядя на кристалл соли, нам кажется, что возможно было бы провалиться сквозь него и что он нас не удержит.

Короче говоря, то, что было ранее великою боязнью провалиться вообще - ибо Земля для нас стала как бы неким НИЧТО,- это ощущение появляется вновь, но лишь частично, в отношении определенных форм, к этому примешивается еще и нечто моральное. В то мгновение, когда мы вторично пронизаны страхом, мы чувствуем в себе не только все грехи, которые совершили в течение жизни, но также и все те, к которым еще были бы способны, которые могли бы еще совершить.

Все это подобно тяжестям, висящим на нас и готовым погрузить нас в бездну, в пропасть, которая открывается в кристаллах минералов и сквозь которые мы можем провалиться.

Однако нам должно быть в состоянии подойти к дальнейшему ощущению, к следующему переживанию: Во всем, что мы тут проделываем, заключается мужество и смелость, исходящие из того, что говорим себе: "Ты ведь во внутреннем своем имеешь нечто, что не дает тебе упасть ни вверх, ни вниз, ни вправо, ни влево. Ты имеешь центр тяжести твоего существа в своем внутреннем".

О, мои уважаемые слушатели, никогда в жизни не нуждаемся мы более в присутствии духа и внутренней смелости, как именно в то мгновение, когда, находясь с кристаллизированным минеральным миром лицом к лицу, нам давит на душу свинцовое бремя собственных эгоизмов,- ибо грехи суть всегда эгоизмы! Прозрачность, проницаемость, сквозь которую мы можем провалиться,- становится тут уже страшным напоминанием. И если мы сохраняем бодрость, то говорим себе: "искра божественного покоится в тебе". Ты не можешь погибнуть, твоя сущность божественна". И когда это становится нашим переживанием, а не просто теорией, мы получаем силу удержать равновесие и желание идти далее.

Затем мы узнаем еще нечто иное в минералах. Мы познавали кристаллизованное существо минералов, форму. Теперь познаем их субстанциональность, их металичность, то, что проникает, пронизывает их внутреннее как материя, как содержимое, и узнаем, как различным образом посредством известных основных металлов, мы держимся в равновесии во Вселенной. Мы познаем себя, как человека, в своем отношении к Космосу. Познаем отдельные металичности, субстанциональности минерального существа. И, действительно, начинаем чувствовать в себе самих эту центральную точку, о которой я только что

говорил.

Но то, что я говорю, вынужденный выразить это словами, обозначающими материальное, - вы должны воспринимать не материально.

Когда мы говорим: сердце, голова, - то современный, мыслящий материалистично человек, представляет себе голову физическую, сердце физическое. Но все это одновременно и духовно, оно ведь образовано из духовного. Теперь, рассматривая уже совсем духовно, совсем спиритуально человека в его цельности как существо духовно-душевно-физическое, мы получаем определенное следующее ощущение: прежде всего в сердце лежит центр тяжести, непозволяющий погрузиться, не допускающий вознестись, не податься ни вправо, ни влево, но удерживающий нас в равновесии. Мы достигаем того, что находимся в равновесии во Вселенной, поддерживая в себе бодрость, только что мною описанную. Однако что же значит находиться в равновесии во Вселенной?

Когда мы теряем сознание и находимся в беспамятстве, мы не в равновесии; когда имеем сильное чувство боли, так что определенно ощущаем себя по-другому нежели обычно в жизни, - тогда мы снова находимся не при обычном сознании, так как боль является усилением внутреннего чувства, она выводит из состояния обычного сознания. Ведь мы имеем род среднего сознания в нашей земной жизни между рождением и смертью и при нем необходимо удерживать равновесие. Когда это сознание становится слишком тонким, мы впадаем в беспамятство. Когда же оно становится слишком плотным и грубым, само в себе сознательным, - тогда наступает боль.

Восхождение в НИЧТО в состоянии обморока и чувство подавленности при боли, являются в обоих случаях заблуждениями сознания.

Это как раз то чувство, которое мы имеем теперь по отношению кристаллизованного минерального мира, когда еще не имеем металичности, субстанциональности; оно таково, будто в каждое мгновение мы могли бы расплыться в беспамятстве во Вселенной, или изойти в страдании.

Именно тут мы получаем чувство, будто там, где физически находятся сердечные мускулы, соединяется все то, что дает нам устойчивость. И если сознанием продвинулись настолько далеко, как я это описал, - тогда мы ощущаем, что все то, что держит нас в земном бодрственном сознании и делает его, так сказать, нормальным, если тут

возможно употребить это некрасивое "филистерское" слово "нормальное" - есть золото, *Augum*, в невероятной тонкости и чистоте распространенное в мире и не действующее ни на какой другой орган с такою непосредственностью, как оно действует на сердце.

Следовательно, если мы ощутили ранее строение, кристаллизацию минерального, то теперь ощущаем субстанциональность, чувствуем как металличность (*die Metallität*) действует на самого человека.

Во вне мы видим кристалл в форме минеральной, который формирует металлическое. Но в себе мы знаем, что сила, заключенная в золоте, распространенном в невероятно тонкой дозировке во всей Вселенной, (носит) поддерживает наше сердце и этим сохраняет наше сознание в равновесии, которое мы имеем, когда находимся в обычной дневной жизни.

Можно сказать: на сердце человека действует золото.

Можно также проделать опыты. Размышляя о Металлическом золоте, каково оно; концентрируясь на его краске, твердости, на всей его субстанциональности, и получая переживаемый внутренне опыт того, что золото имеет дело с нашим сердцем,- мы можем придти к следующему выводу: Золото действует бесконечно гармонизирующе, выравнивающе на внутреннего человека. Он приходит к внутреннему равновесию через воздействие золота.

Посредством другой концентрации, например, на железе и его свойствах, мы узнаем, как оно действует. И когда мы, забывая всю Вселенную, концентрируемся только на железе так, что некоторым образом сами в своей душевной жизни совершенно врастаем в железо, становимся железом, переживаем себя как железо,- тогда мы чувствуем будто сознание наше поднимается из сердца. Мы ощущаем себя еще совершенно определенно, но чувствуем как сознание наше поднимается из сердца и подходит к горлу, до гортани. Если мы проделали уже достаточно упражнений, то это нам не вредит. Но в обратном случае наступает как бы тихий обморок. Мы ощущаем это тихое беспмятство при подъеме сознания, или вследствие того, что действительно впадаем в тихий обморок, или вследствие развития внутренней активности и крепкой силы сознания. Тогда мы переключаемся все более и более в этот подъем сознания и посредством метода, мною описанного, подходим к этому миру, о котором я говорил как о мире, где мы видим

животных с их групповыми душами.

Посредством концентрации на металличности железа, мы находимся теперь в астральном мире.

Углубляясь в формы металлов, мы подходим к божественным сущностям. Углубляясь в металличность, в субстанциональность, мы входим в астральный мир, в душевный мир. Чувствуя сознание подступающим к горлу, мы входим в иную сферу сознания и знаем, что этим обязаны концентрации на железе. Погружаясь в полном сознании совершенно сознательно в это состояние, мы чувствуем себя уже не тем человеком, каким были ранее; мы поднялись из себя, стали эфирными. Земля уходит, не интересуется нас более. Мы поднимаемся в планетарную сферу, которая, так сказать, становится теперь местом нашего обитания.

Таким образом, мы достигаем все более и более того, что выходим из себя, входим во Вселенную. Путь от золота к железу есть путь во Вселенную.

Можно идти и далее. Также точно, как мною описано для золота и железа, мы можем концентрироваться, например, на олове, другом металле, на его окраске, консистенции и т.д., так что своим сознанием становимся совершенно оловом. Мы чувствуем, что сознание наше поднимается еще выше. Если мы неподготовленными, без необходимых упражнений, проделываем это, мы впадаем в сильное беспмятство, так что в нас остается лишь искра сознания. Но подготовившись упражнениями, мы можем удержаться в этом беспмятстве и чувствуем напротив, что выходим еще далее из своего тела. Затем чувствуем, что сознание поднялось до области глаз и ощущаем себя во вне, в пространствах Вселенной, в самих звездах. А Земля начинает быть видимой как далекая звезда. И мы думаем: там внизу ты оставил свое тело на Земле, ты теперь поднялся в Космос, переживаешь совместно звездную жизнь.

То, что я вам описываю, видите ли, не совсем так просто. Ибо то, что мы узнаем в то время, как совершаем путь посвящения, чувствуя на этом пути сознание находящимся в гортани, в нижних частях головы и во лбу, - то, что мы так чувствуем, указывает, что это всегда существует в человеке.

Вы все, сидящие тут, имеете эти сознания в себе. Вы только этого не знаете. Как же вы их имеете в себе? Да, видите ли, человек есть как раз не простое существо. В то мгновение, как вы осознали бы всю свою горловую организацию, могли бы отбросить свой мозг, свои органы

чувств и развивали бы как человек, только сознание в горле и в том, что принадлежит к этой области,- вы имели бы, да, все это тихое, бессознательное обморочное ощущение. Но вы также его имеете. Оно лишь прикрыто обычным - сердечным сознанием, сознанием золота.

Во всех вас имеется это сознание, которое я только что описал: некая часть вашего человека имеет его, живет этим во вне, в звездах, находящихся совсем не на Земле.

Еще далее во Вселенной живет сознание олова. Совершенно неправильно думать, что вы одни живете тут на Земле. Вы живете на Земле потому, что вы имеете сердце. Это собирает вам на Земле воедино сознание. То, что находится в горле (железо) - это живет во вне, во Вселенной. И еще далее живет то, что находится над глазами в голове (олово).

Железо достигает вверх, до Марса. Олово достигает до Юпитера. Лишь через золото находитесь вы на Земле. Вы всегда во Вселенной; лишь сознание сердца прикрывает вам это.

Когда наступает концентрация на свинце или подобном металле, опять таки для субстанциональности, для металичности, - то вы совершенно выходите из себя и вам становится ясным, что там внизу на Земле покоится ваше физическое, покоится также и ваше эфирное тело. Оно является чем-то чуждым. Оно находится там внизу, и также мало касается вас как камень, лежащий на поле. Сознание вышло из вас вот тут, из верхней части головы. Во Вселенной существует всегда небольшая дозировка свинца. Это сознание там наверху охватывает далеко. И с тем, что всегда еще существует у человека в черепной коробке, связанное с этим сознанием, он находится всегда в полном беспомыслии.

Подумайте, мои уважаемые слушатели, об иллюзиях, о которых здесь живет человек. Он полагает, сидя за своим письменным столом, занимаясь писанием рассказов и фельетонов, что он думает своею головою. Но это совершенно неверно. Голова совершенно не на Земле. Она лишь в своем внешнем откровении на Земле. Голова, начиная с горла, выходит во Вселенную. Вселенная открывается только в голове. То, что делает вас земным существом между рождением и смертью, это - сердце. И когда кто-либо пишет хорошие или дурные фельетоны, рассказы, которые обманывают или не обманывают других,- все это исходит из сердца. Это лишь иллюзия, что человек

живет своею головою на Земле. Он своею головою не живет на Земле. Она собственно находится постоянно в беспамятстве. Вследствие этого она может таким необыкновенным образом болеть, как другие органы болеть не могут. Я разьясню это еще и далее. Когда мы думаем узнать, какими же мы являемся - нас начинает духовным образом давить угроза, что голова может расщепиться во Вселенную, все сознание разлетится кверху, распадется в сильном беспамятстве. Сдерживается все это посредством сердца.

Таким образом, человек живет собственно так, что возможно сказать: В горле (железо) он развивает сознание, описанное мною вам как достигающее до животного царства и проникающее к высшим образам, лежащим в основании животного царства. В обычной жизни оно не доходит до сознания, но оно есть там, где человек взирает к звездам.

В области глаз (олово) находится сознание образов растений; внизу находятся их отображения. И совсем наверху, где сознание свинца, где мы достигаем до Сатурна, - там наша голова ничего не ведает о фельетоне, который мы пишем: его мы пишем сердцем.

Но голова знает о всем том, что я вам сегодня описал. Можно сидеть и описывать земное, - это приходит из сердца. Голова между тем может заниматься вопросом, каким образом и как в пирите происходит откровение божества, как оно выявляется в кристалле соли, в кристалле кварца.

Скажу вам, мои уважаемые слушатели, что когда сознание посвященного взирает на вас, сидящих тут, - то ваши сердца прислушиваются к тому, что я говорю. Но все ТРИ, друг на друге лежащие сознания, - они находятся в Космосе. Там разыгрываются вещи, совсем иной природы нежели они имеются в обычном земном сознании. И, прежде всего, живут там, в том, что разыгрывается, - живые нити, ткущие для каждого его Карму и т.д.

Вот, таким образом, исходя из Вселенной, мы постепенно познаем человека, который связан с внешним миром, но находится постоянно под угрозой впадения в беспамятство по отношению к миру, во вне лежащему; и мы познали, что человек сдерживается сердцем.

Из сознания пространства в сознание времени

Совершенно иное направление получает наше духовное движение, когда мы нашу концентрацию делаем на других, определенных родах металичности. Такие же упражнения, как возможно проделать с железом, оловом, свинцом,- мы можем произвести, например, с медью. Мы можем концентрироваться на металичности меди, некоторым образом раствориться в ней, стать в душевной жизни совершенно медью, в окраске, в консистенции, распуститься в этой блестящей своеобразной поверхности меди,- короче говоря,- во всем том, что мы душевно можем пережить в металлической меди. Мы получаем тогда не ощущение перехода в беспмятство, а нечто, именно противоположное; ощущаем, будто внутренне заполняемся чем-то и чувствуем себя более определенно, нежели обычно. Мы конкретно получаем ощущение, что эта медь, о которой концентрированно думаем, заполняет нас с верху до низу, до кончиков пальцев, повсюду, вплоть до самой кожи. Она нас заполняет чем-то, что излучается затем из центральной точки, лежащей под сердцем, во все тело.

Мы, таким образом, чувствуем в себе второе тело, второго человека. Происходит внутреннее давление. Начинается тихая, все возрастающая боль, внутри все как бы придавлено. Пронизывая все это чувством посвященного, мы определенно ощущаем второго человека в человеке. Замечательно, что когда мы так переживаем, то можно сказать себе: С твоим обычным человеком, которого ты получил через рождение и воспитание и с которым ходишь по миру, глядишь своими глазами на мир, слышишь, с которым ты чувствуешь предметы, ходишь вокруг; но вследствие того, что ты тренирован упражнениями, ты приходишь к возможности ощущать того второго человека, который теперь тебя теснит, этот второй человек становится особенным. Он не имеет отдельных глаз и ушей, но он словно весь - око и ухо, и является как бы чувственным органом. Он точно воспринимает, и ощущает именно предметы, которые мы обычно не воспринимаем. Мир для нас внезапно обогащается.

И мы на известное время, которое продолжается совсем не долго и длится секунды,- мы переживаем очень много. Мы можем, подобно змее, сбрасывающей свою кожу, выйти из жизни и свободно двигаться духовно в мире с этим вторым человеком, который, - я хотел бы сказать - образовался как медный человек.

Он отделим, и даже если это причиняет боль и боль

усиливается, он отделим от тела.

Мы можем таким образом выйти из тела и тогда пережить больше, нежели когда остаемся внутри. Прежде всего, можно, достигнув возможности выхождения, последовать за умершим в тот мир, в который он вступает через несколько дней после смерти.

Когда некто прошел врата смерти, все отношения, которые имели мы к этому человеку, будучи земными людьми, прекращаются. Его сжигают или хоронят. Его более нет на Земле.

Но мы, если выходим из тела с этим вторым человеком, которого я только что описал, можем следовать за душой, прошедшей врата смерти. Мы остаемся с этой душой. И тогда переживаем, как она в первые годы и десятилетия за вратами смерти продельывает снова в обратном порядке жизнь. Это становится действительностью. Можно это наблюдать, следуя далее вместе с умершим. Пережитое им тут на Земле в дни перед смертью, он переживает обратно: последнее сначала, предпоследнее как второй, и так далее. До момента времени своего рождения переживает он себя обратно в одной трети времени своей жизни. Если кто либо дожил до 60 лет, он переживает приблизительно в 20 лет всю жизнь, пробегая ее обратно. И тут мы можем следовать за ним.

Особенным является то, что мы многое узнаем о человеке, как это именно непосредственно есть после смерти. Человек переживает вещи обратно не только так, как он их познавал тут на Земле.

Простите, если я приведу грубый пример. Допустим, вы три года перед вашей смертью дали кому-то пощечину. Тогда вы имели гнев против него, гнев перешел через край, вы причинили другому душевную и физическую боль. Вы получили свое удовлетворение, были довольны. Вы наказали его за то, что он вам сделал.

Теперь, когда вы идете обратно и подходите к этому событию, через год, приблизительно, - вы переживаете не то, что переживали как свой гнев, а то, что он пережил как душевную боль, как телесное страдание. Вы совершенно вживаетесь в него. Вы получаете тогда пощечину в душевном. Вы должны прочувствовать по-настоящему телесную боль.

Оно так для всех событий. Вы переживаете события, какими их переживали другие. Во всем этом можно следовать за человеком.

Видите ли, об этих предметах знали более, нежели сегодня, в те времена, о которых я рассказывал, у халдеев, получавших свои культурные импульсы из мистерий.

У этих халдеев было многое весьма замечательно.

Тогда не жили так, как сегодня, исходя из сердца; халдеи жили исходя действительно из горла.

Как свое естественное сознание они имели некий род сознания железа. Они переживали во вне, во Вселенной; Земля не казалась для них такой твердой и сгущенной как нам. Но когда они жили во вне, в часы особо благоприятные, когда, например, жили на Марсе, совместно с существами Марса, то для них могло наступить мгновение, в которое с луны переходили существа и приводили с собою таких существ, которые именно воспринимаются нами, когда мы находимся в этом втором человеке, которого я только что описал. Там узнавали халдеи, окружным путем, во вне, во Вселенной, высоких сущностей, которые относятся к жизни после смерти. Они поучались во вне, во Вселенной.

Нынче мы не нуждаемся в этом. Мы можем непосредственно следовать за умершим. Можем сопровождать его в том, как он имеет свои переживания в обратном последовательности, но также и в противоположном порядке.

Особенное в этом то, что мы, выходя из своего тела с этим вторым человеком, чувствуем себя в мире, гораздо более действительном, нежели наш земной мир. Земная жизнь и все, что мы в ней пережили, представляется нам тогда подобно призракам, в противоположность плотной определенной действительности, в которую мы теперь вступили.

Сопровождая мертвых описанные образом, мы чувствуем все вдвойне, втройне тяжелее; трижды светлее, втройне громче, и все гораздо реальнее, и весь физический мир представляется нам очень призрачным. Кто имеет сношение с этим миром посредством сознания посвящения, для того физический мир становится суммой картин и возможно, что посвященный (Initiat), который для своих задач много общается таким образом с умершими, сказал бы вам: вы все ведь только нарисованы. Вы ведь совершенно не являетесь действительностью. Ибо настоящие действительности открываются лишь по ту сторону бытия. Там все гораздо реальнее, и эту реальность, ее можно уже узнать, мои уважаемые слушатели!

Быть может некоторые из вас помнят мои мистерии -

драмы.

Там появляется лицо под именем Штрадер. Эта фигура взята из жизни. В последней трети 19-го столетия была личность, жившая еще и в начале 20-го века, чьим образом, но художественным, поэтизированным, а не фотографическим, является Штрадер.

Он интересовал меня как личность в жизнь очень сильно. Он сначала был капуцином, затем стал философом, побывал однажды в монастыре в Дорнахе. Эту личность, интересовавшую меня, я переработал, перестроил. Она живет как Штрадер в моих мистериях, похожая, но не подобная.

Вы знаете, в четвертой мистерии Штрадер умирает, я должен был допустить его смерть. Я не мог бы обрисовать Штрадера далее, он не мог выступить снова в пятой мистерии. У меня выпало бы перо, если бы я захотел что-либо писать, охарактеризовать его далее, почему это произошло?

Видите ли, именно тем временем умерла настоящая личность и, вследствие моего интереса к ней, я мог следовать за нею и в другой мир. Там она действует гораздо реальнее. Но там, рядом с тем, что можно пережить с такою личностью следуя за нею после смерти,- прекращается тот сильный интерес, который был к тому, что в физическом мире еще могло быть описано.

Потому произошло нечто своеобразное. Некоторые антропософы доискались, что Штрадер есть род подобия этого человека. Ведь люди бывают порою пронизательны, не правда ли? Они начали исследовать и нашли кое-что оставленное им после себя и принесли мне, предполагая заранее, что я впаду в чисто восторженный интерес ко всему этому. Но я совершенно не мог интересоваться этим.

Напротив, меня интересовало все то, что этот человек теперь делал после смерти. Это - гораздо реальнее. Рядом с этим исчезло все, что представляло внешнее, что он оставил после себя.

Были удивлены моим безразличием после того, как затратили много усилий для получения оставленного этой личностью, чего я вовсе не хотел иметь.

Но дело именно таково: земная реальность становится иллюзией перед мощной реальностью, которая открывается перед взором того, кто следует за какой либо индивидуальностью после смерти, когда она находится в том мире, который сам в себе переживаешь; когда таким

образом, как я это писал, мы можем заполниться человеком, если мы можем выйти из тела, хотя бы даже лишь на краткое время.

Но и в короткое время можно пережить многое.

Существует именно этот, непосредственно с нашим физически-чувственным миром граничащий мир, в котором живут умершие, живут гораздо реальнее и их мы переживаем с человеком, который тут выступает, теперь мы не в беспамятстве, теперь мы плотнее в своем сознании.

Если мы двигаемся кверху от сердца со своим сознанием, то оно становится тоньше и мы близимся к обмороку. Когда отступаем вниз под сердце,- сознание уплотняется. Мы входим в миры, которые суть действительность. Мы лишь должны быть в состоянии перенести это. Они давят, теснят, они причиняют боль. Но если устремляешься вперед с необходимым мужеством,- тоходишь в них.

Таким образом, мы имеем теперь обычное сознание дневное в сердце; второе - в горле; третье сознание - в области глаз; четвертое сознание - в голове, наверху, которое ведет уже совершенно во вне, в Космос; и затем пятое сознание - под сердцем, которое ведет нас, теперь уже не в пространственные миры а обратно, во времена.

Мы двигаемся во времени. Мы во времени совершаем путь, когда достигли этого пятого сознания; путь, которым обратно идет умерший, его мы совершаем. Мы вышли из пространства, мы вступаем во время.

Вы видите, как все приводит к переключению в иные состояния сознания, и мы познаем миры, когда переключаемся. Человек живет тут на Земле в ОДНОМ мире, потому что имеет лишь одно сознание, потому что он просыпает другие состояния сознания. Если мы не просыпаем себя, а переключаем себя в иные состояния сознания, тогда мы переживаем иные миры.

В том и заключена тайна исследования иных миров, что человек сам в своем сознающем существе становится иным. Ибо не посредством мудрствования или исследования с теми же самыми методами, которые мы имеем в обычной жизни, входим мы в другие миры, но через метаморфозу, через трансформацию сознания в другие формы сознания.

IV. ТАЙНА ИССЛЕДОВАНИЯ ИНЫХ МИРОВ ПОСРЕДСТВОМ МЕТАМОРФОЗЫ СОЗНАНИЯ

Соотношение (связь) метальности с другими состояниями сознания человека

О форме и субстанциональности метальности минерального я говорил, собственно, поскольку эти вещи при приближении к человеку имеют отношение к его состояниям сознания. Прежде, нежели продолжить наблюдение, которое должно коснуться некоторых металлических субстанций, я должен сделать определенное замечание.

Легко можно подумать, что в сказанном мною заключается указание к тому, чтобы вызвать состояния сознания, отличные от обычного человеческого сознания современной ежедневной жизни, введением себе этих субстанций так сказать телесно, как некоего рода питательных средств. И когда говорится о методах, посредством которых находят путь в духовный мир, и указывается на внутреннюю школу и тренировку интимного рода, какую должно проделать, - люди часто отвечают: Да, охотно хотел бы я знать нечто об иных мирах, о других состояниях сознания, но так трудно проделывать эти упражнения.

Начинается жизнь с такими упражнениями, но приходит жизнь, полная привычек, из которых не хотелось бы выходить. Упражнения все более и более становятся чем то, что теряет в своем внутреннем энтузиазме и внутренней интенсивности. Постепенно дело расплывается. И люди ни к чему не приходят, находя невероятно неудобным проделывать такие душевные упражнения.

Когда слышат, что определенные метальности связаны с иными состояниями сознания, люди говорят: удобнее, если, например, для того, чтобы следовать за человеком после смерти, я просто нуждался бы в принятии небольшого количества меди. Почему бы мне тогда не принять медь и создать себе то состояние сознания, которое дает мне возможность сопровождать умершего через всю его душевную жизнь!

Дело становится еще опаснее, когда люди слышат, что в древних мистериях оно действительно проводилось

совершенно подобным образом; что в древних мистериях, под строгим непрерывным надзором тех, кто были посвященными, всячески уже проводились подобные вещи. И люди говорят: почему же снова не возобновить этих старых методов?

Но при этом не принимают в соображение того, что тела людей, вплоть до самого внутреннего, были совершенно иными в древние времена, нежели сегодня.

Что же было в древние времена и также в те халдейские времена, о которых я вам говорил этими днями; что существовало у людей, лучше сказать - чего не существовало?

Видите ли, не существовало нашей современной интеллектуальности. Люди не мыслили так, как они думают сегодня, но ощущали свои мысли как инспирацию. Как нынче мы сознаем, что не делаем розу красною, но роза производит на нас такое впечатление, также для древних людей было ясным, что мысли приходили от предметов, были ими инспирированы. Так было вследствие того, что телесность была совершенно другая в те древние времена. Вплоть до состава крови телесность была иною.

И потому было возможным, что такие металлы, о которых я говорил, в необычайно тонной,- мы сказали бы сегодня - гомеопатической высшей степени (чистоты), вводились людям для того, чтобы поддержать упражнение души. Но заметьте: все тело было тогда иным.

Допустим, что в древние халдейские времена человек получал бы высоко потенцированную медь и затем принял указание, что он должен перед принятием этой меди - так бывало всегда - проделать определенные душевные упражнения. Такой человек должен был не то что целыми днями, но годами тренироваться прежде нежели ему давалась высокочистая медь, и лишь затем, когда она ему давалась, он научался чувствовать, ибо его телесность становилась посредством тренировки совершенно иною,- как в нем действует в высших частях эта, распространенная в тончайшей, высоко потенцированной субстанции, пульсирующая в его крови, медь. Он находил, что, получая медь, после этой тщательной тренировки, он внутренне оживал и слова его, которые он произносил, некоторым образом становились теплее. Они становились теплее вследствие того, что он в своей горле и в своих нервах, шедших от горла к мозгу, сам становился теплым.

Основывалось это на том, что человек в те древние

времена вследствие своей иной телесности мог развивать тонкую чувствительность по отношению того, что в нем происходило. Дайте в таком же положении человеку современности высоко-потенцированную медь, и она также будет действовать. Естественно, она действует. Но она производит заболевание горла и больше ничего.

Должно знать это различие между старой и новой организацией человека, тогда мы более не будем развивать в себе желание и страсть переключаться в иные состояния сознания посредством внешнего приема, как это водилось в древние времена и многократно употреблялось еще и в средние века.

Видите ли, ныне единственно правильным путем является тот, когда человек прежде всего знакомится душевно с природой и с сущностью меди, как я это описал вчера, когда он создает себе такое ощущение о цвете меди, какова она есть, когда ее находят; о цвете, каков он, когда медь полирована; как действует медь в медном купоросе и в кислоте и т.д. Когда таким образом человек создает себе некое чувство, о котором медитирует и на чем концентрируется,- тогда оно действует на нового человека правильным образом.

Можно сказать: Да, это так, но в Вашей книге "Как достигнуть познания высших миров" совершенно нет о том, что должно таким образом переключаться в медь.

Действительно, этого там нет. Но есть о других вещах. И, прежде всего, это принципиально уже имеется в моей книге, лишь не о меди именно, но для других предметов. Там описывается, как мы должны перенестись в природу кристаллов, растений. Показаны нужные элементарные упражнения. Если не говорится о том, что мы должны познать природу меди, то этого и не нужно, ибо даются упражнения, например, в доверии к себе, в концентрации относительно совершенно определенных содержаний. Оно покрывается тем, что я сейчас представлял о природе меди. Мы не говорим, что должны иметь перед собою природу меди, но говорим: попробуй однажды взять какое-нибудь простое содержание и концентрируйся на нем каждое утро и каждый вечер. Это именно и означает, только выражаясь другими словами: концентрировать на природе меди. Тут только дается как душевное содержание то, что можно дать также касательно металличности.

Когда говорится: "должно каждое утро и каждый вечер концентрироваться на определенном душевном содержании,

например: "В свете излучается мудрость", то оно воздействует в душе, если действительно упражнение проделывается. И оно действует именно так, как если бы было сказано: "Познавай природу меди со всех сторон и концентрируйся на меди". Действие исходит лишь один раз от морального, другой раз от чисто физического, химического. И для того, кто как раз не является химиком, гораздо лучше, если он входит в духовный мир моральным путем.

Итак, вы видите, как должно поступать с этими вещами, ибо путь, которым мы шли бы в духовном мире опираясь на пути древних мистерий, был бы для современных людей совершенно ложным. Правильным путем является ныне тот, который заменяет внешнее природно-физическое моральным душевным образом. Ибо все соотношения человека с природой стали другими под влиянием развития человеческой телесности. Состав крови, движение соков, конституция - они все сегодня иные, нежели были у людей древней халдеи. Наше тело стало иным.

Анатомы в этом удостовериться не сможем. Во-первых, нынче он работает большею частью с трупами. Недавно на одном естественнонаучном собрании было даже высказано требование: дайте нам трупов! Анатомы находят, что имеют слишком мало трупов для исследования всех тайн естествознания: "Дайте нам трупов!"- восклицают они. Приобрести однако халдейские трупы для исследования этих вещей было бы весьма трудно! И помимо того, анатом своими грубыми средствами также ничего не нашел бы. Такие вещи должны исследоваться духовным путем.

Итак, мы имеем другую телесность, нежели древние. Исходя из этого, мы должны сказать нечто совершенно определенное. Мы можем также сегодня составить высоко потенцированные субстанции. Но почему мы это делаем? Потому, что как раз углубленное рассмотрение существа природы дает нам нужную ориентацию, направление. Когда мы тело человеческое действительно знаем, то нам известно, что оно изменяется посредством всех тех металлов, о которых упоминалось: олова, меди, свинца и т.д. И я вам определил прежде всего это различие указанием на различные состояния сознания.

Но и в нормальной жизни в человеческом теле наступает также, если употребить мало удачное филистерское выражение изменения. Скажем, например, что мы имеем изменения в области, о которой я вчера сказал, что она

излучает действие меди.

Такое изменение выражается в различных нарушениях пищеварительных органов, нарушениях обмена веществ и соответствующих органов человека; именно расстройством в той части, которая связана преимущественно с обменом веществ, с пищеварением, с распределением пищи в теле. Каждое такое расстройство в человеческом организме, которое мы называем болезнью, соединено также с пробуждением иного состояния сознания. Вы должны лишь обратить на это внимание в полном его значении.

Когда мы где-либо имеем больной орган, что это означает? Я говорил уже, что в современности, в обычной своей жизни, человек имеет свое обычное состояние сознания посредством сердца. Другие органы человеческой организации имеют иные состояния. Они лишь не поднимаются в степень сознания. Область вашей гортани со всем тем, что связано с мозгом, имеет постоянно состояние сознания, которое я вчера описал рядом с обычным. Область пищеварительных органов имеет постоянное состояние сознания, которое сопровождает нас во времени, которое мертвые пробегают после смерти. В этой области человек переживает жизнь тех людей, которых он знал после того, как они прошли через врата смерти. Но он переживает их под своим сердцем, не в сердце. Потому он об этом ничего не знает: знание остается в подсознании, в бессознательном.

И когда в этой самой области, в которой человек постоянно переживает жизнь умерших в годы после их смерти, наступает нарушение, именно нарушение пищеварения как болезнь,- то состояние сознания там внизу изменяется. Под сердцем наступает слишком сильное сознание.

Что означает, например, иметь известного рода желудочное заболевание? В физической жизни, естественно, это означает то, что описывает физический врач. И то, что я тут излагаю, ни коим образом не будет противоречить физической медицине. Она полностью будет признана и оценена. В Антропософии мы не стоим на точке зрения дилетантизма, светской неосведомленности или шарлатанства, непризнающих медицину, критикующих ее или поносящих. Мы признаем ее полностью. Но рядом с тем, что человек имеет в себе то, что мы описываем в физической медицине, при определенном рода желудочном заболевании,- человек приобретает способность через подобную болезнь желудка следить за жизнью человека

непосредственно после смерти. Следовательно, что же мы можем сказать, исходя из спиритуальной точки зрения?

Само собою разумеется, мы описываем прежде всего болезнь в физическом смысле, дабы применить терапию и т.д. Но в спиритуальном смысле тут можно было бы сказать, что человек имеет стремление идти вслед за умершими, которых он знал после смерти. Однако он не имеет способности погрузиться в сознание, лежащее под его сердцем. Он не знает, что идет в область мертвых.

Это - спиритуальная сторона болезни. Заболевают желудком потому, что слишком много бывают вместе с умершими. Но в то мгновение, когда мы бываем слишком много с умершими, мертвые действуют также слишком сильно. Из того мира, о котором я говорил вчера, что он более реален, нежели физический, - приходит в нас очень много. Теперь представьте: вы имеете весы (рисуется на доске) с весовыми чашками, из которых одна опускается сильнее и, если вы хотите восстановить равновесие, то должны положить на другую чашку весов большую тяжесть.

Допустим, некий человек под своим сердцем образовал такое чувствительное сознание (хотя для него это остается неизвестным), при котором он слишком много ходит с мертвыми. Это является подобным опусканию одной из чашек весов. Тогда мы должны положить тяжесть на другую чашку. Как мы это делаем?

Если тут (указывается на рисунок) находится слишком сильное сознание, надобно здесь (область глотни) ослабить сознание, ибо в сердце находится середина весов. Вы, следовательно, должны ослабить в этой области сознание. Как вы это делаете? Вы даете человеку *медь*. Я ведь говорил вам, что современный человек так организован в своем теле, что медь действует на органы горла.

Но пищеварительные органы и органы горловые стоят в такой близкой связи между собою как одна часть коромысла с другой. Одну можно регулировать посредством другой. Если мы человеку дадим соответствующую дозу меди, то он для своего излечения проходит мимо области умерших, в то время как обычно он более всего пребывал в ней.

Такова спиритуальная сторона лечения.

Сегодня мы должны сказать: Все субстанции, все субстанциональности имеют физическую сторону и моральную, как мною ранее описано. Физическая сторона после долгой тренировки могла быть использована древними посвященными для их учеников так, как уже говорилось;

нынче она не должна быть более так употребляема. Сегодня моральная субстанция принадлежит области душевного развития; физическая субстанция принадлежит врачу. И относительно моральной стороны дело заключается лишь в том, чтобы тот, кто знаком с физической стороной болезни и имеет также возможности глубокого проникновения в физическую сторону субстанций,- чтобы он находил поддержку также и в познании моральной стороны субстанций.

Это должно быть строго проводимо для современного познания, для практического знания в области спиритуальных путей: физическая сторона субстанции принадлежит врачу; моральная - принадлежит к тому, где имеется душевное развитие. Ибо человеческие организмы совершенно принципиально изменились со времен древних. Насколько интимной была связь между познанием моральной стороны субстанций и физической, настолько интимной должна она стать вновь, после того как была утеряна. Далее я буду говорить об этой утрате.

Но отношение, которое имеет место, например, между физической медицинской наукой и моральной наукой,- должно быть иным сегодня, нежели было в седой древности. В обоих случаях должно существовать это отношение. Но нынче оно другое, нежели было в древности. И на познании таких вещей покоится воззрение о том, каковы правильные и каковы ложные пути, ведущие в спиритуальный мир.

Изменения в положении человека к познанию с древних времен.

Будет полезным, если мы, для большего освещения изложенного, бросим взгляд на изменение, совершившееся со времен древности во всем положении человека к познанию.

Исходить надо от современности и вернуться немного обратно к развитию человечества, чтобы посмотреть, насколько различно говорили о вещах, имеющих отношение к области познания и исследования. Нынче, бросая взгляд на великие, замечательные успехи новейшего времени в области познания тепловых сил, электричества, а также сил, действующих в живых организмах,- мы говорим о природе и

о познании природы, об естествознании, а в Англии - о философии природы.

Обозревая то, что обозначают как природу в обыкновенных начальных школах, оно является как нечто необычайно абстрактное и предстоит суммой, как говорится, законов природы, которые должно изучать. И абстрактность предмета выражается также и в жизни.

Подумайте только, насколько абстрактно чувствует и ощущает сегодня студент естествовик, даже проникнутый энтузиазмом. Он должен выучить,- скажем,- в ботанике, наизусть много названий растений и растительных видов, а в зоологии наименования животных и животных групп. Он их забывает и должен всегда вновь и вновь изучать их, сдавая экзамены. Затем, после экзамена он их снова забывает, отыскивая когда это ему нужно, в словарях. Мы, наверное, не сможем сказать, чтобы отношение человека, изучающего нынче ботанику или зоологию, было отношением, например, таким, как к любимой личности. Этого мы сказать не можем. Нынче это не так. Природа есть нечто, расплывающееся в тумане. Имеются многие законы: законы силы тяготения, законы тепла, законы о свете, об электричестве, о магнетизме, о паре и воде, законы равновесия и о различии равновесия; естествознание, природоведение - суть то, что мы знаем относительно камней и растений. Естествознание является также тем, о чем мы говорим, что этого не знаем: о жизни внутренней конституции органов растений, животных, людей. Короче говоря, многое, о чем ныне мы говорим, что этого не знаем, - суть естествознание, философия природы.

Но сама природа является как нечто, к чему мы не можем близко подойти, ибо это все расплывается, это все мыслится тонко и абстрактно. Мы домогаемся нынче победить эту Абстрактность Природы, многие,- о чем можно уже сказать, стали по отношению этой Абстрактности Природы уже несколько равнодушными. Мы сохраняем доброжелательный нейтралитет если не принадлежим к юной молодежи, которая ныне в оппозиции и настроена сильно против того, что преподается как естествознание в школе. Но не так оно было всегда.

Теперь я хотел бы, прежде всего, охарактеризовать настроение и состояние познания в древние века.

Возвращаясь, например, в IX, X, XI столетие, даже в XII и XIII-ое, мы подходим к людям, которых,- применяя современное выражение,- мы назвали бы учеными, людьми

науки. Мы возвращаемся к тем великим ученым в духе того времени, которые обучали в знаменитой школе Шартра в XI, XII веке, возвращаемся к Бернарду Сильвестрис, к Бернарду фон Шартру, к Аланус аб Инсулис. Затем к таким личностям, которые в то время - хотел бы я сказать - еще ходили среди других людей со знаком посвященного, с отличием человека, знающего многое о тайнах бытия, еще в духе средневековья; возвращаемся к посвященному Иохиму фон Фиоре, или к той великой личности, которая также действовала в то время и стала известной в мире под именем Иоан фон Анвиль.

Я упомянул об этих личностях, к которым мог бы присоединить еще и многих других, для того, чтобы проникнуть в то время и охарактеризовать настроение времени по отношению к познанию.

Когда мы душою стоим напротив этих людей и они говорят о Природе, то это совершенно иное, чем когда мы сегодня говорим о Природе.

Встречая ботаника или патолога-анатома, или гистолога, или терапевта сегодня, мы так редко получаем ощущение, что его лицо, обращенное к нам, носит отпечаток тайн паталогической анатомии или зоологии! Скорее мы имеем ощущение что, лицо его сохранило отражение танцев, в которых он прошедший день принимал участие. Мы насквозь видим в этих физиономиях скорее подобные события, нежели что-либо переживаемое ими из тайн природы.

Это, наверное, не было так, когда глядели в очи Иохима фон Фьоре или Аланиус аб Инсулис, или Бернардус фон Сильвеструс, живших в том веке, о котором я только что упоминал. На лице этих людей лежала некая трагическая черта, нечто такое, что говорило: "Мы живем в век, когда утеряно многое". Нечто трагически-печальное, всплывавшее из углубленного знания, жило в облике этих людей.

И рядом с этим, если бы мы видели пальцы этих людей, которые современный вырождающийся человек назвал бы нервными - мы заметили бы следующее: они таили в себе живое доказательство стремления этих людей вновь разведывать и работать в древних тайнах, об утрате которых выражал их облик. Мы заметили бы, что в этих людях действует нечто, что желает снова возродить то, что было в древние времена.

Иногда это удавалось им; удавалось волшебным образом вызвать перед своими учениками хотя бы в призрачном виде древние времена.

Можно представить себе Школу Шартр, где еще ныне стоит удивительно прекрасный Собор (это представление не будет поэтической картиной,- но действительностью, которую я поставлю перед вами), мы можем представить себе поучающего Аланиус аб Инсулис говорящего своим ученикам о Природе приблизительно следующее:

Природа есть существо, которое мы уловить ныне не можем, она ускользает от нас, когда хотим приблизиться к ней. Человечество развило силы, ведущие его к иным вещам, но которые более не способны постичь Природу так, как она постигалась в древние времена познающими. Ибо она была могучим великим духовным существом, действующим повсюду: там, где образовывались камни в горах; там, где растения произрастали из Земли; там, где звезды сияли в небе. Всюду действовало неизмеримо великое Существо, которое представлялось в образе чудесной жены, жившей во всем. Это видели древние своим взором. Мы можем, судя по указаниям, которые сделали древние, создать себе еще представления о том, что такое была Природа. Это - повсюду действующее, движущееся, которое есть во всем окружающем, во всей теплоте, во всех проявлениях света, всех проявлениях красочных, во всех жизненных проявлениях,- двигается и живет. Но от нас это ускользает, когда мы хотим к нему приблизиться. Ибо живет и действует во всем Богиня-Природа, Богиня - божественно духовное Существо, о котором знали, что возможно его познать в его сущности лишь когда доступно на него взирать.

Подобные представления разъясняла еще в XII-м веке такая личность как Аланиус аб Инсулис своим ученикам в школе Шартр. Но вследствие того, что эту Богиню-Природу разгадывали как бы в тумане, при жизненности всего того, что ныне мы находим как абстрактные, мертвые законы природы,- вследствие того, что она сейчас же вновь ускользала,- вот в чем причина трагической, печальной черты, лежавшей на обликах этих людей.

Имелись еще и такие люди, каков был великий учитель Данте Брунетто Латини, который следствием особого кармического случая, получил род солнечного удара при своем путешествии из Испании во Флоренцию (Это событие было гораздо важнее, нежели боль, которую он испытал вследствие изгнания Гвельфов из его родного города). Как следствие этого состояние его сознания стало иным и он мог понимать Богиню-Природу как он это и описывает в своей книге "Tessoreto". Совершенно наглядно он представляет, в

живой имажинации, как на пути к родине он проходил через глухой лес и как он в этом глухом лесу подошел к одной горе и видел там действующую Богиню-Природу и она разъяснила ему, что такое представляет собою человеческая душа в мышлении, чувствовании и волеии. Он передает как она его просвещала в том, что такое представляют собою четыре темперамента человека согласно их существу и что такое суть пять органов чувств у человека.

Все это было действительным духовно-душевым наставлением, реальностью, которую он пережил под влиянием патологического состояния. И когда он все это испытал, он увидел жизнь и существо четырех элементов, огня, земли, воды, воздуха; увидал движение и существо планет, выходение человеческой души в звездное небо. Все это произошло под влиянием некоего духовного поучения, которое пришло к нему от Богини-Природы.

Это описывает человек тогдашнего века так наглядно, как только возможно было бы современному языку. Но одновременно мы имеем чувство, будто он ощущал что другие, древние, знали об этом совсем по-иному; ныне же это знание ускользает от нас. Мы даже должны придти и в подсознательное, патологическое состояние, когда хотим заглянуть в эти тайны.

Но в этих людях было невероятное стремление вновь волшебным образом вызвать нечто такое, что является действительным образом природы.

И, видите ли, когда мы так совершаем этот обратный путь в человеческом ощущении и человеческом мышлении по отношению познания, тогда чувствуем, что ведь и сегодня стоим перед Природою, но определяем ее именем, которое есть нечто совсем абстрактное,- суммою законов. Мы гордимся, когда схватываем эти законы некоторым образом в гармонии. Возвращаясь на несколько столетий назад, мы видим живое отношение человека к божественному Существо, которое жило и действовало во всем, проявлялось в явлениях: восходе и закате солнца, согревании камней, растений; во всем, что являет себя в живом движении и действии. Подумайте, какая это совершенно другая наука! Наука содержала деяния Богини-Природы.

Существовало даже различие в настроении учеников, выходящих из Шартрской школы - большею частью это были цистерцианцы-монахи,- и тем настроением, которое нынче имеют студенты, когда выходят из школы. Тогда было нечто другое, более живое, нечто существенное.

И совершенно живым получается существенное в таких описаниях, каковы описания Брунетто Латини, великого учителя Данте.

Что это было живо, можно ведь себе представить, ибо все те поразительные картины и образы, которые Данте нарисовал в своей "Comedia" вышли из живых описаний его учителя, посвященного через кармический случай. Также как и многое из того, что преподавалось в подобных школах как Шартрская, исходило от таких посвященных, как Иохим де Фьоре и т.д.

В те времена употребляли выражение "Природа", но не так абстрактно, как это делаем мы, а применяя его для обозначения того, что действует во внешних чувственных проявлениях, однако укрывается и ускользает.

Затем имело место и еще нечто. Допустим,- я снова описываю не поэтическую картину, а нечто бывшее совершенною реальностью,- допустите, мы сидели бы в качестве уже пожилого студента в колледже - как его также называют - Аланиус аб Инсулиса. Мы участвовали бы в том, что там совершалось: студенты были бы распущены, и мы пошли бы затем с Аланиус аб Инсулисом в одинокой прогулке, обсуждая то, о чем была речь. Что узнали бы мы?

Такая беседа могла бы принять особую форму. Мы могли бы говорить об этой Богине-Природе, которая открывается в проявлениях внешнего физического чувственного мира, но которая от нас ускользает. Затем Аланиус аб Инсулис, если бы даже стал искренним в задушевной беседе, похлопал бы нас по плечу и сказал бы: Ах, если бы мы еще имели то сновидческое состояние, которое имели древние, мы могли бы тогда познавать и другую, скрытую сторону Богини-природы. Но, засыпая, мы уходим ведь в бессознательное, где как раз древним открывалась другая сторона Природы. Если б мы еще могли так ясновидчески спать, как древние, мы познали бы Богиню-Природу.

И если бы привелось нам беседовать задушевно с Иохимом де Фьере, он сказал бы: "Да, становится трудным, касаясь нашего бедного содержанием сна, совершенно помрачающего сознание, познавать другую стороны Природы, великой богини, которая творит и живет во всем творящем и действующем, древние знали ее с обеих ее сторон. - "И, знаешь ли", сказал бы он, "древние не употребляли слова "Природа", они говорили о Существо, которое мы ныне предчувствуем более нежели о нем знаем,- употребляя слово "Прозерпина". Это истинно так".

Наша абстрактная природа, которую мы носим в идеях, есть претворение того, что я вам только что описал. И то, что жило в душах людей, подобных Бернардус Сильвестрису, Аланиусу аб Инсулису, и в таких личностях прежде всего, как Брунетто Латини было претворением того, что древние видели в Прозерпине, дочери Деметры. Деметра - вся Вселенная; Прозерпина - Природа. Это звучит уже совсем по-филистерски, когда мы произносим новое слово: Прозерпина - Природа. Это Природа, которая может лишь вполовину пребывать во внешнем земном мире, что означает: свою физически-душевную сторону она обращает к человеку, а в другую половину жизни погружена в тех областях, которых человек достигает во сне; но в наше время, вследствие того, что сон лишен сущности содержания, человек их более уже не достигает.

Итак, наше познание Природы есть подражание тому, что жило в мифе о Прозерпине в древней Греции.

Вот насколько изменились пути познания.

Но правильное описание чего-либо подобного (как я о том сказал уже в первой части моей речи сегодня), мы получаем лишь оглядываясь назад на то, каким было познание некогда. Эти описания даются не для того, чтобы вновь утверждать древнее познание, но чтобы вызвать чувство, каким оно было некогда.

Образы из древних времен

Перед нами встают еще более древние образы, когда мы хотим удержать в душе слова, которые в средние века могли сказать Иоахим де Фиоре или Иоанес фон Анвиль: "То, на что мы нынче взираем как на Природу; или то, что ускользает от нас, ибо мы не можем достигнуть его по ту сторону жизни,- оно было некогда Прозерпиной". У нас в душе встает миф о Прозерпине, только и сохранившийся как миф. Перед нами теснятся образы того времени, когда не абстрактная Природа и не в трагическом настроении воспринятая Богиня-Природа жила среди людей в душах, а когда жила светозарная богиня на одной стороне, и трагическая - на другой: Прозерпина-Персефона.

Как же она жила в те древние времена, когда воспринималась познанием полною жизни. То не было время, когда Платон писал о философии и Сократ говорил о ней, нет! Это были гораздо более древние, седые времена, когда познание было чем-то невероятно более живым среди

людей, нежели оно стало в просвещенные времена Греции.

Попробуем представить себе это, дабы в этой картине оживить то, что некогда было познанием в течение человеческого развития. Попробуем вызвать, хотя и несовершенно, описанный образ того рода мистерий, в которые был посвящен еще греческий философ Гераклит, так называемый "Темный, Мрачный",- ибо уже темным, душевно темным стало в позднейшее время то, что он воспринял из этих мистерий.

Воссоздадим душою картину из времен развития мистерий, из которых прежде всего творила Греция, творила в области своей фантазии, но также и в отношении построения своих мифов: картину Эфесских мистерий, в которые также ведь был посвящен Гераклит Темный.

В Эфесе, конечно, еще господствовали древние знания; они сохранились в Эфесе и до тех времен, когда действовал Гомер, хотя несколько слабее, нежели когда был посвящен Гераклит. Такие мистерии были полны сильнейшей жизненности, и существовали могучие течения посвящения, источник которых был в храме, украшенном с восточной стороны изображением, ставшим известным миру вместе с изображением богини Дианы. Это была богиня Плодородия, которая в своем многообразии повсюду в Природе выражается в изобилии плодородия. И великие тайны бытия, глубоко спиритуальные, вкладывались в человеческие слова, когда велись беседы непосредственно после того, как принимавшие участие в мистериях воспринимали их сильные импульсы в культах, в храме Эфеса.

Велись продолжавшие действие мистерий глубокие беседы, когда участники культа выходили из этого храма и затем, приблизительно именно в час, когда внешний мир наиболее благоприятен для подобных вещей, в сумерки, вступали на путь, который вёл от врат храма в лес. Там были удивительные дорожки в этом лесу, заросшие темно-зелеными деревьями, где они терялись в красивой перспективе на все стороны к Эфесу.

Беседы подобного рода хотел бы я воспроизвести в хотя бы и несовершенном образе.

Случалось, что посвященный в тайны тех времен принимал участие в беседе с кем-либо из учеников или учениц. Ибо должно отметить, что равноправие мужского и женского пола в те древние времена, после которых оно сейчас же было отнято, было более действительным, нежели оно есть в наше время, и мы точно так же можем говорить об

ученицах в Эфесе, как и об учениках. Миф Прозерпины-Персефоны в своем спиритуальном образе в этих беседах был совершенно живым.

Но как же она велась, подобная беседа о мифе Прозерпины?

Учитель, скажем - посвященный жрец, исходя из воспринятого им в импульсах, мог говорить о тайнах, происходящих между сущностями и мог говорить приблизительно следующее своему воспитаннику: "Взгляни, мы идем в сумерках. Сон, делающий божественный мир видимым, явным, вскоре наступит. Посмотри же на себя во всем своем человеческом образе: Там внизу - растения; вокруг нас темнеющий в зеленом сумраке чудесный лес. Наверху уже начинают показываться первые мерцающие звезды. Взгляни хорошенько на все это. Гляди на величие, на мощь, но также на произрастающее и восходящее в жизни внизу и наверху. И затем оглянись на себя. Обдумай, как в тебе живет и движется целая вселенная, как во всем том, что имеет в тебе свое бытие, во всем том, что в тебе действует,- является полнота превращений существ действующих в каждое мгновение. Почувствуй, что сам ты - есть целый мир, который хотя пространством и меньший, более таинственен и велик нежели Вселенная, которую ты обзираешь с Земли до звезд. Почувствуй это. Почувствуй себя как человек - миром, имеющим большую полноту, нежели мир, видимый глазами и охватываемый мыслями. Почувствуй мир в себе самом, внутри твоей кожи.

И затем ощути, как из своего мира ты глядишь в мир, достигающий от Земли до звезд. Ты будешь тогда охвачен сном. Ты уже не будешь в своем теле и своем мире, а будешь в мире, который обзираешь с Земли до звезд. Ты выйдешь тогда из себя со своею душевно-духовною частью. Будешь жить в сиянии звезд, в земном испарении, будешь двигаться с ветром. Будешь думать совместно с звездным лучом. Тогда ты будешь жить в твоём внешнем мире и оглаживаться на то, что ты есть как мир в себе".

В те древние времена была еще возможною такая беседа между учителем и ученикам, ибо внешнее наблюдение в продолжении дневного бодрствования именно не было таким очерченным, а было таким, как я вам уже описал. И сон не был еще пронизан полным мраком, а был пронизан переживаниями о переживаемом. На них указывали, когда говорили о состоянии, охваченном сном: "Вокруг тебя находится теперь Прозерпина или Персефона, Корэ. Корэ

живет в звездах, в лучах солнца, в лунных лучах. Корэ живет в пробуждающихся растениях. Повсюду деятельность Персефоны, которая живет тут, ибо она соткала одежду, из которой все тут.

За всем этим находится Деметра, ее мать, для которой она и соткала эту одежду, видимую тобою как внешний мир".

(Тогда не сказали бы "Природа", а сказали бы "Персефона" или Корэ.)

"Заметь,- если бы кто либо остался бодрствующим долее нежели ты", - говорил учитель своему ученику, - "тогда, пока ты спишь, он видел бы также как и ты, то, что внешне предстоит как образ Прозерпины в растениях, в горах, в облаках, в звездах. Ибо является иллюзией, как мы это видим. Не Прозерпина есть иллюзия, не то, что она творит в горах, растениях и облаках и звездах есть иллюзия, а то, как ты видишь. Вот что есть иллюзия.

И когда ты будешь спать, через твои очи, удивительные эти очи - загадка бытия,- в тебя будет входить Корэ - Персефона. Это представлялось настолько живо, потому что переживалось как совершенно живое; засыпающий не только чувствовал, что угасает его способность видеть, угасает возможность слышать и воспринимать,- но ощущал как Персефона погружалась через оба его глаза в тело, физическое и эфирное тело, которое было покинуто во сне душевно-духовным.

Земной верхний мир мы переживаем во время бодрствования; подземный мир, мир Преисподний - во время сна. Персефона через очи вошла в спящее физическое и эфирное тело. Персефона находится у Плутона, господина над состоянием сна в физическом и эфирном теле. Спящий ученик переживал действенность Плутона в соединении с Персефоною; он получал направление бывшее для него ясным благодаря вхождению Корэ через врата очей, переключал это в живое и теперь переживал во сне деяния Плутона и Персефоны. Он переживал это в то время, как его учитель переживал другое, соответствующее этому, но более связанное с предметными формами.

Затем, когда они сходились вновь вместе, оба уже имели пережитыми свои тайны. Они могли говорить о каком-либо растении, о каком-либо дереве, учитель, вероятно, описывал, как образуются формы,- ибо это как раз представлялось ему во время сна. Он проникал в формы листьев, ствола, в конфигурацию мира; в те фигурации, которые, так сказать, опускаются сверху вниз. Ученик же, быть может, переживал

другое: будто он мог достигнуть того, о чем говорил учитель в то самое время, как сам он говорил о тайнах хлорофилла, о тайнах растительных соков, которые распространяются снизу вверх в растении. Так дополняли себя чудесным образом эти беседы, в то время как, в живом охвате богини Прозерпины,- показывающей людям во время сна свою другую сторону в Преисподней Земли, открывались в человеческой душе эти тайны.

Так поучался в те древние времена ученик от учителя, учитель - от ученика. Ибо с одной стороны откровения были духовно-душевными, с другой - душевно-духовными. И такого рода беседа давала в человеческом содружестве, в совместном человеческом переживании наивысшие познания.

Утром видели наступающий рассвет и переживали восходящее с востока сияющее дневное светило, блистающее сквозь темноту зеленого леса с его чудесною перспективою; проводили недолгий час в пробуждении того или иного в царстве, которое мы ныне называем царством природы. Все это снова изливалось в беседе. Были убеждены, что это являлось общением с Персефоною; что то, что вчлнялось тогда в миф Персефоны - есть тайна человеческого познания Природы.

В беседах, которые велись касательно мистерий Эфеса, действовали чары, которые я мог наметить вам лишь несовершенно; эти чары пронизывали беседы. В них жили знания Персефоны, жили во всей жизненности. Впоследствии они были затемнены и это трагическим покровом легло на облик таких людей как Иоахим де Фьоре; а далее они были затемнены до того, что мы теперь имеем как Абстрактную Природу.

Пути в человеческую спиритуальность и спиритуальность Космоса мы понимаем лишь тогда, когда, характеризуя их, указываем не только на отдельные состояния сознания, которых может достигнуть человек, но и глядим также на то, как в течение человеческого развития сознания проходили через метаморфозу; видим иного рода познания, жившие в поразительных беседах тех, кто выходил из храма Эфесского, и насколько иначе построены были те беседы, которые велись людьми с такими личностями, как Иоахим де Фьоре, как Аланиус аб Инсулис, видим, насколько иными являются знания нынче. И мы должны искать вновь, но духовным, уже спиритуальным образом, дабы вернуться из внешнего ко внутреннему, из высшего к нижнему и затем

обратно - из внутреннего к внешнему, из нижнего к
высшему.

V. ВНУТРЕННЕЕ ОЖИВОТВОРЕНИЕ ДУШИ ПОСРЕДСТВОМ СВОЙСТВ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО.

Состояние Медности человека.

С одной стороны я пробовал показать как человек приходит к иным состояниям сознания нежели те, которые он имеет в обыкновенной жизни современной повседневности. Затем указывал, как исторический ход человеческого развития говорит нам о том, что человечество не всегда жило, познавая и действуя в том самом состоянии сознания, в котором оно живет сегодня. Наконец, пробовал обратить ваше внимание на состояние сознания познававших в X, XI, XII веках в связи с тогдашним образом воспитания познания, например, в Школе Шартр. Указал на то, как возникали знания не соответствующие современным состояниям сознания, например, у такой индивидуальности как Брунетто Латини, великого учителя Данте.

Я в прошлый раз пробовал взглянуть еще глубже на особый род отношения человека в миру, приблизительно во времена мистерий Эфеса. И мы видели, как люди жили совершенно в иных состояниях сознания, будь то даже довольно сродственно современному повседневному научному сознанию.

Сегодня мне хотелось бы продолжить это наблюдение, коснувшись того момента, где исторически выступает известного рода эпизод. Я отметил в каком отношении находится к человеку и состояниям его сознания медальность, являющаяся настоящей субстанциональностью минерального. Из средства человека с тем, что мы обозначаем как медь, я определил то состояние сознания человека, которое может быть достигнуто описанным мною образом и приводит к возможности следить за переживаниями умершего за пределами времени, когда он перешел врата смерти.

Теперь нам должно быть ясно, что приблизительно к такого рода познанию пришел Брунетто Латини благодаря полупатологическому переживанию, на которое я вам указывал.

И действительно то, что он описывает как достигнутое через инспирацию от богини Природы, может быть достигнуто в этом состоянии сознания, сродственном ближе всего нашему обычному состоянию. Ибо это состояние

сознания, которое следует за переживанием умерших непосредственно в годы после смерти, очень сродственно нашему обычному состоянию сознания. И я говорил, что это гораздо более реальное состояние. Мы стоим тогда в мире, который сильнее проникает, сильнее светит, который полнее все свершает нежели наш обычный физический мир.

Лишь благодаря тому, что это так, возможно совместно проделать то, что проделывает тот, кто незадолго перед тем прошел врата смерти.

Но этот мир одновременно показывает и нечто совсем особенное. Когда мы находимся в нем, тогда в мгновение такого состояния сознания невозможно взирать на свои обычные дневные переживания и на то, что мы проделываем в обычной жизни. Мы видим из своей собственной жизнь лишь то, что непосредственно предшествовало вступлению в земную жизнь, то, что мы проделали еще в духовном мире перед тем, как вступили в земную жизнь. Таким образом: с этим состоянием сознания мы находимся для человека совсем не в том мире, в котором обычно.

Представьте себе это графически. Мы родились в известное время (рисуется) и продолжаем жить. В то мгновение, когда мы приходим в состояние медности,- если мне позволите назвать это так,- (вы понимаете, о чем речь после предыдущего доклада),- мы уже не находимся со своим познанием в современности, когда достигли, примерно, уже сорокалетнего возраста. Но своим познанием мы также приблизительно и не в 35-нем или 30-ом и можем идти лишь обратно к тому, что непосредственно пережили в духовном мире перед своим рождением. Это мы можем для себя, для других людей, но не можем схватить того, в чем находимся в повседневности. Однако все это имеет значение опять таки лишь для человека.

Что касается животных, то мы видим, правда, не то, что они есть, как обычно в физическом мире, но смотрим наверх, в следующий мир и видим то, что я назвал групповыми или родовыми душами. Видим, некоторым образом, ауру животных групп (родов). И вообще, когда затем глядим в мир, мы видим его измененным и научаемся познавать нечто, что собственно весьма важно для человечества, но что совершенно не принимают во внимание в современное, материалистически мыслящее время.

Когда мы, со всем тем, что можем узнать нынче, вплоть до высшей университетской науки всех факультетов,- представим перед таким существом как богиня Природа, о

котором в одухотворенном смысле говорили учителя школы в Шартре,- то чувствуем себя со своим теперешним познанием в весьма неопределенном состоянии неведения. Ибо говорим себе следующее: Ты, собственно, знаешь согласно современному знанию и познанию только нечто, имеющее отношение к тому миру, который переживаешь между рождением и смертью; оно уже не верно, когда ты погружаешься в следующий спиритуальный мир своим сознанием и можешь за пределы смерти следовать за умершим.

Мы учим химию. Но то, что учим в химии, действительно только для того мира, в котором живем между рождением и смертью. Вся химия не имеет никакого значения в мире, в котором мы следим за умершим после смерти. Все, чему мы здесь обучаемся в физическом мире, совершенно не имеет никакого значения для того мира. Это является лишь воспоминанием, когда мы в том мире. И этот другой мир восстает сейчас же перед нами и мы чувствуем, что мир повседневный, в котором так многому научились, исчезает. Восстает мир другой.

Предположим, мы имеем в этом мире, в котором находимся между рождением и смертью, гору. Она довольно плотная. Мы смотрим на нее издали. Она отбрасывает свет, даваемый ей Солнцем. Видим ее в ее формах, в ее контурах. Подходим к ней, приближаясь все более и более, и чувствуем, что она является препятствием. Она производит на нас впечатление реального.

Затем мы находимся в другом мире. Значение всего того, о чем говорили как о плотном, о том, что отбрасывает свет,- прекращается. Восстает нечто как бы исходящее из самой горы: оно становится все большим и большим и производит на нас впечатление иной реальности.

Предположим далее, что видим тут, в повседневном мире, над горою облако. Мы убеждены, что оно так существует как сгущенный пар. И оно также теряет свою реальность. Из этого облака исходит что-то совершенно иное. То, что мы тут видели, уходит, соединяется с этим все более и более исчезающим облаком и горою и выдвигается нечто новое, новая реальность. Она является не просто туманом, но имеет образ, и так происходит со всеми предметами.

Мы видим их здесь множество, например, многих людей. В то мгновение, когда вы вступаете в духовный мир, резкие контуры исчезают. Вы должны, мои дамы, приучить себя к мысли, что тогда ваши красивые платья будут не видны

больше. Взамен из всего этого исходит душевно-духовное.

Но из окружающего исходит нечто таинственно живущее в воздухе и во всем окружении; оно приближается. Восстает новый мир. И в этом мире находится умерший после смерти.

Затем мы узнаем также еще иное. Если бы этого мира, в который мы теперь вступили, не было, если бы его не существовало повсюду, где существует и мир, на который мы взираем между рождением и смертью,- тогда мы не имели бы ни глаз, ни ушей, вообще никаких органов чувств как люди. Ибо мир, описываемый химиком и физиком, не может дать нам органов чувств. Мы были бы совершенно лишены их, были бы слепыми и глухими. Органы чувств не образовались бы у нас.

Например, это было поразительным, когда Брунетто Латини, возвращаясь из Испании и приближаясь к своему родному городу Флоренции, имел тот слабый солнечный удар, посредством чего перенесен был в другой мир. тогда же он заметил, что свои чувства как человек, он имеет из этого другого мира. Он был бы бесчувственным, если бы этот другой мир не проникал обычного видимого мира. Следовательно, мы обычно как люди видим вследствие того, что наши чувства вложены в наше тело в связи, с этим вторым миром.

Во все времена этот второй мир - мы можем сохранить это выражение - называли миром элементов. В этом мире не имеет никакого смысла говорить о кислороде, водороде, азоте и т.д. Об этом мы можем говорить между рождением и смертью. Там есть смысл говорить об элементах: земля, вода, воздух, огонь и свет и т.д. Ибо специфическое, что свойственно кислороду, водороду и т.п., не имеет никакого отношения к нашим органам чувств. То, что химик находит в фиалке или *Asafoetida* как запах, из которых первый очень приятный, а другой в высшей степени неприятен,- все, что тут находят химическим путем и обозначают наименованием веществ, не имеет никакого значения. Напротив, то, что тут действует как запах, одухотворено. Это следовало бы обозначить как воздухообразное в духе того мира, в который вступает умерший непосредственно после смерти, но как дифференцированный воздух, повсюду одухотворенный.

Таким образом, наши чувства коренятся в мире элементов, там, где имеется еще смысл говорить о земле, воде, огне, воздухе. Тут навстречу ошибочной приходит правильная мысль: как же поступает современный философ, ставший, как сам говорит, понятливым и разумным,

преодолевающий наивность воззрений прежних времен? Он утверждает, например, что воззрения тех времен были грубы, что тогда говорили лишь о грубых элементах - земле, воде, огне, воздухе. Мы же знаем, что имеется от 70 до 80 элементов, а не четыре или пять.

Если бы воскрес грек таким, каким он был некогда, а не в перевоплощении, и должен был бы ответить, он сказал бы: Да, совершенно верно, вы имеете ведь кислород, водород и т.д.; это - ваши элементы. Но вы забыли о том, что мы имели в наших элементах, четырех элементах. Этого вы не видите более. Об этом вы ничего не знаете. Однако со всеми вашими 72 или 75 элементами никогда не возникли бы органы чувств, ибо они возникают из этих четырех элементов. Мы поэтому лучше знали человека. Мы знали, как образуется в человеке внешнее, периферическое, проникнутое чувствами.

Впечатления, воспринимавшиеся от таких древних, близко подошедших к посвящению людей, каким был и Брунетто Латини, можно оценить только когда мы взвесим их согласно воздействию на сердце и охватим то поразительное и потрясающее, что возбуждает и овладевает душой.

Естественно, если кто-либо до сих пор верил тому, что видимое его глазами и слышимое его ушами есть реальное, и затем пришел к знанию того, что это реальное не могло бы даже произвести глаз и ушей, но что позади него должно существовать то, что я описал,- тогда это действует прежде всего потрясающим образом.

Опять таки существенным тут является то, что мы не можем придти ни к какому такому познанию, если смотрим на природу обычным мертвым образом и останемся такими, какими бываем в иных случаях. Ведь когда мы вступаем в этот мир, все начинает сейчас же жить. Мы говорим себе: Да, гора, которую знаем, мертва; мы совершенно не знали, что в ней живет нечто. Но в ней оно живет. Теперь оно тут. Облако казалось нам ранее мертвым. Теперь появляется то живое, которое в нем есть, которое мы прежде не видали. Но в этом одушевленном движении открывается опять таки именно существенное.

Тут мы уже не извлекаем из нашего мозга законов природы, но стоим перед духовной, спиритуальной сущностью, именно - перед сущностью "Природа"; Она говорит и показывает нам это, делает реальные сообщения, и тогда действительно мы начинаем понимать явления,

которые имеются в нашем окружении, общаемся с существами сверхчувственного мира, таким образом, вступаем мы из чисто абстрактной закономерности мира в существенное, где вместо того, чтобы подбирать законы природы путем экспериментов и размышлений, чувствуем перед собою существ другого мира, которые сообщают нам познания, ибо они знают то, чему мы как люди должны еще научиться.

Таким образом, можно правильным путем входить в духовные миры. Затем приходят к следующему:

Если бы мы имели только органы чувств, если существовали бы лишь глаза с их глазными нервами, нос с его нервами обоняния, ухо со слуховыми нервами, и если бы все эти нервы сзади были бы только связаны,- то мы совершенно не знали бы того, что имеется кислород, водород, азот и т.д. О всех этих вещах, которые воспринимаются нами как людьми между рождением и смертью. Мы взирали бы на мир элементов. Повсюду мы видели бы землю, воду, огонь, воздух. И то, что тут было бы как дальнейшая дифференциация твердого земного, и текучего жидкого, так мало интересовало бы нас, как миллионера малые деньги. Мы попросту не интересовались бы этим. Как люди органов внешних чувств мы ничего не знаем об элементарном мире. Но в тот момент, когда узнаем то, о чем я вам рассказал, мы познаем также, что у нас как у людей, нервы органов чувств идут назад, сильнее дифференцируются, более совершенствуются и образуют еще внутри нас нечто такое, как мозг. Вследствие этого мы более не входим в себя, но выходим из себя и прибавляем к существу четырех элементов земли, воды, огня, воздуха,- другие, что мы как раз обычно узнаем между рождением и смертью.

Но весь этот мозг, который громоздится из обратно идущих глазных, слуховых нервов и других, весь этот мозг, который нам как людям так ценен,- он имеет значение лишь между рождением и смертью. То, что особо еще так нагромождено у человека в черепной коробке, имеет значение лишь для земной жизни. Мозг является самым незначительна для духовного мира. Вследствие этого опять таки должно выключать мозг, когда мы хотим войти в близлежащий мир, граничащий с нашим. Это - высшему наблюдению чрезвычайно мешающий орган. Итак, мы должны с выключенным мозгом сейчас же вновь жить в органах внешних чувств, но теперь отпечатлеть в чувствах

пробужденное спиритуальное. Тогда мы получаем имажинацию.

Обычно в физическом мире чувства воспринимают чувственные образы, и они превращаются мозгом в абстрактные мысли, в эти мертвые абстрактные мысли. Если же мы выключаем мозг и снова живем в чувствах,- тогда ощущаем вновь все в имагинациях. И познаем это. Узнаем также, что погружение в более жизненные состояния связано с развитием высших духовных состояний сознания, нежели те, которые имеем в обычной жизни.

Наши органы чувств, которые ведь находятся в нашем окружении на нашей поверхности - глаз, ухо, они постоянно воспринимают тот мир; они видят элементарный мир. Они видят в нем также умерших в годы после их смерти. Что все это погашается, зависит от того, что позади наших органов чувств имеется мозг. Вот я стою тут с моим мозгом, моими чувствами. Этот человек, который лежит за моей внешней поверхностью, он видит внутри духовный мир, он видит внутри умерших в годы после смерти. Но мой мозг погашает все это, погашает землю, воду, огонь, воздух; и я взираю на то, что имеется в резких контурах тут как физический мир, что существует тут только для мира, переживаемого между рождением и смертью. Мир совершенно иного рода я погашаю через свой мозг и гляжу на тот, который именно знаком человеку, как мир обычного сознания.

В этом ведь состоит для современного человека медитация, о которой я говорил. Для древнего человека после подобной медитации следовало также еще вкушение известных металлов, о чем я излагал.

Таким образом, переводение в следующее состояние сознания состоит, прежде всего, в том, что мы выключаем сознание мозга и погружаемся духом в сознание, которое имеют нам глаза, уши. У животных также имеет место нечто подобное, ибо они физически не развили мозг позади органов чувств. Они в себе лишь не имеют души, одаренной «Я», так что не могут погрузиться в свои чувства духом. Они погружаются лишь грубо душевней и вследствие этого не видят того, что может видеть человек в окружающем, когда погружается в него своими чувствами. Но животные видят таким же образом, хотя низменно и не высоко индивидуально.

Мистерия Меркурия

То, что я скажу далее о металличности, т.е. о собственно субстациональном минерального, это, прошу вас, мои уважаемые слушатели, рассматривать со всей той осторожностью и оговоркой, на которые я обратил ваше внимание. Я связал ее в одно следующее выражение: внутреннее оживотворение души посредством свойств металлического, т.е. развитие внутренней жизни, связанной некоторым образом с металличностью, что в моральном смысле принадлежит действительному спиритуальному развитию человека современного. Привнесение металличности человеческому организму принадлежит врачу. Так что с этой оговоркой прошу вас принимать и все то, о чем я еще буду говорить про мистерию других металлов, кроме тех, о которых уже говорил.

Прежде всего, тот, кто рассматривает мир духовно, т.е. кто, рассматривая физическое, физические субстанции, может видеть действующее в них спиритуальное, тот стоит в весьма значительном смысле перед мистерией Меркурия.

Металл Меркурия является лишь частью того, что в духоведении обычно называют меркуриальным. Все текучее металлическое есть меркуриальное; но вследствие того, что в состоянии нашей природы как раз лишь только металл ртути является металлически текучим, то он и меркуриален. Однако ведь это есть лишь индивидуум из группы меркуриального. Когда мы в духоведении говорим о меркуриальном, то говорим обо всем меркуриальном и рассматриваем ртуть лишь как представителя меркуриального.

Это живое серебро, т.е. Меркурий, представляет в действительности значительную мистерию. Его действие на человека таково, что он вообще выключает все то из человека, что последний узнает в явлениях физического мира и также мира элементарного, только что мною описанного. Люди таковы, что образовали подобные органы, как, например, мозг, из физического мира. Еще многие и другие органы в человеке образованы физическим миром, именно целый ряд важных для физической жизни органов - желез и т.д.

Целое множество органов - только что я приводил как пример, органы чувств - образованы из мира, описанного мною как мир второго сознания, медь и железо переносят человека в этот второй мир. Но по-иному с Меркурием.

Меркурий должен быть тут, в мире.

И он находится в тонкой дозировке повсюду. Мы живем, - если можно употребить это выражение, - в атмосфере Меркурия. Но в то мгновение, когда человек принимает несколько более, нежели нормальную дозу Меркурия, его организм устремляется к тому, чтобы выключить все органы, которые исходят из физического мира и из элементарного. Астральное тело Человека, так сказать, возбуждается к тому, чтобы привлечь лишь те органы в человеке, которые образованы из мира звезд.

Вследствие этого человек сейчас же внутренне заполняется еще неким третьим человеком, когда его сознание концентрируется на металличности Меркурия, на свойствах Меркурия, на металлическом текучем, своеобразно неощутимом и все же, опять таки, родственном человеческому, что лежит в меркуриальном.

Я говорил, что, приходя в соотношение с медью, человек заполняется вторым человеком, который внутренне теснит и давит, который может также выйти из обычного физического тела и следовать, как я охарактеризовал, за умершим в последующие за смертью годы.

Живое серебро притягивает к себе сейчас же все то, что вызывает в человеке гораздо более плотный внутренний душевный организм. Человек чувствует, будто может охватить посредством всего того, что к нему теперь прибывает через ртуть, весь обмен веществ своих органов; чувствует, как через различные сосуды протекают соки в человеке; это внезапно пробуждается в нем, когда он испытывает сильное влияние металличности ртути.

Прежде всего, это не есть нечто такое, что можно описать как чудесное и приятное, ибо человек чувствует себя так, будто не имеет мозга, не имеет органов чувств, но все в нем является возбуждением и движением; все в нем кипит, живет, находится во внутреннем действии и жизни. Все в нас внезапно приходит во внутреннее возбуждение. И мы чувствуем, что оно связано с возбуждением во вне.

Все это, после душевной сознательной тренировки, представляется именно описанным мною образом; вследствие влияния ртути, через импульс ртути человек не чувствует своего мозга, это - пустота. Такое состояние хорошо для восприятия спиритуального мира, ибо мозг не годится для этого. Другие органы также еще не чувствуются. Но чувствуется происходящее движение во всем организме. И эти все движения причиняют прежде

всего такую боль, так болят, будто внутренно мы были бы утомлены.

Эти движения находятся повсюду в связи с внешними движениями. Внутреннее возбуждение связывается с внешним возбуждением. Мы имеем впечатление, будто оставили там под собою мир Земли, мир элементов. Все это осталось внизу. Оно похоже на дым и пар. Но в этом дымообразном, парообразном воздушном движении, именно там, находятся духовные сущности. Божественная природа, о которой Брунетто Латини говорит так оживотворенно. Оно ведь есть то же самое, что греческая Персефона. Прежде она оборачивала свой лик более к Земле, разъясняла то, что еще связано с земным, как первая жизнь, которую человек проводит после смерти. Теперь она поворачивается, и мы имеем земное и элементарное под собою, а над собою мир звезд. Звездные миры становятся нашим окружением, подобно тому, как бывали мы прежде окружены растениями и животными на Земле. При этом мы даже не имеем чувства, которое может быть выражено следующими словами: "какой ты малый человечек напротив великого звездного мира!" Нет, мы чувствуем себя в своем величии перед великим звездным миром так, как мы чувствуем себя по отношению ближайшего нашего окружения на Земле. Мы также стали великими, росли со своим величием в звездные миры. Но звезды не являются такими, какими мы видели их глазами, когда стояли на Земле. Они раскрываются как колонии духовных сущностей. Мы снова в мире, который я вам уже описал, как мир, вызванный в человеке посредством его сродства с метальностью олова. Ибо между Меркурием и оловом имеется внутреннее сродство в указанном направлении. Известную часть; нашей человеческой организации Меркурий пробуждает, поднимает ее из остальной человеческой сущности, несет в тот духовный мир, чьим физическим откровением является звездный.

Но теперь мы снова находимся где-то в ином мире, благодаря тому, что наше состояние сознания изменилось, и мы более не имеем сознания посредством наших чувств, нашего мозга, а имеем его посредством того, что подняла из нашего организма метальность Меркурия. Мы теперь в мире звезд. Но можно сказать также иначе говоря: мир звезд, это значит обозначать предмет пространственно. В действительности же мы с развитием названного состояния сознания выходим из мира, в котором находимся пространственно между рождением и смертью, и находимся

в мире, который переживаем как человек, между смертью и новым рождением.

В действительности это и есть мистерия Меркурия; Меркурий выводит человека из мира физически чувственного в мир, где он пребывает между смертью и новым рождением. Ибо живое серебро, Меркурий имеет внутреннее сродство с тем в человеческом существе, что совершенно не от этой Земли, а что вынесено из мира, переживаемого нами между смертью и новым рождением. Наш обмен веществ именно то, что мы теперь исследуем, не от этого мира, а установлен из мира, который мы пробегаем между смертью и новым рождением.

Теперь мы узнаем и другое, снова нечто, что отметил Брунетто Латини под влиянием богини Природы. Узнаем, что живя в нашем обмене веществ, который однако связан с обменом веществ всего Космоса; мы вне себя самих и находимся в той стране, которую переживаем между смертью и новым рождением. Но мы узнаем теперь природу этого обмена веществ и научаемся познавать как в этом внутреннем движении, в этом обмене веществ, источники которого в стране, проходимой нами между смертью и новым рождением,- образуется наш темперамент. Он образуется так, что мы становимся сангвиником, холериком, меланхоликом или флегматиком. Мы постигаем себя как чувственного человека еще глубже. Если мы проходим через жизнь флегматиком, мы говорим себе: Наша флегма обусловлена тем, что мы проделали между последней смертью и этим рождением. Точно также обусловлены холерическое, меланхолическое и т.д.

Но в этот темперамент, в том, что тут в обмене веществ имеет свое физическое выражение, примешано еще нечто другое. Обдумайте только, что вы имеете в этом обмене веществ. Подходя к этому как анатом или как физиолог, вы имеете, прежде всего, перед собою нечто физическое. Физическое есть только выражение некоего духовного. Но духовное в отношении этого кругообмена веществ совсем не из этого мира, но из того, который между смертью и новым рождением воздействует в человека.

Таким образом, оглядываясь на наш темперамент, как это явилось самым потрясающим и для Брунетто Латини, когда богиня Природа разъяснила ему о темпераментах,- мы

говорим себе: в этих темпераментах, лежащих в обмене веществ, положена печать жизни, проходимой между смертью и новым рождением. Проникая еще глубже, замечаем, что к этому примешано то, что мы называем Кармой - испытанием судьбы.

Вглядываясь в этот удивительный металлический текущий Меркурий в его физическом бытии, мы научаемся познавать его хорошенько лишь когда знаем, что в нем заключена следующая тайна: в одной капельке этого текучего живого серебра посвященному открывается глубоко лежащее соотношение; эта капелька ртути в состоянии связать духовное человека с теми органами, источники образования которых коренятся в жизни между смертью и новым рождением.

Так, двигаясь, все друг с другом связано в мире. Физическое есть только иллюзия, физическая иллюзия. Духовное - только для физического является абстрактной иллюзией. В действительности, физическое действенно в духовном, духовное - в физическом.

И, когда мы, замечаем повреждение человеческого организма в области органов, образованных собственно из той страны, которую переживаем между смертью и новым рождением,- тогда мы должны вызвать в человеческом организме силы, которые могли бы исправить эти повреждения.

Представьте себе, что человек говорит врачу о повреждении в обмене веществ, т.е. той организации, импульсы которой собственно приходят из жизни между смертью и новым рождением. Следовательно, мы стоим перед больным, чей обмен веществ оторвался от духовного мира. Это и есть феномен. Мы должны спиритуально поставить диагноз болезни.

Спиритуальное в отношении к физическому диагнозу понимать надо всегда так, как я указывал, я все снова подчеркиваю это, дабы не возникло никаких недоразумений. Мы поставили диагноз того, что обмен веществ человека слишком сильно оторвался от спиритуального мира, который переживаем между смертью и новым рождением. Что же мы должны делать?

Терапевтически должны ввести в тело соответствующего рода метальность, которая восстанавливает снова контакт обмена веществ со спиритуальным миром. В этом направлении действует на человека Меркурий.

Он действует на человеческий организм так, что

восстанавливает вновь контакт со спиритуальным миром тех органов, которые могут быть образованы только из спиритуального мира.

Тут вы видите, какое,- хотелось бы сказать, опасное, но одновременно само собою понятно необходимое соотношение господствует между познанием состояний сознания в человеке и познанием болезней. Одно переходит в другое.

Эти вещи играли большую роль в древних мистериях. И они разъясняют нам нечто такое, о чем я уже говорил. Подумайте, во времена, когда человечество уже давно не имело более такого спиритуального зрения, при котором богиня Природа могла быть познаваема в ее открывающем тайны природы образе,- возвращается учитель Данте, Брунетто Латини из своей ссылки в Испанию обратно на родину. Он в известном возбуждении приближается к родному городу, потому что слышал о том, что случилось с его партией, партией Гвельфов. При таком настроении его духа с ним случается нечто подобное легкому солнечному удару. На него просто воздействовала из окружающего метальность Меркурия.

Ибо что означает: получить легкий солнечный удар? Это означает, что мы получаем воздействие повсюду тончайшим образом вокруг нас в Космосе дозированного Меркурия. Это воздействие Брунетто Латини испытал. Вследствие этого он получил возможность подойти к духовному миру так, как в то время для человека подходить к нему было невозможно.

Это указывает нам, что в человеке, каким он стоит перед нами, есть нечто, что имеет сродство не только с тем, что разворачивает перед нами естествоиспытатель и сродство с тем, что разворачивает перед нами тот, кто может уже следить за умершим в его следующих за смертью шагах,- но указывает и на то, что человеческая сущность, какова она в нас есть, имеет отношение и связь к чему-то еще более высшему, и совершенно духовному, каким мы его переживаем между смертью и новым рождением.

Вы можете постигнуть форму печени, форму легкого, когда действуете приемами обычной науки. Можете постичь строение органов чувств, прибегая к помощи ближайшего знания, но это касается лишь грубым образом нашей современной физики. Однако вы никогда не познаете кровообращения стоящего человека в его своеобразии, если не подойдете к нему с точки зрения науки инициальной. И вы также никогда не познаете тайн метальности, если опять

таки не подойдете к ней через инициальную науку.

Этим также сказано, что вы никогда не познаете существо болезней в смысле изложенного, если не подойдете к этому с инициальной наукою, ибо ведь физическим свойством металлов помочь вы не можете.

Физическими свойствами металлов, если вы их знаете, вы можете излечивать мозг. Но вы не можете лечить нарушенного обмена веществ.

Однако то, что я вам говорю теперь, имеет также переносный смысл, ибо вы можете лечить только самую грубую массу мозга. А так как в мозгу происходит также обмен веществ, то вследствие этого вы в действительности не можете лечить мозг металлами, как только посредством спиритуального познания.

Можно возразить: почему же современная медицина все же излечивает?

Она лечит тем, что еще осталось ей от традиции древних времен. Мы еще знаем то, что знали древние о спиритуальности металлов. И это мы применяем, присоединяя к тому, что найдено чисто физическим путем и что слабо помогает. И если бы когда-нибудь материализм победил, и все прежнее было забыто,- тогда ни одно лекарство, найденное физическим путем, не могло бы помочь.

Сейчас мы находимся в той точке человеческого развития, когда вследствие постепенного исчезновения старых традиций древнего ясновидения, спиритуальное должно быть найдено новым образом.

Мистерия Серебра

Совершенно особого рода мистерия скрыта за метальностью серебра.

Если можно сказать, что за медью лежим та космическая импульсивность, которая включает волшебю в человеческое существо первого высшего человека; что за Меркурием находится вторая космическая сила, которая включает второго человека, связанного со звездным миром и тем самым со спиритуальным миром, переживаемым нами между смертью и новым рождением, то про метальность серебра мы можем сказать еще нечто совершенно другое.

Когда человек повышает свою связь (сродство) к серебру, делает ее сильнее, подобно тому, как мы это видели в отношении метальности меди или Меркурия,- тогда он

обращается к еще глубже лежащей в нем организации. С Меркурием он обращался в себе к организации сосудов, которая приводит его в связь с циркуляцией во всем Космосе, приводит в связь со спиритуальностью.

Космоса. Посредством того, что он повышает связь с серебром, человек приводит себя в непосредственный контакт с тем, что импульсирует из прежних земных жизней и переходит к нам.

Таким образом можно сказать: Если человек концентрируется на особых свойствах серебра,- что длится долго пока становится действенным,- он привлекает к себе те силы, которые связаны со следующим: теперь не только его сосуды допускают циркулирующую жидкого, циркуляцию соков, но еще циркулирует тепло в обращении крови. Перед человеком предстоит та истина, что то, что обращается в крови как тепло, делает его человеческим существом, ощущающим в себе известное тепло и посредством этого не только материальность крови, но также и духовность крови, спиритуальность крови в себе. Оно имеет в себе действенным то, что воздействует из прежних инкарнаций.

В сродстве с серебром непосредственно выражается то, что может действовать на импульсивность тепла крови. Но этим выражается также и то, что спиритуально связывает нас с прежними земными жизнями.

Подумайте о том, что мы приобретаем в серебре ту метальность, которая некоторыми образом обращает внимание человека на то, что в нем теперь, в этой земной жизни имеется еще из прежних земных жизней. Ибо наше кровообращение с его удивительными дифференциациями тепла не из этого физического мира. Оно также изошло и не из элементарного мира, мною описанного. Также и не из мира звезд. Из мира звезд (исходят) только направления кровообращения. Но в том, что пульсирует как тепло в крови, то, что в крови проникает собственно как тепло нашу жизнь и действительным образом нашу кровь,- в этом действует нечто, что переживают из прежних земных жизней.

Мы непосредственно апеллируем к этому, когда апеллируем к силам серебра в их отношении к человеку, таким образом, мистерия серебра находится в связи с повторными земными жизнями. Серебро является одним из потрясающих примеров того, что повсюду живет спиритуальность, также и в физическом. Кто способен взирать на серебро верными глазами, тот знает, что серебро

есть внешний знак богов для кругооборотов человеческой жизни. Вследствие этого мистерия серебра также связана с рождаемостью со всеми теми тайнами, которые относятся к рождаемости, на том основании, что человек ведь посредством рождаемости передает связь своего существа с прежними земными жизнями. Существо, которое существовало в прежних земных жизнях, проникает благодаря рождаемости, в физическую жизнь.

Это та же самая тайна, что и тайна крови. Мистерия крови, тайна крови есть мистерия серебра. Так что мы можем сказать: Тайна тепла крови есть тайна, есть мистерия серебра.

Опять таки поток познания движется от этого нормального течения в человеке к паталогическому.

Представьте себе, что в человеке, вследствие обстоятельств, лежащих как раз в современном мире, из которого кровь согрета быть не может,- ибо она должна быть согреваема мирами, пройденными нами в прежние земные жизни,- представьте, что кровь в своем тепле будет опустошена, ограничена современным миром, не будет импульсирована тем, в чем мы связаны через спиритуальную связь с прежними жизнями. Тогда возникнут те болезненные состояния, о которых можно сказать: они имеют место вследствие того, что все связанное с теплом нашей крови оторвано от того, с чем оно собственно должно быть связанным, от прежних земных жизней.

Что такое лихорадка? Лихорадка, в спиритуальном смысле понимаемая, есть следствие оторванности человеческого организма от нормального вчленения в продолжающее действовать прежние земные жизни. Если врач может поставить диагноз, то при известном случае болезни перед ним находится человек, на которого внешний мир подействовал так, что ему грозит оторвать свою организацию от прежних земных жизней - тогда врач прибегает к терапии серебра.

Может быть приведен прекрасный пример, не так давно имевший место в клинко-терапевтическом институте фрау доктор Вегман. Совершенно внезапно может наступить такое состояние, которое спиритуально, как я это указал, может явиться следствием внешних причин, и человеческому организму в свойстве своей крови грозит, оторваться от прежних земных жизней. Как раз это имело место в особом случае болезни. Наступило то, что в материалистической медицине называют "окультурной

лихорадкой"; наступила внезапно высокая температура у выздоравливающего, чего совершенно не ожидали. Д-р Вегман оказалась, перед этим случаем. Исходя из своего инспирированного медицинского познания, она применила Silberkur Momentum au. Когда она мне об этом рассказала, предо мной представ весь этот случай в своем удивительно пре-красном космическом соотношении.

Вещи разыгрываются так или иначе, исходя из того, что связано с развитием человека в области спиритуального, и с другой стороны связано с тем, что ведет в патологическое и затем в терапевтическое.

На чем основано, что посвященный может рассматривать прежние земные жизни?

Тут мы находимся в теперешней своей земной жизни, но связаны с прежними земными жизнями; они продолжают действовать. Да, они действуют так, что вы под их влиянием проходите свою карму, путем своей кармы проходите через мир. Но вы не можете взирать назад с обычным сознанием. Если хотите смотреть обратно, вы должны сперва разорвать на мгновение нить, должны оторваться. Когда вы оторвались, когда прежние земные жизни стали объективными, тогда вы можете глядеть обратно.

Вы, конечно, должны приобрести способность,- я еще буду говорить об этом,- связать потом вновь нить в полной нормальности. Если вы снова не свяжете нити, вы будете нарушителем духа, а не посвященным.

Тут вы имеете перед собою явление, которое наступает в спиритуальном развитии: оторванность от спиритуальных нитей, которые привязывают нас к прежним земным жизням. Болезнь производит это в аномальном случае. Она делает это патологическим образом. Болезнь сказывается аномальным наступлением того, что в высшей сфере должно привести к спиритуальному лицемерию, к другим состояниям сознания. Когда кровь, отделенная от остального организма человека, отдается своему сознанию - ибо кровь имеет особое сознание,- я уже говорил о таких особых сознаниях известных телесных органов, когда кровь отделяется, эмансипируется от остального организма,- тогда она глядит в аномальном состоянии в прежние земные жизни. Но это остается подсознательным. Для сознательного зрения к обратному нить прежде должна оборваться; для болезненного обратного зрения нить не должна обрываться.

Таким образом, наблюдение над метальностью серебра,

которая собственно оказывается замечательным лечебным средством при всех заболеваниях, которые как либо связаны с кармическим,- эта мистерия серебра вводит нас глубоко в другие мистерии мира, и этим мы, примерно, исчерпали те мистерии, о которых могли бы упомянуть по отношению к другим состояниям сознания человека. Теперь мы будем идти далее в наблюдении этих состояний сознания и того отношения которое человек может установить посредством этих состояний сознания к другим мирам.

В следующих докладах мы другими словами будет продвигаться в наблюдении далее на верные пути к спиритуальному.

VI. ИНИЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ (Познание посвящения)

Дневное бодрствование и сновидческое сознание

Мы говорили о различных состояниях сознания, которые возможно развить из сил человеческой души. И то, что мы называем инициальным познанием или познанием посвящения зависит от различных сознаний, посредством которых и создаются познания о мире.

Теперь представим себе как человек может находиться в связи с миром. Подумаем еще раз о том, что для современной цивилизации и всего того, что признает ныне человечество относительно бытия, действительно собственно только одно состояние сознания. Это - состояние бодрственной дневной жизни.

Но можно сказать, что для человека ныне в нашем мировом цикле существуют ведь еще два состояния сознания помимо этого. Однако, прежде всего, они не могут рассматриваться как непосредственно руководящие для какого либо познания. Это - состояние сновидческого сознания, в котором человек ныне переживает лишь отголоски дневной жизни или небольшие отрывки из духовной жизни. Но в обычной жизни сна искажены воспоминания о дневной жизни и прорывы откровения из духовного мира; они настолько утопают в различных образах и символах, что посредством их нельзя получить никакого познания.

Если мы, с помощью инициальной науки желаем ответить себе на вопрос в чем же собственно живет человек, когда ему снится? То ответ представляется такой: Человек, каким он является в обычной жизни, носит в себе во-первых, свое физическое тело, которое ныне видят чувства, которые исследуют такие науки, как анатомия, физиология, биология. Это есть первый член человеческой природы. Всякий полагает, что он его знает, но,- как мы еще увидим - нынче, собственно знают действительно менее всего.

Вторым членом человеческой природы, как точнее о том можно прочесть в моих книгах, именно в "Теософии",- является эфирное тело. Это тонкая организация, которую нельзя видеть глазами; она видима лишь когда человек выработает в себе то первое сознание, о котором я говорил этими днями, что оно может следовать за умершим в годы, следующие за смертью.

Это эфирное или силообразующее тело стоит в еще большей внутренней связи с Космосом, нежели физическое, которое во всей своей организации более самостоятельно.

Затем человек имеет третий член в своей организации, который можно, разумеется, назвать как угодно, но, опираясь на древнюю терминологию, мы называем его астральным телом. Это есть организация, которая не может быть ощутима органами чувств, но также не может быть и воспринята так, как воспринимается эфирное тело.

Если бы мы захотели ощутить астральное тело всеми теми познавательными силами, которыми воспринимаем внешнюю, ныне лицемерную природу, а также и описанными мною как силы следующего высшего сознания, с которыми мы следуем за умершими, - то ощутили бы там, где находится астральное тело человека, ни что иное, как пустоту, небытие.

Таким образом, можно сказать: человек носит в себе свое физическое тело, чувственно воспринимаемое. Человек носит в себе свое эфирное тело, воспринимаемое имажинативно; оно ощутимо посредством тех сил, которые мы можем приобрести описанным образом посредством медитации и концентрации.

Но подходя к человеку со всеми этими силами, мы от его астрального тела воспринимаем только пространственное ничто, пустоту, со всех сторон закрытую, которая вставлена в пространство. Лишь когда мы, как я это описал, приходим к опустошенному по отношению к чувственному миру - бодрственному сознанию и, следовательно, можем противопоставить себя миру в полностью бодрственном состоянии, но притом ничего чувственного не воспринимая, причем также и мышление и воспоминания наши будут молчать, хотя мы все же будем ощущать мир, - тогда эта пустота наполняется. И мы знаем, что в этой пустоте имеем первое духовное в себе астральное тело человека.

Следующим членом человеческой организации является собственное «Я». Это «Я» мы воспринимаем только когда все далее и далее развивается пустое сознание.

У спящего сновидца имеется отделенное от него, лежащее в кровати физическое тело и эфирное (или силообразующие тело); отделенными от них в духовном мире находятся астральное тело и «Я». Но воспринимать мы ведь не можем астральным телом и «Я», имея только обычное сознание. Чем воспринимаем мы внешние впечатления обыкновенного мира. Переживаемые между рождением и смертью? Тем,

что имеем глаза в физическом теле, имеем уши. Но таким, каков человек нынче в эволюции миров, он в обычной жизни не имеет никаких соответствующих органов, глаз и ушей в астральном теле или в «Я». Он выходит, следовательно, из своего физического и эфирного тала в сон как раз так, будто имел бы на себе физическое тело в физическом мире, но не имел глаз и ушей, так что было бы темно и немо вокруг него. Но дело обстоит не так, чтобы астральное тело и это «Я» должны были бы всегда оставаться без глаз и ушей,- естественно имея в виду душевные. Именно вследствие того душевного разделения, о котором я говорил в моих книгах, в астральное тело и в организацию «Я» могут внедриться органы, душевные глаза, душевные уши и т.д. Человек может посредством тренировки и упражнений, достигнуть этого. И тогда для него возможно посредством инициального наблюдения глядеть в духовный мир. Он выходит из своего физического и эфирного тела и видит духовное, так как в своем физическом и эфирном теле он видит физическое и также, в известном смысле, эфирное. Это имеет место у человека, который посвящен.

Но каким образом происходит это у обыкновенного сновидца?

Представьте себе совершенно ясно, что бывает при засыпании, физическое тело и эфирное остаются лежать в кровати. Астральное тело и организация «Я» выделяются. В тот момент, когда выходжение имеет место, в астральном теле существует еще полная совибрация с физическим и эфирным телом. Оно проделало совместно все то, что глаза, уши, воля, в их внутренней деятельности исполняли в движении физического и эфирного тела с утра до вечера. Астральное тело и «Я» проделали все это вместе. Теперь они выделяются, и в то время, как вибрируют еще эти переживания, они сталкиваются с духовным миром, который повсюду вокруг. Наступает хаотическое, беспорядочное взаимодействие между деятельностью духовного мира и тем, что еще звучит в астральном теле. Наступает хаос.

Человек находится во всем этом и познает это. На него производит впечатление то, что он захватил с собою и еще звучит. Оно становится сном.

Но вы ведь понимаете, что относительно действительности тут много сказать нечего. Как же это у

посвященного?

Посвященный в состоянии, когда выходит из тела, подавить сейчас же все то, что тут осталось в отзвуках физического мира и эфирного. Следовательно, он подавляет то, что исходит из физического и эфирного тела.

Кроме того, он имеет возможность, посредством медитации и концентрации, а также развития пустого (по отношению к чувственному) сознания иметь душевные глаза, душевные уши. Он теперь воспринимает не то, что происходит в нем, но что происходит вне его в духовном мире. Вместо снов приходят восприятия духовного мира. Так что можно сказать: сновидческое сознание есть хаотическая противоположность духовных восприятий.

Таким образом, посвященный, образовав на первой ступени внутренние астральные органы,- астральное зрение, астральное слышание, находится затем уже постоянно в состоянии известного рода борьбы, состоящей в том, чтобы подавлять эти воспоминания и отзвуки физического и эфирного тела.

Необходимо непрерывно бороться, когдаходишь в имажинативный мир, в лицезрение духовного; беспрестанно бороться за то, чтобы они получили свое значение. Здесь получается беспрестанная как бы взаимная игра между тем, что желает стать сновидческим и обмануть нас и тем, что представляет действительность духовного мира.

Эту борьбу научается познавать готовящийся к посвящению. Он знает, как в тот момент, когда он, познавая, желает перенестись в духовный мир,- выступают все снова и снова отголоски физического мира; появляется нечто мешающее перед чистыми образами духовного мира. И только терпение и выдержка могут победить то, что выступает тут как сильная внутренняя борьба.

Легкомысленно удовлетворившись тем, что сознание заполняется духовными образами, можно погрузиться в снах в воображаемый мир, вместо того, чтобы войти в мир духовной действительности. Для готовящегося к посвящению необходима исключительная, тщательная внутренняя выдержка.

Обдумайте только, чего все это требует. Когда мы говорим о путях в духовный мир, о духовном исследовании - особенное внимание должно обратить именно на такие

вещи.

С одной стороны необходимо,- если мы хотим подойти к духовному миру,- иметь действительное одухотворение действительный энтузиазм для проникновения в духовный мир. Внутренняя распушенность и безразличие, внутренняя вялость препятствуют этому. Таким образом, необходимо иметь правильную внутреннюю подвижность, активность.

С другой стороны, это приводит к возможности фантастического воображения.

Итак, должно иметь способность, могущую вознести нас к наивысшим высотам фантазии, если бы мы предались ей; и должно соединить трезвый дух с тем, что является внутренней активностью, внутренней подвижностью.

Посвященному надобно иметь и то и другое. Нехорошо распускать себя. Нехорошо также по-филистерски держать себя в руках посредством своего интеллекта. Надобно гармонично сочетать одно с другим; с одной стороны иметь способность, так сказать, стать настоящим сновидцем, и, с другой, иметь одновременно всегда возможность не становиться им. В *Status nascendi** (* *Status nascendi* - состояние в момент образования) необходимо иметь в душе возможность подняться в подвижно-фантастическое, но в то же время держать себя во внутренней устойчивости; иметь способность становиться поэтом, богатым фантазией и, одновременно, иметь способность не поддаваться ему (поэту). При желании познавать надо, так сказать, в каждое мгновение иметь возможность создать драму, лирическое стихотворение, но и уметь также остановиться на этом пути, идущим в фантазию, и придерживаться тех сил, которые имеют свое значение лишь в самой трезвой жизни. Тогда мы не уходим в фантазию, а в духовную действительность.

При таком внутреннем душевном состоянии приходит невероятно много с настоящим духовным зрением. Вследствие этого получается, что, обращая разумеющий взгляд на сновидческое сознание, выводящее хаотические образы из духовного мира,- мы знаем, с другой стороны, что все напряжение личности должно быть направлено к той силе души, которая обычно лишь дремлет.

Тогда мы получаем представление о том, что значит войти в духовный мир. Говорю: сновидческое сознание выявляет духовное. Это могло бы показаться в противоречии с тем, что сновидческое сознание выводит также образы из жизни тела. Но ведь тело не является просто телесным: оно повсюду пронизано духовностью, и когда кому либо снится

великолепный вкусный обед, стоящий перед ним, к которому он во сне приступает, несмотря на то, что не имеет в кармане и десятой доли денег на уплату,- то это означает следующее: действительно духовное астральное содержание пищеварительных органов представляется перед нами в образе символа -обед. Во сне всегда есть дух, хотя бы это и был дух, сидящий в теле. Сон выводит духовное, но именно очень часто духовное, которое находится в телесном. Это нужно признать.

Когда, например, нам снятся змеи, то это символизируется пищеварительные органы в своих извилах или головные кровеносные сосуды.

Надо уметь проникать в эти тайны. Лишь приступая посредством инициальной науки к духовному исследованию, принимая в соображение все это, также и в интимнейшем смысле, можно получить представление о чрезвычайно subtilном* (*subtilном - тонком) и интимном, что проявляется в душе человека.

Возрасты как органы восприятия

Третье состояние, котором нынче проходит человек в обычной жизни, есть состояние сна без сновидений.

1. Бодрственная дневная жизнь.
2. Сновидческое сознание: хаотический противобраз духовной сущности.
3. Сон без сновидений.

Выясним себе, каким является человек в состоянии сна без сновидений. В постели лежит физическое и эфирное тело. Вне их находится астральное тело и организация «Я». Отзвуки, воспоминания из физического и эфирного тела прекратились. Человек находится только в своем «Я» и астральном теле в духовном мире. Но он не имеет никакого органа, воспринимать ничего не может. Все вокруг него - мрак. Он спит. Это и есть бытие сна; жизнь в «Я» и в астральном теле, без восприятия богатого, могущественного мира, находящегося вокруг. Представим себе слепого. Всех красок и форм, воспринимаемых вокруг нас посредством глаз, для него нет. Он спит для красок и форм.

Мы не можем спать вообще; мы спим лишь для чего-либо.

Теперь представьте себе человека, который находится в своем астральном теле и своем «Я», но в котором нет никаких органов. Он спит для всего духовного. Таким человек находится в состоянии - сна без сновидений.

Смыслом медитации и концентрации является ввести духовные глаза и уши в это астральное тело и организацию «Я»; тогда человек начинает воспринимать и видеть то, что имеется тут в богатой мере, духовно. Воспринимают духовно как раз тем сознанием, которое в обычном сознании мир просыпает. Это нужно внутренне установить посредством медитации и концентрации. То неорганизованное, которое мы обычно носим в себе, необходимо организовать. Тогда мы можем глядеть в духовный мир. И тогда получается, что мы находимся в этом духовном мире так же, как посредством глаз и ушей обычно находимся в физическом мире. Это именно и является настоящим реальным инициальным познанием. Путем внешних мер мы можем сделать человека способным видеть духовное. Он станет к тому способным, только действительно организовав свое внутреннее, обычно пребывающее неорганизованным.

Мы знаем, что во все времена человеческого развития существовало стремление привести определенных людей к посвящению. Это стремление претерпело известный перерыв лишь в совершенно грубо материалистическую эпоху, от 15-го столетия до нашей современности. В это время люди забыли, так сказать, о том, что такое есть настоящее посвящение. Они захотели все то, что желали знать, достигнуть без посвящения и вследствие этого постепенно приобрели веру будто их касается собственно лишь физический мир.

Но что такое этот физический мир в действительности? Мы не можем познать его, если будем исследовать его только как физический мир. Познать его возможно, ощутив также и его дух, который он всегда имеет в себе. Человечество должно снова достигнуть этого.

Смысл великой поворотной точки нашего времени заключается в том, что мир показывает нам образ разрушения и хаотического становления. Однако для взора пронизательного в этом ужасном неистовстве человеческих страстей, все затемняющих и в конце концов желающих привести все в упадок, - открывается стремление духовных сил, стоящих позади, стремление ввести человека в новую духовность.

Прислушиваться к этому голосу духа, звук которого проникает в наше материалистическое бытие, собственно и состоят предначертания антропософического духоведения.

Я говорил, что во все времена существовало стремление развивать человеческую организацию таким образом, чтобы

она могла глядеть в духовный мир. Но существовали различные условия. Оглядываясь на очень древние времена человеческого развития, на времена, какие мы описали как халдейские, и до известной степени даже на такие, к которым принадлежал Брунетто Латини,- мы находим, что люди не были настолько сросшимся со своим физическим и эфирным телом, как сегодня, нынче ведь люди совершенно устойчиво находятся в своем физическом и эфирном теле. Они находятся в них, ибо так воспитываются. И как же люди будут общаться с духами, если зачастую они уже перед сменою зубов должны учиться читать и писать. Чтение и письмо были изобретены лишь с течением человеческого развития и происходят из физических условий,- этого ангелы не могут, духи не могут. И если мы все свое человеческое существо направим на то, что изобретено только в физическом мире, тогда нам, конечно, будет тяжело выходить из того, что есть физическое и эфирное тело.

В известном смысле наше время гордится тем, что управляет культурой таким образом, что человек никак не может передать чего-либо, если разлучится со своим физическим и эфирным телом. Я не хочу поносить культуру, и не хочу ее критиковать. Она должна быть такой, какова она есть. К этому она должна была прийти и я еще буду говорить о том, что это означает. Но дело обстоит именно так.

В древние времена астральное тело и «Я» при дневном бодрствовании также были гораздо самостоятельнее по отношению физического и эфирного тела, нежели сегодня. Вследствие этого и посвященные зависели от того, что мы от природы имели такую самостоятельность. Во всяком случае, в древние времена человеческого развития почти каждый мог быть посвящен в мистериях. Из человечества можно было взять каждого. Но так было лишь в древнейшие времена приблизительно во времена первобытной индийской культуры и первобытной персидской.

Затем наступили времена, когда уже отмечали тех людей к посвящению, которые легко выходили из своего физического и эфирного тела и имели относительно большую самостоятельность для «Я» и для астрального тела. Таким образом, зависели от известных условий.

Это не мешало тому, что в посвящении старались подвинуть каждого настолько, насколько только он мог быть подвинут. Так и делали. Но результат, который превосходил известную меру, зависел во многом от того, был ли ученик

свободнее или связаннее в самостоятельности своего «Я» и своего астрального тела. Существовала и зависимость человека от природного предрасположения.

Обстоит это так, вследствие того, что раз человек поставлен в мир, то должен известным образом зависеть от него, пока находится между рождением и смертью.

Но вы можете поставить вопрос, подпадает ли человек также и сегодня подобной зависимости. В известном смысле,- да. И так как в этих докладах я хотел бы совершенно ясно, исчерпывающе говорить о путях в духовный мир, о путях, которые суть правильны, и о тех, которые являются ложными,- то желал бы также представить перед вами зависимости, которые нынче имеются при посвящении. Все это должно быть ясно перед душой.

Видите ли, древний человек более зависел от своих природных способностей, когда становился посвященным. Человек современный также может быть собственно приведен к посвящению и это верно уже потому, что мы всегда можем организовать посредством соответствующей душевной тренировки астральное тело и организацию «Я» так, что они смогут глядеть в духовный мир, иметь духовное восприятие.

Что же касается полноты и совершенства этих ощущений, то мы сегодня зависим еще от кое-чего. Сюда примешивается нечто очень тонкое и интимное, и я прошу вас не делать сейчас же окончательного суждения относительно того, о чем буду говорить, а повременить, пока содержание следующих докладов проникнет в вас. Ибо то, о чем я имею сказать вам, я могу характеризовать только последовательно.

Ныне в посвящении мы зависим в определенном смысле именно от своего возраста. Предположим, говоря конкретно, что мы достигли, примерно, 37-ми лет, когда наступает посвящение. Следовательно, мы прожили жизнь от рождения до 37 лет и затем предполагаем жить еще далее. Теперь применяются нам метод при руководстве или при свободном ученичестве пользуясь литературным руководством, правила медитации, концентрации или иной душевной тренировки. И вследствие того, что мы углубляемся медитативно в определенное мыслесодержание, мы, прежде всего, все снова и снова получаем способность взирать обратно на свою земную жизнь. Мы получаем представленной как бы в своеобразной картины

нашу земную жизнь.

Итак, мы достигли 37-летнего возраста. Подобно тому, как мы обычно смотрим и видим в комнате людей в первом и во втором ряду, а затем стол и за ним стену, и как при этом все в перспективе имеется одновременно,- также на определенной ступени посвящения мы взираем внутрь времени. Это так, как если бы пробег времени был пространственным. Мы вглядываемся в него именно таким образом. Мы видим там, что достигли 37-летнего возраста: вот это пережили в 36 лет, другое - в 35 лет. И так далее, до рождения. Взираем в это, имея его в своеобразной картине черед глазами.

Но допустите теперь, что на известной ступени посвящения мы действительно обозреваем этот пройденный путь, тогда мы, достигнув 37 лет, сможем глядеть обратно на то время, которое прожили со времени своего рождения приблизительно до 7 года, до смены зубов. Мы взираем на это давнее.

Затем будем глядеть на время, прожитое от 7 лет до 14-ти, до половой зрелости. Далее, на пути пережитое от 14 до 21 года, и будем видеть там бывшее. И можем глядеть обратно на остальную жизнь, которую пережили до своих 37 лет.

Мы можем все это увидеть,- хотел бы я сказать,- во временно-пространственной перспективе. Если к этому смотрению в перспективу времени и пространства присоединить сознание, проистекающее из бодрственного пустого (по отношению, к чувственному миру) состояния сознания,- то нас пронизет известная сила видения. Мы будем инспирированы. Но, видите ли, мы становимся теперь инспирированными различнойшим образом. Мы замечаем следующее: то, что пережили как жизнь между рождением и 7-м годом, инспирирует нас иначе, ставит нам нечто другое перед душою, нежели то, что мы пережили от 14 до 21 года, и вновь также позднейшее. Каждый такой жизненный возраст дает иную силу заглянуть в иное.

Но ведь мы можем также стать и старше 37 лет. Можем достичь 63, 64 лет. Тогда мы пересматриваем также и позднейшие жизненные эпохи. Нам представляется довольно своеобразно жизненная эпоха между 21 и 42 годом жизни. Затем снова все расчленяется. Мы получаем ясные различия в том, что видим от 42 до 49 года; от 49 до 56 года; и вновь в том, что видим от 56 до 63 года. И взираем обратно на эти ясные дифференциации. Но ведь это и есть - мы сами. Мы являемся этим духовно в своей земной жизни. И

если будем инспирированы для всего этого, то все, что носим в себе, даст нам различные инспирации: мы носим в себе свое детство до 7 лет, это дает нам иную инспирацию, нежели детство, которое имеем от 14 до 21 года. Но том, что мы носим в себе от 14 до 21 года, как молодое девичье или юношеское время, также сказать нельзя. Оно приносит несколько иную инспирацию. Затем наступает несколько иная инспирация для того, что мы носим в себе между 41 и 42 годом, и снова приходит достаточно дифференцированные силы, которые исходят из высших возрастов жизни.

Допустите, что мы приобрели способности всматриваться обратно в собственные переживания и еще приобрели инспирацию пустого сознания. Так что снова погасили сознание и силы становятся действенными; мы не взираем более на новые глаза, но смотрим сквозь глаза. И допустите, что посредством инспирации мы проникли так далеко, что более не видим эпох своей жизни с их фактами, но видим и слышим посредством этих эпох жизни один раз через эпоху жизни между 7 и 14 годом, другой - через эпоху между 49 и 56 годом, слышим и видим через них, как слышим и видим через мир. В нем мы пользуемся глазами и ушами. В мире инспираций мы пользуемся тем, что дает нам силу из годов жизни от 7 до 14 лет, или тем, что приносит силу из годов жизни от 42 до 49 лет. Там возрасты жизни становятся дифференцированными органами понимания.

Следовательно, мы в известном смысле нынче зависим от своего возраста. Мы вполне можем говорить в 37 лет как посвященные, но будем говорить иначе в 63 года, ибо тут мы образовали уже и другие органы. Итак, возрасты жизни суть органы.

Допустим теперь, что мы желаем, исходя не из книг, а из инспирированного познания, обрисовать личность, подобную Брунетто Латини, Аланус аб Инсулис.- Выбираю близлежащие примеры, ибо они занимали нас в последние дни. Если пробуем охарактеризовать их, имея 37 лет от роду, мы узнаем о них следующее: они находятся тут, в духовном мире. В живом сновидческом сознании мы можем беседовать с ними, конечно, говоря несколько *Cum grano salis** (**Cum grano salis* - с известной оговоркой), так, как говорим с физическими людьми. Это действительно верно.

Но особенность заключается в том, что они могут разъяснить нам что-либо на языке духовной жизни именно нечто из того, что теперь, в это мгновение, они приобрели в

мудрости, во внутренней духовности. Оказывается, мы можем многое, многое узнать от них. Но должны слышать это и принимать на веру от этих духов.

Да, мои уважаемые слушатели, мы уже верим в это. Ибо, в конце концов, ведь не мелочь,- скажем,- стоять перед Брунетто Латини в духовном мире, когда сделаны необходимые к тому приготовления, мы имеем возможность различать: бессмысленное ли видение сна перед нами, или духовная действительность. Следовательно, является уже возможным, так сказать, дать нечто из того, что приходит к нам через эти сообщения.

Но допустим, что мы говорили бы с Брунетто Латини в духовном мире, снова выражаясь *Cum grano salis*. Не должно представлять себе этого так, как если бы мы тут в зале беседовали, но можно определить это таким образом: мы беседовали бы, имея 37 лет, с Брунетто Латини. Он сообщил бы нам о многом. И мы получили бы стремление узнать об этом точнее, знать вернее. Он сказал бы нам: "Мы находимся теперь в 20-м столетии, но тут я должен был бы идти с тобою обратно через 19, 18 столетия до моего века. Мы должны были бы совершить этот путь и стать там, где стоял я, когда был учителем Данте. И далее: Ты должен стать еще немного старше, если желаешь совершить со мною этот путь; должен несколько перешагнуть за настоящий возраст, и можешь знать все, можешь стать глубоко инициированным, но пойти вместе со мною не можешь. Ты в действительности не можешь своей духовной волей совершить путь обратно".

Видите ли, если мы желаем совершенно беспрепятственно идти с ним обратно в духовном мире, нужно быть старше, нужно, прежде всего, перейти за возраст 42 лет, подойти собственно к 60-му году.

Это вещи, которые показывают вам, как обстоит дело с человеческим существом в глубоком смысле и какое это имеет свое значение, когда человек становится стар и когда он еще молод. Лишь обращая свое внимание на такие вещи, можем мы также постичь - я еще буду говорить о том, почему некоторые люда умирают молодыми, а другие стареют в этой или иной земной жизни и т.д.

Звездные сферы, включенные одна в другую

Мы видели насколько человеческая душевная жизнь может расширяться для восприятий духовного мира в

сторону человеческого развития, я разъяснил вам, как изменяется - скажем,- общение с таким существом, как Брунетто Латини, находящимся как развоплощенная человеческая душа в духовном мире; как изменяется это общение всегда согласно условиям посвящения, в зависимости от того, смотрим ли мы органами, выработанными в молодости, или теми, которые выработались в старости.

То, что таким образом предстает перед душою как обзор человеком земного мира и его эволюции, может быть дополнено следующим вопросом: как ширится в другом направлении человеческое прозрение, человеческое сознание? Такое направление я хочу указать вам еще сегодня, чтобы в следующие дни вести вас далее.

Когда мы находимся в обычном сознании нашей земной жизни между рождением и смертью, тогда имеем вокруг себя земное окружение. Мы не имеем бы более этого чисто-земного окружения вокруг себя, если бы сон не был хаотичным и мы в глубоком сне без сновидений воспринимали свойственное для обычного сознания. Тут имеют место как раз иные ощущения или состояния сознания, а не просто обычные.

Однако можно представить себе следующее: обычное сознание имеет вокруг себя земной мир,- во внутреннее Земли мы ведь не глядим. Следовательно, это есть то, что мы, прежде всего, имеем перед собою в обычном сознании. Все остальное во Вселенной, Солнце, Луна, другие звезды светят в эту сферу. Мы видим, так сказать, космические признаки Солнца и Луны сильнее, у остальных звезд - слабее. Они посылают свои признаки в этот физический мир. И физики были бы сильно удивлены, если бы своим путем - ибо нашим путем они этого не желают,- могли узнать, как и что в действительности выглядит там, где находится Луна или где находится Солнце. Ибо оно так не выглядит, как описано в учебниках астрономии или астрофизики и тому подобных. Это ведь лишь признаки, видимые нами. И по правилу, в обычной жизни, когда перед нами стоит человек, которого желаем узнать и можем беседовать с ним, мы не скажем: То, что тут узнаю о человеке, не есть верное; он должен отойти очень далеко, так чтобы я его едва видел, тогда узнаю его гораздо вернее, тогда опишу его.

Конечно, следствием мировой необходимости, физики могут описывать звезды только на весьма далеком расстоянии. Но расширенное, преображенное сознание

переносит нас самих именно в звездные миры. И первое, чему тогда научаемся, это говорить об этих звездных мирах совершенно иначе, нежели мы о них говорим в обычной жизни.

В обычной жизни мы говорим: Я стою и ночью вижу высоко над собою Луну. - Это верно. Мы должны сперва перейти в другое сознание, чтобы говорить иначе. И зачастую это длится долго. Но потом, когда проникаем в другое сознание и может взирать на пережитое от рождения до 7-го года жизни, до смены зубов, впечатленное затем в инспирации и ставшее внутренней силою зрения,- тогда мы видим вокруг себя другой мир. Обычный же мир бледнеет, становится неясным.

Этот иной мир есть тот, который можно назвать лунною сферою, и теперь, проникая в это познание, мы не говорим: тут я стою, а там находится Луна,- но говорим: Я нахожусь на Луне.

Для нас Лунною является все то, что находится в кругу, который она описывает, т.е. все, лежащее в этом шаре. То, что является кругом обращения Луны, есть только самая внешняя граница Луны. Мы переживаем сознание того, что находимся внутри Луны.

Видите ли, находиться там в Луне мог бы уже и ребенок восьми лет, оглядываясь на свои первые семь лет жизни, если бы его можно было посвятить. Он даже мог бы легче всего взирать в эту лунную сферу, ибо не был бы введен в заблуждение последующим. Естественно, его нельзя еще посвятить в восемь лет, но теоретически это вполне возможно.* (* Описание сфер и шаров были пояснены рисунками на доске)

В эту лунную сферу мы, следовательно, смотрим силою того, что дают нам первые семь лет жизни. Вообще дело тут становится совсем, совершенно иным, нежели его описывают обычным сознанием, я хочу пояснить вам это сравнением.

Видите ли, когда нынче биолог изучает эмбрион в последовательном развитии зародыша с первых стадий до позднейших, то изучает этот зародыш в определенной стадии. И на одном месте периферии,- следовательно, на месте, находящемся во вне, имеется утолщение материального. Там находится включенным нечто вроде зерна. Но, хотя мы видим это совершенно ясно через микроскоп, мы не можем и не смеем сказать: что просто зерно, просто эмбрион,- а к нему принадлежит также и то

другое, в сфере круга периферии заключенное.

Точно также оно, видите ли, и у Луны и у других звезд. То, что мы там видим, есть просто род зерна, и весь круг, который совершается обращением Луны, принадлежит к Луне. И Земля находится в Дуне. И если бы зерно могло поворачиваться, оно могло бы также двигаться кругом. Но Луна поворачивается и движется кругом.

Древние, знавшие еще нечто об этих вещах, говорили посему не о Луне, а о лунной сфере, и они видели в том, что мы теперь называем Луною, именно только точку самой внешней границы. Она видима каждый день где-либо в ином месте. В продолжении 28 дней мы видим всю границу Лунной сферы.

Эту силу глядеть в то, что является Лунною сферою, когда Земля перед нами бледнеет, мы приобретаем, когда внутренние переживания человека между рождением и седьмым годом жизни становятся инспирирующей силою.

А когда переживания второй жизненной эпохи между сменою зубов и половой зрелостью становятся инспирирующей силою, тогда мы переживаем сферу Меркурия.

Первое переживание исходит из силы, прибывающей от начала жизни до седьмого года; второе - из силы от 7 до 14 года жизни.

Мы ведь находимся опять таки с Землею и внутри Меркурия.

То, что является переживанием Меркурия становится видимым через зрение, которое можно приобрести себе когда проникаешь сознательно назад и зришь в земные переживания между 7 и 14 годом, достигая половой зрелости и переживая возраст жизни от 14 до 21 года, мы вживаемся в сферу Венеры.

Древние были вовсе не так глупы; они многое знали об этих вещах в своем сновидческом познании, и обозначали планету, в которую вживались, достигая половой зрелости, именем, которое связано с жизнью любви, ибо это начинается в это время.

Затем далее, когда мы, сознательно все отмечая, смотрим обратно на то, что переживаем между 21 и 42 годом жизни, тогда знаем, что находимся внутри солнечной сферы.

Таким образом, отдельные возрасты жизни дают нам, когда, мы преображаем их во внутренние органы, силу расширить сознание во вне, в Космос, расширить его по частям.

Опять таки, это не совсем так, чтобы мы до 42 года жизни не могли узнать что-либо о солнечной сфере. Об этом нам могут сказать существа Меркурия, ибо они уже знают это. Мы же узнаем тогда о том не непосредственно, а, так сказать, посредством сверхчувственного обучения. Но для того, чтобы в собственном сознании пережить нечто на солнечной сфере, чтобы войти в солнечную сферу и в ней переживать,- для этого надобно жить не только между 24 и 42 годом, но надо перейти за 42 год; должно иметь возможность глядеть назад, ибо лишь при этом взгляде открываются тайны.

Когда мы можем глядеть обратно на жизнь до 49 лет,- открываются тайны Марса. Если можем так глядеть на жизнь до 56 года - открываются тайны Юпитера. И совершенно глубоко сокровенные, но дающие невероятные откровения тайны Сатурна, которые, как мы увидим в следующих докладах, так сказать, открывают глубочайшее, лежащее в Космосе,- эти тайны Сатурна открываются, когда мы глядим на то, что совершается от 56 до 63 года.

Из этого, мои уважаемые слушатели, можно видеть, как человек является действительно маленьким миром, микрокосмом. Он связан с тем, чего в обычном сознании Земли сам никогда не узнал бы; но он не мог бы внутреннее построить жизни, устроить ее, если бы лунные силы не действовали бы в нем с рождения до 7 лет. Как они тут действуют, это уже позднее ощущаем, воспринимаем.

Человек не мог бы в себе сделать действенным того, что переживает между своим 7 и 14 годом жизни, если бы в нем не жили тайны Меркурия, и не мог бы в себе иметь действенным того, что действует в нем от 14 до 21 года, когда в человека вливаются, например, могучие созидательные силы искусства, если они кармически в него заложены. Он не мог бы этого переживать, если бы внутренне не был связан со сферою Венеры.

И без своей связи с солнечною сферою он не мог бы между 21 и 42 годом жизни, когда мы выходим из времени учения и входим в полосу служения - подмастерьем - не мог бы развить никакое зрелое, исследовательское понимание мира.

В древние времена также происходила чеканка чего-то подобного. Учеником пребывали до 21 года; становились затем подмастерьем, и лишь позднее мастером. Следовательно, все то, что внутренне должно происходить тут в человеке между 21 и 42 годом жизни, связано с тем,

что живет в солнечном бытии, в солнечной сфере. И то, что происходит в увядающем бытии человека между 56 и 63 годом, имеет место потому, что тут сфера Сатурна.

Мы, вместе с Землю, находимся внутри включающихся одна в другую сфер. Семь сфер включены одна в другую и мы в течении жизни растаем в это включение и связаны с ним. Наша жизнь от рождения до смерти эволюирует - выводится из своего первоисточника в то время, как звездные сферы некоторым образом ведут нас от рождения до смерти. Когда мы приходим к Сатурну, то проделали все, что планетные сферы, т.е. что существа планетных сфер могут для нас в своей благости сделать. Мы получаем тогда, выражаясь в оккультном смысле, свободно движущуюся во Вселенной, подаренную нам жизнь, которая глядит назад на планетарную жизнь с точки зрения посвященного. В известном отношении она может быть независима от того, что в прежних возрастах жизни является еще необходимостью.

VII. ПОЗНАНИЕ ЗВЕЗД

Духовные подосновы исторического становления человечества и его дифференциации

Мы видели как человек, посредством духовного зрения овладевает различными своими возрастами и приходит к инспирации. Таким образом, он бывает в состоянии поднять сознание по ступеням вверх до того откровения, которое может дать ему мир звезд. Этот мир воспринимается тогда естественно как выражение, как откровение чисто духовных сущностей и чисто духовных явлений.

Желая постигнуть духовный мир путем обычного сознания, мы на пути его исследования должны стремиться к соответственным состояниям сознания и душевным восприятиям, не впадая в заблуждение.

Сегодня я хотел бы изложить вам об этом на особых примерах или, лучше сказать, на фактах, и показать, в чем могут лежать возможности заблуждений в духовном исследовании, тут прежде всего надо представить себе следующее.

Когда человек действительно погружается в духовную работу, посредством которой открывается ему духовный мир, так что он может лицезреть его и общаться с ним,- тогда он воспринимает великие дифференциации, большие различия именно в историческом становлении человечества, за которым он ищет духовные подосновы.

Возьмем, например, время, непосредственно предшествующее нашему. Наше время, которое можно назвать временем Михаила, начинается в последней трети 19-го столетия, приблизительно в семидесятые годы прошлого века. Но этому времени предшествует другое, продолжавшееся от двух до трех столетий, совершенно иной природы для того, кто исследовал духовный мир. И снова тому времени предшествует опять таки совершенно иное по сущности и т.д.

Взирая с познанием посвященного назад в прошедшее, мы всегда находим для известных эпох совершенно различного рода отпечатки. Не желая говорить об этом только абстрактно, я конкретно поставлю это перед вашей душой.

Я уже говорил вам о личностях, живших так или иначе внутри развития человечества. Говорил, например, о

Брунетто Латини, великом учителе Данте, об учителях Школы Шартр, о Бернарде Сильвестри об Аланус аб Инсулис, Иохини фон Фьоре и мог бы сказать о сотнях других личностей IX, X, XI, XII веков, также еще и XIII-го. Такими личностями мы обрисовали целую определенную эпоху.

Вот когда желающий исследовать историческую жизнь человечества в духоведческом смысле подходит ко времени, скажем, к эпохе Данте или Джотто, т.е. эпохе, когда подготовилось и образовалось Возрождение,- то он имеет впечатление, будто непременно должен общаться в духовном мире с людьми, иными словами с развоплощенными человеческими душами. Он будто должен известным образом лицом к лицу,- говоря, конечно, сравнительно,- подойти к человеческим душам, какими они живут между своей последней смертью и своим ближайшим рождением. Вместе с познанием посвященного, имеется определенное чувство желанья духовного общения с такою индивидуальностью, какова личность Брунетто Латини, на подобие того, как мы общаемся тут в физическом мире с людьми. Я пробовал изобразить это в своих описаниях. Посему, когда говорил об Иоахиме де Фьоре, о Брунетто Латини, я представлял эту эпоху так, что можно было заметить потребность дать по возможности,- хотелось бы сказать,- наиболее личное, персональное изображение, я говорил о хлопании по плечу и тому подобном. Совершенно иначе обстоит дело в следующей эпохе, в той, которая затем начинается и доходит до последней трети 19-го столетия.

Для этого времени мы, имея познание посвященного, испытываем гораздо меньшую потребность приходить индивидуально, лично так сказать, в соприкосновение с развоплощенными душами. Мы предпочли бы видеть их во всем их окружении, желая подойти к ним, исходя как-нибудь из земного познания, а не непосредственно. Мы хотели бы приобрести к ним доступ, исходя из познаний обычного сознания.

Простите, если я тут расскажу кое-что совершенно объективное, но исходящее из непосредственного личного опыта. Этот личный опыт в данном случае есть совершенно объективный. Видите ли, я как раз могу говорить об этом, ибо в ту эпоху, которая предшествовала нашей, жил Гете, который я ведь занимался десятки лет. У меня была определенная потребность подойти к Гете в то время, как я прокладывал к нему путь через его естественно-научные

груды и вообще через естествознание. Но относительно поздно возникла потребность иметь его непосредственно перед собою также как духовную индивидуальность в духовном мире. Только это не было главным. Затем я подошел также и к тому, чтобы иметь его не лично индивидуально, а так сказать, как звездного человека, после его смерти, во всем мировом, космическом соотношении.

Напротив, когда хотим найти в духовном мире Брунетто Латини, или именно тех людей, которые занимались естествознанием в ту самую эпоху, когда он жил, - тогда мы непосредственно имеем потребность обмениваться с ними мнениями, взглядами, в совершенно личном, душевном общении.

Это является различием, как раз, имеющим значение. И это различие зависит от того, что времена совершенно отличны друг от друга в своей внутренней духовной структуре. Ныне мы живем в эпоху, когда человеку и всему человечеству особо предназначено охватить духовные явления непосредственно как таковые. Это значит, что ему предначертано во вне распространять науку инициации, проникающую в духовную жизнь, распространять во вне как человеческое знание.

Эта эпоха, ведь только лишь начавшаяся, не должна протекать без того, чтобы те, которых называют образованными людьми, действительно не познали главнейших из достижимых явлений чисто духовным образом; не земные физически-чувственные явления, но действительно духовные. Для этого времени, начиная отныне, должно иметь место энергическое (утверждение, вживание) духоведения, непосредственно освещающего духовный мир. Иначе человечество на Земле совершенно не смогло бы достигнуть своей задачи в предназначенном ему смысле, для чего мы и должны все белые и более входить в спиритуалистическую эпоху.

Нашему времени предшествовало другое, когда господствовали совершенно иные силы в развитии человечества. Рассуждая, исходя от точки зрения, указанной мною - от действительного, истинного познания звезд, - мы приходим к тому, чтобы сказать следующее: Во времени, в которое мы вступили в семидесятые годы прошлого столетия, спиритуальные силы, приходящие с Солнца, должны стать преимущественно господствующими во всем, в физической жизни людей, в душевной, в художественной, в религиозной жизни. То, что Солнце имеет сказать и дать

миру, это все более и более должно захватывать в наше время все вокруг.

Для того, кто действительно познает, Солнце не есть газовый шар, описываемый современной физикой, но сумма духовных существ. И главнейшие духовные сущности, которые, так сказать, излучают из Солнца духовное, спиритуальное так, как физически или эфирно сияет солнечный свет,- они все группируются вокруг определенного существа. Согласно старому христианско-иудейскому наименованию, модно сказать и христианско-иудейскому,- мы можем обозначить его как сущность Михаила. Михаил действует из Солнца. И то, что духовно Солнце имеет дать миру, можно назвать также тем, что имеет дать миру Михаил с его Миром.

Этому времени предшествовала другая эпоха. Тогда это не были солнечные силы, которые импульсировали человеческую жизнь, человеческое знание, человеческие дела,- а лунные силы. Они импульсировали все для времени, которое закончилось в шестидесятые годы прошлого столетия, и действовало от трех до четырех веков перед тем. Господствующие сущности, имевшие свое великое влияние на земное и человеческое развитие, точно также группировались вокруг сущности, которая по одному древнему обозначению может быть названа Гавриилом.

Мы также могли бы найти свои обозначения, но раз уже они имеются,- не будем останавливаться на терминологии и сохраним их.

Итак, по христианско-иудейскому преданию, мы можем обозначить эту сущность именем Гавриила.

МИХАИЛ Q
ГАВРИИЛ R

Познавать эту духовную действенность, которая есть в человеке из звездных миров, мы научаемся способом, о котором я говорил. Научаясь познавать то, что действует в человеке от его рождения до смены зубов посредством инициального видения, мы познаем все то, что во Вселенной существует как лунные действия. Это значит, что посредством такого инспирированного взгляда назад на первоначальное детство человека, мы научаемся познавать особенно нечто такое, что обозначаем как Время Гавриила, когда преимущественно действенна Луна.

Но затем мы должны стать несколько зрелее, подойти к своим сороковым годам и взирать обратно на то, что действует в человеке между 20 и 40 годом, или, говоря

определеннее, между 21 и 42 годом жизни, дабы воспринимать особенность такого времени на наше своеобразие.

Так что в эпоху, предшествовавшую нашей, самым важным, для космического мирового направления некоторым образом были дети, грудные, совсем малые дети. Туда импульсировали силы, которые должна была иметь эпоха. Для нашего времени люди, которые должны получить импульсы от солнечных сил, это люди, достигшие двадцати и тридцати лет. В наше время становятся особенно значительными взрослые люди для космического, как практический результат непосредственно выдвигается из такого реального наблюдения, каким я обрисовал его в прошлый раз и опять таки встает также в реальной наглядности то, что я рассказываю, не суть теории, а нечто вытекающее из реального рассмотрения.

Из этого вы можете также постигнуть, что для познания времени Гавриила, которое предшествовало нашему времени Михаила, мы не имеем особой потребности стоять лично в ту эпоху перед развоплощенными человеческими душами. Мы чувствуем себя именно подобно малому ребенку, стоящему напротив взрослого, ибо к ним мы должны подойти инспирированным наблюдением самого первого детского возраста.

Напротив, наступает совершенно иное, когда мы делаем изыскания в предшествующей эпохе, в эпохе, в которой жили Alanus ab Insulis, Bernardus Silvestris, Joachim de Fiore, Johannes von Auville. В это время господствовали силы, которые мы находим, взирая на то, что действует в человеке в возрасте между сменой зубов и половой зрелостью. Тогда, в особенности, действуют силы Меркурия, как я уже изложил вам. Это действительно нечто необычайное, величественное, хотелось бы сказать,- во что мы тогда погружаемся, когда, исходя из этого возраста человека, образуем себе, так сказать, органы из этого возраста, дабы воспринять духовное. Ибо между сменой зубов и половой зрелостью мы бываем такими любознательными детьми! Мы снова становимся таковыми, когда исходим из этого. Потому мы и хотели бы также вполне персонально стоять перед людьми этого времени. Этого мы достигаем посредством инициального познания. Мы хотели бы стоять перед Брунетто Латини, например, как десяти-двенадцатилетнее дитя стоит перед воспитателем, перед учащим.

И все же: с истинным инициативным ведением мы не

становимся несознательными по отношению тех вещей, которые имеем во вне, в физическом мире. Мы остаемся взрослыми и одновременно мы – как любопытное, жаждущее знания дитя стоим как равный к равному перед Брунетто Латини и все же с невероятной жадной знания.

Это имеет место как раз для той эпохи с особой окраской ощутимой инициальным познанием, которая идет обратно от 15-го к 11-му веку, когда именно Меркурий дает главнейшие импульсивные силы для Земли и человечества.

Существо, вокруг которого тогда все группируется, особо значительное для этого времени, может быть снова обозначено одним древним именем - Рафаилом. Рафаил, так сказать, господствовал в эпоху, предшествующую Ренессансу, во времена Данте, Джотто.

МИХАИЛ	Q
ГАВРИИЛ	R
РАФАИЛ	S

Хотелось бы сказать, что мы желали бы знать лично как раз тех людей, которые несколько скрыты и не выявились во внешней истории. И, даже проникая в область духоведения, мы имеем собственно по отношению к этой эпохе необычной чувство. Мы огорчаемся сперва тем, что в литературных пособиях говорится так мало, например, о Брунетто Латини, об Аланиус аб Инсулис, и т.д., желали бы о них знать нечто такое, что можно было бы приобрести внешним путем. Однако затем, несколько продвигаясь вперед мы очень рады, очень признательны тому, что внешняя история тут молчит.

Вообразите себе, что должно бы перейти от нашего времени к потомству, если бы газетные статьи исторически смежных наук были когда-либо оценены за действительные или недействительные свидетельства! И мы благодарны, когда словари не мешают нам статьями об этих личностях. Мы пробуем подойти к ним духовным образом всеми теми способами, которые имеются в нынешнем веке в Антропософском Обществе, дабы узнать то, что об этих людях может быть поведано духоведческим путем.

И особенно большое значение имеет приближение к тем, кто в тогдашнее время Рафаила был связан с естествознанием. Углубленное естествознание, медицинское познание - могут быть нам переданы через какую-либо личность, которая, как хотел бы я сказать,- выступает перед духовным взором из глубокого духовного мрака этого времени с 11-го и по 14, 15-ое столетия. Она может познакомить нас с тем, как тогда думали о материи и о

соотношении человека с миром. Углубляясь в это и узнавая некоторых личностей, чьи имена не могут быть названы по той причине, что не переданы потомству, но они есть. Вглядываясь духовно в эту эпоху, мы видим, что некоторые из них стоят перед нами так, что мы говорим: Тут стоит Парацельс старший,- он лишь не назван,- в то время как Парацельс младший жил позже, в эпоху Гавриила, имел еще отголоски, реминисценции от Парацельса старшего, но не в той неподдельно величественной степени и духовном смысле, которые были у Парацельса старшего.

Или же, перед нами в позднейшее время Гавриила предстает также Яков Беме младший. И мы снова говорим себе: Он поведал о великом, сам исходя из различных заключений, возбудив собственную инспирацию. Но когда Яков Беме старший, который не перешел к потомству,- всплывает спорадически перед нами из таких имен как Аланус аб Инсулис или Брунетто Латини,- вот именно когда он предстает перед нами,- лишь тогда понимаем мы правильно Якова Беме младшего. И мы должны сказать: в этом времен Пред-Возрождения, в конце которого воссияли великие фигуры Данте и Брунетто Латини, затем учителей из Шартра, среди которых подобно эратическому камню стоит Seotus Erigena. В этом времени лежит нечто, что может быть спиритуально невероятно возбуждающим. Внешняя средневековая история мрачна, но за этим мраком лежит могущественный свет как раз для того времени, о котором я теперь говорил.

Обитатели Луны

Когда мы, наблюдая, углубляемся в это время Рафаила, с 11-го до 14-го и 15-го столетия, мы действительно получаем впечатление, что те фигуры, которые находятся в нем, как, например, Данте или Джотто, а также и не перешедшие внешне исторически к потомству, выступают перед нами очень интенсивно. От них получаешь непосредственное человеческое впечатление.

Сам Рафаил, как фигура, которая никогда не была инкарнирована и воплощена в физическом теле, остается более в глубине, также и другие духовные сущности, постоянно принадлежащие духовному миру, по крайней мере, ныне постоянно ему принадлежащие. Они выступают менее ярко. А люди, именно умершие, необычайно сильно для этого времени выступают объективно перед спиритуально-наблюдающим взором.

В следующую эпоху Гавриила, мы имеем впечатление, что даже такие фигуры, как Гете, Спенсер, лорд Байрон, Вольтер в духовном мире находятся и держатся лишь в тени. Напротив, с большой инспирирующей интенсивностью выступают сущности, которые не производят впечатления человеческого, но, собственно, уже сверхчеловеческого. Это сущности, о которых мы спиритуальным познанием узнаем, что они живут нынче постоянно в лунной сфере, подобно тому, как мы, люди, живем на Земле между рождением и смертью. Эти импонирующие фигуры, ныне постоянные обитатели Лунной сферы, прежде всего, предстают перед кем-либо, в то время как человеческие души отступают более на задний план. О них мы, однако, знаем, что некогда они были связаны с Землей, как ныне связаны люди. Только люди передвигаются в физических телах, эти же сущности двигались некогда на Земле в тонких, более эфирных телах. Мы познаем, что встречаемся тут особенно с существами, некогда бывшими на Земле, в древнейшие времена; они были связаны с человечеством и являлись сверхчувственными учителями человечества. После того как они выполнили свою задачу на Земле, эти сущности ушли затем на Луну, вступили в Лунную сферу и ныне более не связаны с Землей.

Ведь мы знаем,- как о том можно прочесть в "Тайноведении", что Луна сама некогда как мировое тело была связана с Землей, и затем отделилась от нее. Этому отделению Луны последовали эти сущности и стали сами обитателями лунной сферы, после того, как были обитателями земной. На той ступени познания, когда мы можем следовать непосредственно после смерти за умершим в годы после его смерти,- вступают в мир, где вокруг живут те люди, которых ныне физически знаем как физических людей в бодрственной дневной жизни, ибо имеем еще прежнее знание обычного сознания. Но затем научаются, вступая в другое сознание, узнавать все более среди этих людей фигуры духовные, принадлежащие, собственно, ныне к Луне так, как мы к Земле. Они находятся тут повсюду и также интересуются человеческими делами, однако, несколько по-иному, нежели как люди сегодня физическим образом.

Среди этих сущностей, бывших некогда великими учителями человечества и ныне более не обитающими на Земле, но,- выражаясь *Cum grano salis* обитающих на Луне, имеются такие, которые выступают, так сказать, с большим

величием; это - самые разумные, самые совершенные, проникнутые внутренним духовным величием. От них очень многому можно научиться в отношении тайн Космоса. Они имеют знание, далеко превышающее возможное для человека при сегодняшнем его сознании. Но они не могут выражать этого знания в абстрактных мыслях. Я сказал бы - они сочинительствуют, когда мы подходим к ним, выражают все в поэтических формах, в художественных образах; они волшебным образом представляют перед нами нечто, в своем роде, более величественное, нежели написал Гомер, нежели содержат древние индусские творения, ставшие известными миру. Но в том, что дают нам эти существа, заключена глубокая мудрость.

Однако среди этих существ есть также и несовершенные. Как на Земле есть люди, которые являются, так сказать, симпатичными и несимпатичными, также и среди этих существ имеются такие, которые не достигли величия и совершенства своих собратьев. Но все же они достигли определенной точки уже и тем, что были учениками, а также и служителями тех других, именно для того, чтобы иметь возможность покинуть Землю, жить в лунной сфере и действовать далее.

И вот, выражаясь тривиально,- когда мы знакомимся с ними, мы сейчас же замечаем, что они имеют жгучий интерес к земным делам, но интересуются ими совсем особым образом.

Вы не должны представлять себе сейчас же неприятные, страшные фигуры. Несмотря на то, что они несовершенны по отношению своих сотоварищей, они далеко превосходят то, чего может достичь с обычным сознанием нынешний земной человек в благородстве, разуме, пронизательности. Но они имеют привычки своих товарищей; а не иные привычки, иные склонности, нежели нынче имеет обыкновенный земной обитатель. Здесь я хотел бы, в частности, указать на нечто особенное.

Приходя в связь с такими существами, естественно, мы имеем потребность,- выражаясь опять таки несколько тривиально,- договориться с ними, посоветоваться о том или другом. Вот, скажем, например, мы обсуждаем с такими существами хотя бы человеческое письмо, то, что люди написали: один человек просто написал свое имя, другой же подписался.

И вот, когда мы это обсуждаем с этими существами, они говорят: Ах, люди! Вы интересуетесь самым неинтересным,

интересуетесь тем, о чем говорите, что это слово означает, когда тут стоит "Schmid", вы интересуетесь тем, что "Schmid" означает (*Schmid - кузнец.); или если стоит "Coiffeur", то вас это также интересует. Но то, что означает слово "Coiffeur" - есть самое неинтересное. Гораздо интереснее наблюдать, как человек, который это выписывает, делает при этом свои движения: как один пишет таким-то образом, а другой - по-иному; один быстро, другой медленно; один ловко, другой - неумело; один автоматически, другой - вырисовывая.- Эти существа особенно внимательны к тому особому способу, как человек держится, когда пишет. Это их интересует.

Они также имеют в духовном мире, о котором я говорю, свое духовное окружение различных духовных существ, которые или ниже или выше земных существ, но которых нет на Земле. Они их не учат обдуманно выражать земное, но учат их делать движения письма, то, что люди усвоили себе в области письменных движений после того, времени, когда сами эти существа были на Земле. Ибо, когда эти существа, ставшие лунными обитателями, были на Земле, тогда еще не существовало письма в нашем смысле.

И они всегда наблюдали, как возникает писание у людей, как они своими пальцами делают различные ловкие движения, то, что помогает пальцам, переходя в ручку, с которой нечто истекает, пришло уже впоследствии. Но тем, что переходит на бумагу, они интересовались менее. В противоположность движениями, которые при этом делаются, они интересовались совершенно исключительно.

К этому присоединяется еще то, что было и осталось от Земли, немало замечается человеком,- многое, видите ли,- что человек излучает в движениях. И это излучаемое человеком является тем, что может совершенно особо обсуждаться в соотношении к этим сущностям.

1. Излучаемое человеком в движении.

Но это, прежде всего, то, что еще не ведет к собственной области этих сущностей, ибо этого еще как раз не было в их время на Земле. Напротив, пренебрежительное к человеческому,- хотя и в добром, а не дурном смысле,- лежит в том, когда они говорят о незначительных способностях современных людей и их познании в области выпаривания и выделения жидкого. В этом, на что современный человек не обращает внимания, они совершенно особо понятливы. Излучения, кожные выделения жидкости суть то, что во времена этих сущностей было совершенно особо важно и

существенно.

2. Кожные выделения жидкости.

Ранее человека узнавали по испарениям, которые он распространял вокруг себя, на что впоследствии перестали обращать внимание.

Третье, к чему эти сущности особенно восприимчивы, это выдыхание кожи, т.е. газообразное, излучаемое из себя человеком.

3. Кожные излучения (газообразное).

Итак, они восприимчивы для всех этих излучений физической природы, которые, однако как мы о том услышим при дальнейшем рассмотрении, - могут приобрести наполовину совершенно духовный характер:

в твердом - в писании,

в жидком - в испарении кожи,

в газообразном - в выдыхании кожи.

Ведь человек выдыхает непрерывно через кожу.

Все эти вещи, поскольку они на Земле существуют, имеют для этих лунных существ еще совершенно особое значение, и они судят о человеке именно по конфигурации его движений при писании и по особому роду его излучений.

Четвертым является излучение тепла,

4. Тепловые излучения и к этому привходит,

5. Световое излучение, также определенно существующее.

Каждый человек является не только своей аурой, но также еще и в отношении физического организма и эфирного светящимся, излучающим свет. Это световое излучение настолько слабое, что в обычных условиях не может быть видимо; но становится ныне уже видимым, например, в опытах естествоиспытателя Moritz'a Benedikt'a, при посредстве особо устроенной темной камеры. Это световое излучение имеется в красном, желтом, синем сиянии и сверкании вокруг человеческого организма, в различных местах - различное у человека. Moritz Benedikt, это красочное световое излучение сделал видимым в темной камере так, что одну сторону, левую, видно в совершенно обычном свете, а другую в ином свете. Дело заключается в том, чтобы физическое устройство в камере было предусмотрено соответствующим образом.

Видите ли, имеется затем еще и шестое: это излучение химических сил.

6. Излучение химических сил

Оно фактически ныне в постигаемой мере существует на

Земле лишь в редких случаях. Это значит, что оно всегда имеет место, но я имею в виду, что оно лишь в редких случаях наблюдается и играет роль; и именно в случаях, где применяется черная магия.

Таким образом, когда люди осознают свои химические излучения и применяют их, тогда на Земле может проявляться черная магия.

6. Химическое излучение сил. Черная магия.

Седьмой род излучения есть прямое, непосредственное духовное жизненное излучений.

7. Витальное излучение. (Vital - жизнь).

Излучение жизненное является настолько же значительным, насколько черная магия, в которой почти всегда выявляются химические излучения, в наше время есть нечто дурное, злое. Ибо эти лунные существа, о которых я говорю, всегда могут работать и пользоваться - но со своей стороны в хорошем смысле - с силами, заложенными в этом химическом излучении, ибо сами они не являются черными магами. Черными магами являются, между прочим, только те, которые делают это на Земле, и впадают в злое. Но лишь в полнолуние, когда Луна освещена Солнцем и им возможно войти в область солнечного света, могут они, под воздействием солнечного света пользоваться жизненными излучениями.

Эти жизненные излучения, видите ли, суть те, которые как раз как нечто доброе, должны войти в нашу эпоху, в противовес всему дурному. Ибо со всеми импульсами, которые должны быть даны в эпоху Михаила, все более и более должно быть соединено господство жизненного излучения, витального излучения.

Мы, главным образом, должны научиться не действовать мертвенно, а действовать непосредственно жизненно со всем, что приходит из духовного мира; должны находить живые идеи, живые понятия, живые взгляды, впечатления, а не мертвые теории. Это является задачей времени и приходит непосредственно от тех сущностей, которые соединены с существом, которое мы обозначаем как Михаила.

Напротив, в отошедшую эпоху Гавриила люди обращены были - хотелось бы сказать - более к земному. Они не устремлялись к сущностям, стоящим, между прочим, очень близко к человеку, потому что эти сущности интересовались чем-то, к чему это время было менее склонно, они интересовались всеми этими оккультными излучениями,

исходящими из человека.

К нашему миру, такому, каким мы его имеем как физический мир между рождением и смертью, прилегает сейчас же иной, духовный мир, в котором мы, как я это описал, находим мертвых. Но в этом мире есть и многое другое. И среди того, что там имеется, есть действительность именно таких сил, какими они живут в излучениях людей. Это в известном смысле весьма опасная мировая область, в которую мы тут погружаемся. И мы должны в современные нам дни также иметь ту, часто мною отмеченную, особо душевно-духовную устойчивость, дабы приходящее от этих лунных существ, о которых я говорил, склонялось в добрую, а не в злую сторону.

Ибо, видите ли, дело обстоит так, что все силы, все импульсы современной эпохи должны сойтись на Земле, дабы использовать это жизненное течение. Но тут невероятно близко лежит возможность соприкосновения с черной магией, находящейся между этим витальным течением и всеми другими излучениями, которые так охотно нам хотелось бы иметь. Люди так желали бы сделать видимым то, что выражается в движениях,- о чем мы еще будем говорить,- сделать видимым то, что имеет место в испарении, в световом излучении, и т.д. и т.д. Все это в известном смысле связано с чем-то добрым, с тем, что собственно может быть лишь добрым, ибо время Михаила среди людей началось.

Но между всем этим лежит черная магия, которая должна быть отвращена, когда будут проложены не злые и ложные, а добрые, правильные пути сверхчувственного исследования.

1. *Излучаемое человеком в движении.*
2. *Кожные излучения жидкого.*
3. *Кожные излучения газообразного.*
4. *Излучение тепла.*
5. *Излучение света.*
6. *Излучение химических сил (Черная магия).*
7. *Витальное излучение (Жизненных сил).*

Медиумичные натуры и их излучения

Когда в духовном мире происходит общение между людьми тут на Земле и лунными существами,- а в подсознании оно постоянно имеет место,- тогда возможно следующее: При том развитии интереса у известных лунных существ,- как я их описал,- к движениям людей при писании

или рисовании и который проявляется духовно в этих лунных существах, к ним со своей стороны опять таки имеют интерес известные элементарные существа духовного мира. Это - элементарные существа, стоящие ниже, чем лунные. Они также никогда не воплощаются на Земле, но живут в пограничном мире, о котором я говорил,- живут как духовно-эфирные существа. Когда они также интересуются всем тем, что тут происходит, тогда может произойти следующее.

Наблюдая человека тут на Земле, мы видим, что мысли его, передаваемые через письмо, действуют на всю его человеческую сущность, они, прежде всего, существуют в «Я», но воздействуют и на астральное тело, которое и производит свои движения согласно тому, что, исходя из своего «Я», мы делаем при писании. Они действуют на эфирное тело и вплоть до физического.

Эти воздействия на физическое тело наблюдают известные сущности элементарного рода и получают, так сказать, жажду двигаться точно так же. Но этого они не могут, ибо иные законы, чем в том мире, где пишут, господствуют в их мире. А пишут лишь в физическом мире людей здесь, на Земле.

Тогда возможно такое: Существуют, конечно, люди, которые когда пишут или думают, даже чувствуют,- сидят совсем глубоко в своем эфирном теле. Все то, что в их эфирном теле происходит, затем сильно выражается в физическом теле. И у этих людей происходит затем так, что они совершенно подавляют то, что есть в их «Я», а в их астральном, эфирном, физическом теле оживает подражание письму, рисованию. Это суть медиумы.

Также медиумы могут, вследствие того, что их «Я» подавлено, воспринять в себя этих переимчивых, элементарных существ из духовного мира, которые, так сказать, научились от лунных существ и проявляют тогда такую деятельность, когда уже не делают движений письма в смысле своего «Я», в полном своем сознании, но в смысле элементарного существа, которое сидит в них.

Таким путем, посредством излучаемых человеком движений при сумеречном сознании, проявляется все то, что является медиумическим рисованием и все обычное медиумическое. Тут, таким образом, имеет место использование излучаемых движений.

Излучения второго рода могут быть использованы известными существами, имеющими большую способность к художественному, которые, под влиянием лунных существ

особенно усваивают художественное, живущее в душах людей.

Эти существа входят также в людей, подавивших высшее сознание, но имеющих определенный художественный момент в своем эфирном и астральном теле и вводящих его вследствие этого в свои излучения. Тут очень интересно, между прочим, как подобное существо может быть одержимо элементарно-духовными сущностями; тогда в его излучения вводится нечто подобное пластически существующим снам, частично являющимся сочетанием того, что воспринимает в жизни само человеческое существо. Ибо оно спустилось в эфирное и астральное тело и в излучениях выявляются частью манифестации мира, где есть лишь элементарные существа, которые вползли в человеческое существо.

Видите ли, такие выводы получил экспериментировавший Шренк-Нотцинг. Он наблюдал известные медиумичные натуры, которые совсем особенно, когда сознание было подавлено, т.е. «Я» было выключено, доступны были для элементарных существ через свои кожные излучения жидкой породы. Существует интересная книга Шренк-Нотцинг'а. Одни считают его эксперименты совершенным надувательством, другие - поражены. И нам не надо изумляться тому, что они принимают вещи как нечто необычайное. Это и есть необычайно, удивительно, когда находится медиум, с которым экспериментируют и у которого в одном определенном месте выходит пластическая фигура из тела, имеющая нечто духовное, чего не существует на Земле. Но к этому во многих случаях может быть примешана картина, виденная медиумам напоследок, в каком либо иллюстрированном журнале.

Таким образом, из медиума излучается нечто, откуда-то воспринятое, и является кожным испарением. В него влучается нечто, - скажем, - совсем духовное; но рядом с тем и нечто, что медиум этот видел в иллюстрированном журнале, скажем, например, фигура Пуанкаре таким, как он появлялся в журналах, быть макет, в юмористическом листе.

Нас не должно поражать то, что люди находят это удивительным. Но можно изумляться тому, как светские, исключительно преданные "хорошему тону" личности, или дамы не хотят говорить о кожных испарениях и различным образом перефразируют то, что в этом случае проявляется у человека, одновременно однако желая видеть медиума, у

которого показываются эти пластические фигуры ни в чем другом, как в совершенно обыкновенных испарениях кожи.

Да, мои весьма уважаемые слушатели, вещи, с которыми Шренк Нотцинг экспериментировал, они выпотевают. И в этот выпот входит именно то, что возбужденное элементарными существами может выразиться пластической сущностью в кожных излучениях.

Известными элементарными сущностями точно также может быть возбуждаемо выдыхание кожи, т.е. тот воздух, который выдыхается кожей. Но оно настолько связано с собственным облаком человека, который так сильно вкладывает собственный человеческий облик в это выдыхание кожи, что в большинстве эти сущности не могут вынести ничего более, как только фантом самого человека. Тогда возникают те манифестации и феномены, где выступает именно фантом из человека.

Однако не так легко выявить излучение тепла и света из человека таким образом, чтобы в них проявилось нечто из того, что возбуждают такие элементарные существа под влиянием лунных существ. Тут уже должны иметь место определенные приготовления. И вот сегодня само естествознание,- как я вам говорил,- настолько далеко шагнуло вперед, что оно делает видимым в физической темной камере известные световые излучения, связанные с излучением тепла. И как раз эксперименты Морица Бенедикта в этом отношении необычайно интересны. Но возможность по-настоящему работать с этими излучениями тепла и света имели всегда и имеют еще ныне собственно люди, делающие приготовления, в которых как раз выражается не только обычные махинации физического мира. Они делают приготовления особыми курениями, разведением особых паров, развитием особых веществ и т.д., посредством чего имеют место затем все те магические явления, о которых много говорится в старинной магической литературе.

Все эти магические приготовления имеют задачей привести к выявлению сил, лежащих в тепловых и световых излучениях человека.

И вы можете прочесть о том, правда весьма сомнительные и весьма опасные наставления в трудах Элифаса Леви, также и у Энкоса, писавшего под именем Папюса. Там вы находите сомнительные и решительно опасные наставления к таким вещам.

Здесь мы говорим об объективном этих вещей, об их

сущности, и потому должны затронуть этот вопрос.

Все эти вещи ведут тогда прямо к черной магии, где работают с духовным, сокрытом в земном. С каким духовным?

Я уже говорил вам и вы можете прочесть о том в моем "Тайноведении", что некогда Луна была связана с Землей. Но многочисленных сил, которые ей принадлежат, Луна не взяла с собой. Многие остались в Земле и проникают минералы, растения и животных. Они ныне еще тут, эти лунные силы. И, следовательно, когда на Земле работают с лунными силами, собственно не принадлежащими к нормальным минеральным, растительным, животным и человеческим силам,- тогда можно с этими лунными силами неправильным образом войти прямо в ту область, где встречаются с существами, которые как и элементарные существа, научаются различному от лунных существ. Но научаются способам, как я вам указал, не принадлежащим нашему миру.

Таким образом, черный маг работает с одной стороны с лунными силами, которые еще находятся тут на Земле, и посредством этого приходит в связь с элементарными силами, которые - хотелось бы сказать,- глядя подобно тому, как смотрят на игру в Halma или шахматную, на то, что действительно происходит между людьми и лунными существами, научаются стоять возможно ближе к физическому миру; они или заглядывают или вступают также в этот физический мир. Но обычный человек, у которого все это остается в подсознании, не имеет с ними никакого дела. Этими силами окружен черный маг, работающий с лунными силами и всюду в своих ретортах, в своих площадках и т.п. владеющий ими.

От этих черных магов может кое-чему научиться также и хороший человек. Гете изобразил в своем "Фаусте" в первой части такое окружение мага, которое даже совсем подозрительно граничит с черной магией. Посредством пользования этими лунными силами человек входит в область, где существа, вступившие на службу лунных сил, готовы к общению с человеком. Центры черной магии возникают тут, где именно совместно работают лунные силы с духами, непосредственно ставшими на службу к лунным силам.

Вот как раз потому, что в течение последних столетий многое различное делалось в этом направлении, на Земле создалась сомнительная атмосфера. И эта сомнительная

атмосфера существует. Вокруг нас, окружая, действуют многие такие силы, которые возникают из связи человеческой деятельности с лунными ингредиентами и лунной динамики с элементарными существами, стоящими на службе сомнительных лунных сил. Эта сомнительная атмосфера тут. И это есть область, которая сильно работает именно против того, что должно придти из солнечной области в эпоху Михаила и что имеет совершенно особое значение для жизненного (витального) излучения в чисто душевно-духовной области.

1. Излучаемые человеком движения = медиумичное.
2. Кожные излучения жидкого = медиумическая пластика.
3. Кожные излучения = явления фантома.
4. Тепловые излучения.
5. Световые излучения.
6. Химическое излучение сил (черная магия).
7. Витальное излучение (излучение жизненных сил).

Михаил	Q
Гавриил	R
Рафаил	S

VIII. ВОЗМОЖНЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ В ДУХОВНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Ариманические элементарные существа

Развивая в себе те состояния сознания, о которых мы говорили, мы с каждым новым состоянием сознания проникаем в определенную мировую область, и таким образом узнаем существ, принадлежащих в данное время этому миру. Желая узнать людей, какими они живут в годы после своей смерти, должно отправиться своим сознанием в мир, где тогда странствуют умершие. Их нельзя наблюдать в ином мире в их истинном образе. Желая наблюдать меркуриальных существ, надо углубиться своим сознанием в этот мир меркуриальных существ, придти в связь с происходящими явлениями, лежащими в сфере Рафаила (в том смысле, как мы ее охарактеризовали). В этой сфере прежде всего мы узнаем исцеляющие силы человеческой природы и т.д.

Итак, мы каждым состоянием сознания входим в известную область мира.

Из этого вы видите, что мы, как люди, можем воспринимать миры в известном смысле разъединенными один от другого и принять для каждого его особое состояние сознания. Мы и должны это сделать, если хотим познать мир в действительном смысле; только посредством этого можно подготовить себя правильным образом к тому, чтобы узнать каждое из существ в его истинном характере.

Я хочу показать вам на одном простом примере, куда приводит такое знание, т.е. знание, которое может правильно развить соответствующее состояние сознания для определенных мировых областей.

Возьмем к примеру: мы смотрим на растение, листья, цветок. Такое растение в сущности есть отображение того, что образуется и оформляется во вне в мире. И то, что мы можем найти в мире, о котором теперь говорили, - это находим отображенным на Земле в наших растениях.

Как научаемся мы узнавать растения? Мы узнаем их, когда поднимаем наше сознание в этот мир. Но тут выявляется нечто совсем особенное. Выявляется, что мы должны сделать большое, сильное различие между растениями, которые встречаются нам в царстве земного.

Ибо, вглядываясь в какое либо растение, например,

цикорий, или другое определенное растение, то оно в этом духовном смысле представляется совсем иным, нежели всякое другое.

Возьмите, например, обыкновенную фиалку и сравните ее - чтобы сразу иметь радикальный пример - с белладонной, с волчьей ягодой. Мы увидим, глядясь в растительный мир так, как я это характеризовал, - что фиалка совершенно открыто стоит перед душевным взором, когда мы находимся в царстве, которому фиалка принадлежит, т.е. в мире пустого бодрственного сознания.

Это не так у волчьей ягоды. Волчья ягода, белладонна, они втягивают свою сущность еще из других миров. Можно характеризовать это следующим образом: изучая обыкновенное растение, мы видим, что оно имеет свое физическое и свое эфирное тело; и затем видим, что цвет его и плод обвеваются всеобщим астралом, находящимся в Космосе. Так взираем мы на растение. Повсюду из Земли произрастает физическое тело растения. Повсюду растение имеет свое эфирное тело и над ним, как бы в облаках, астральное. И так оно обстоит у таких растений, как фиалка.

У такого же, как волчья ягода, это происходит по-иному: оно растет, имеет тут свой цветок и внутри развивается плод. Но в него входит астральное, фиалка развивает плод просто в эфирном. Волчья ягода впитывает плодам астральное. Вследствие этого она становится ядовитой.

Все растения, которые какой-либо своей частью впитывают астральное из Космоса, становятся ядовитыми. Таким образом, то самое, что, приходя в животное, дает ему астральное тело и образует внутреннее животное как ощущающее существо, - оно же делает, входя в растение, растение ядовитым.

Это очень интересно, потому что мы можем сказать: наше астральное тело носит в себе силы, которое, если попадают в растение, проявляются как яд. И так именно и нужно понимать яд. Мы приходим к внутреннему познанию яда лишь при том знании, что нормальным образом, как человек, мы имеем собственно в астральном своем теле силы всех ядов, ибо это принадлежит к существу человека.

Теперь я хочу дать и объяснить определенное понятие, которым мы впоследствии должны воспользоваться, дабы проникнуть в различие между истинными и ложными

путями в духовном исследовании.

Что видим мы на подобном примере? Имея перед собою фиалку и волчью ягоду, мы видим,- если развили для каждого мира правильное сознание,- в фиалке существо, которое пребывает в своем истинном мире, ничего не вытягивая из чуждого ей мира, у волчьей ягоды видим, что она вытягивает нечто из мира ей чуждого. Белладонна присваивает себе нечто, что собственно растение иметь не разрешено, что должно иметь лишь животное. И так это обстоит у всех ядовитых растений. Они присваивают себе то, чего не должно иметь как растения, но что подобает только животному.

Во Вселенной имеется много существ, принадлежащих к различнейшим мировым областям. Как раз в той области, которую мы находим, когда непосредственно вступаем в мир, где можем следовать за мертвыми, года через два или через 10, 20, 30 лет после смерти, пока они еще не покинули этого мира,- мы находим целое множество существ, которые действительно существуют, но не проникают видимо в наш физический мир. Я хотел бы охарактеризовать их как известного рода элементарных существ.

Следуя за умершим после того, как он прошел через врата смерти, мы вступаем в мир, в котором также есть различные элементарные существа, имеющие формы, о которых можно сказать, что они действительно принадлежат этому миру. Следовательно, так как эти существа к нему принадлежат, то они и должны бы собственно пользоваться всеми силами, которые имеются в этом мире.

Но вот есть среди этих элементарных существ такие, которые при сем не остаются, а глядят, когда, например, люди едят. Они взирают на все действия, совершающиеся внутри человеческого мира, Т.е. того, который люди переживают между рождением и смертью. Мы постоянно имеем тут возле себя таких существ, которые глядят на нас.

Само по себе такое смотрение еще не есть нечто худое, ибо весь план на котором основано то, что я вам сейчас говорю, состоит ведь в следующем: Все те миры, которые примыкают к нашему, следовательно и тот, в который мы тотчас же после смерти вступаем, и мир, в который вступаем через десятки лет после смерти,- все они ведь не имеют того в себе, что человек тут на Земле имеет вокруг себя, не имеют и того, чему он тут на Земле научается. Когда мы вступаем в миры, примыкающие к нашему, то там,

например, не имеется письма и чтения в нашем смысле. Не имеется также летательных аппаратов, авто, ни даже обыкновенных упряжей в нашем смысле. Всего этого нет в прилегающих к нашему мирах.

Но мы также не можем сказать, будто то, что мы тут на Земле строим автомобили, пишем и читаем, сочиняем книги,- которые не читаются ангелами,- мы не можем сказать, что все это не имеет значения для мира вообще. Дело обстоит так, что такие существа, о которых я говорил, откомандировываются некоторый образом из непосредственно к нашему прилегающего мира, причем они должны обратить внимание на то, что тут производят люди. Им из других миров особо препоручена миссия заботиться о человеческой природе и то, чему они тут научаются, сохранять для будущих времен.

Ибо, видите ли, мы люди можем нести нашу Карму из одной жизни в другую; можем также перенести все то, что происходит благодаря внешней культуре с нашей кармой. То, что мы, как люди, узнаем едучи, например, в автомобиле,- это мы можем перенести от одной земной жизни в другую; но конструкцию автомобиля - не можем. Именно того, что непосредственно исходит из земных сил, - этого мы, люди, не можем сами передавать из одной жизни в другую. Вследствие этого человечество создало на протяжении цивилизации нечто, что оно само утеряло бы, если бы ему не пришли на помощь другие существа.

Эти существа особо, так сказать, откомандированы для того, чтобы сохранить для будущности то, что человек не может передать из одной земной жизни в другую. Это и суть важно, что мы, следовательно, имеем в непосредственно прилегающем мире посреди нас существ, которые предназначены для того, чтобы переносить в будущее то, что человек не может перенести из своей внешней цивилизации, перенести для того, чтобы человек имел это снова в будущем.

Но, видите ли, вследствие того, что в прошедшие времена иным из этих существ стало слишком тяжело исполнять свою задачу, очень многое из того, что уже в старые времена было найдено цивилизацией было утеряно для человечества.

Итак, важно, что посреди нас имеются сущности, которым поручено в мировом плане перенести в будущее все то, что люди сами не могут. Это есть, прежде всего, например, абстрактное содержание наших библиотек. Для этого нужны особые сущности. И те духовные сущности, с которыми мы,

люди, непосредственно находимся в связи, также этого не могут. Эти существа, связанные с нами, должны были пользоваться другими, долго бывшими им чуждыми, которые проделали совсем другое развитие.

В моих книгах я называл этих других существей ариманическими. Это совершенно другая эволюция, приходящая в соприкосновение с нашей при таких, например, обстоятельствах, как конструирование нами автомобиля. Они могут, исходя из своих мировых ариманических сил, понять особый инструмент, особое для современности учреждение, понять конструкцию машин. Они переносят в грядущие времена то, что некогда было присвоено однажды в человеческой цивилизации, в то время как человек не может перенести этого от одной инкарнации в другую.

Одержимость.

Теперь, пользуясь представлениями, приобретенными нами, мы можем охарактеризовать то, что является собственно медиумичным человеком. Естественно, должно различать медиумичного человека в широком смысле от того, кого в собственном смысле слова называем медиумом. Ибо в корне мы все медиумы, если выражение "медиум" возьмем в широком смысле. Мы являемся, например, душевно-духовными людьми прежде, нежели снисходим в земной мир и свершаем жизнь между рождением и смертью. То, чем мы являемся в духовном мире, воплощено затем в том, что мы есть тут, в физическом. В этом физическом мире мы - медиумы для нашего собственного духа.

Но не то подразумевается, когда мы говорим о медиумичном человеке в обычном смысле.

Медиумичный в нашем мире, который мы переживаем между рождением и смертью, есть тот человек, который развил известные части мозга так, что они могут быть выключены из своей совокупности. Таким образом, в известное время у медиума отсутствуют те части мозга, которые, являясь основанием для деятельности «Я», особенно поддерживают эту деятельность «Я».

Когда мы настойчиво говорим себе «Я», когда наше «Я» хорошенько внедряется нами в сознание, тогда это развитие сознания, это развитие «Я» всегда опирается на совершенно особые части мозга. Эти части мозга выключаются тем, кто является медиумом. Вследствие этого известные существа

из рода только что охарактеризованных получают желание вползти вместо человеческого «Я» в эти части мозга. Такой медиум становится тогда носителем тех сущностей, которые собственно должны переносить в будущее цивилизацию.

Но когда ими улавливается где либо мозг, в известное время необитаемый своим «Я»,- тогда эти существа получают невероятное желание погрузиться в этот мозг. И когда медиум, как говорят, находится в трансе и мозг, следовательно, выключен,- тогда в него вползает такое существо, находящееся под ариманическим влиянием и которое должно переносить цивилизацию в грядущие времена. Человек в это время становится вместо носителя человеческого «Я» носителем элементарного существа, упускающего свою обязанность в Космосе. Отметьте это выражение буквально: упускающего свою обязанность в Космосе.

Обязанностью такого существа в Космосе было смотреть, как люди пишут. Они пишут теми силами, которые заложены в этих частях мозга, о которых я говорю именно сейчас. Вместо того, чтобы эти существа просто смотрели, как они это делают всегда в другом случае,- они обращают внимание,- нет ли где либо медиумичного мозга, могущего быть выключенным. Тогда они проникают в него и несут в современную человеческую жизнь то, что они уже развили в искусстве писания через созерцание. Таким образом, подобные сущности с помощью медиумичных людей проектируют в современность нечто такое, что они, собственно согласно своей задаче, должны перенести в будущее.

Медиум основывается на том, что как способность, должно быть развито только в будущем, но уже в современности образует, хотя неясно и хаотическим образом. Отсюда пророчествование медиумического существа, отсюда и то фассинирующее* (*очаровывающее) действие, исходящее от него. Тут в действительности проявляется нечто работающее совершеннее, нежели человек в современности, но оно вносится этими существами именно таким образом, как я вам охарактеризовал.

Подобно тому, как белладонна медиумична для астрального мира,- ибо она является медиумам для известных астральных сил, которые она втягивает в свой плод,- точно также человеческие медиум посредством особого своего мозга является именно медиумом для этих элементарных сущностей, которые как раз должны быть

причастными нашей цивилизации, ибо люди не могут переносить всего из одной земной жизни в другую.

Эта одержимость известными существами и есть собственно мистерия медиумичной сущности.

Вы должны подумать о том, что ведь эти сущности с одной стороны суть подманические создания (творения) ариманических сущностей. Ариманические сущности существуют во Вселенной как далеко превосходящие человечество разумением. Как только мы в непосредственно прилегающем к нашему миру, или также, развивая созерцание подходим еще в этом физическом мире к этим ариманическим существам, - мы поражены их невероятным разумением, их превосходящим разумом. Они более разумны, нежели какой либо человек может быть. В разумении они настоящие сверхлюди. И мы, прежде всего, испытываем уважение перед такими сущностями, когда убеждаемся, как бесконечно они разумны.

Нечто от такого разума переходит на их созданий, на эти элементарные существа которые вползают в мозг медиумов, погружаются в него. Таким образом может проявляться многое значительное через медиумов на этом пути. Можно узнать различное, в особенности, если с полным, хорошо развитым сознанием всматриваться в то, что производят подобные медиумы. Однако дело обстоит так, что мы, понимая в правильном смысле конституцию и свойства духовного мира, отрицаем, будто через медиумов может выявиться многое верное из духовного мира в физический мир. В действительности, и важное и значительное может быть узнано через медиумов, но это не будет правильным путем. Почему нет?

Об этом вы можете узнать как раз на примере таких растений, которые являются растениями-медиумами для известных астральных сил, делающих их ядовитыми. Мы опять таки узнаем, как тут обстоит дело с такими вещами только через хорошо развитое сознание. И как мы это узнаем, я хотел бы вам представить следующим образом. Ибо мы предпочитаем представлять себе это наглядно, а не в абстрактных понятиях, когда речь идет о духовных мирах.

Предположим, что мы вступаем инициальным познанием в тот мир, где после своей смерти находятся мертвые. Мы следуем за ними и, прежде всего, вступаем как бы в совершенно другой мир. Частично я описал его, охарактеризовал, как он производит гораздо сильнее впечатление настоящего, нежели мир, в котором мы

находимся между рождением и смертью.

Но, когда мы вступаем в него, нам сейчас же приходит на ум,- что это за необычайные создания находятся там помимо мертвых человеческих душ?

Вскоре после того, как человек умер, мы видим,- если следуем за ним,- между человеческими умершими душами, также и вокруг только что умерших, необычайные, демонические фигуры. Например, как раз,- хотел бы я сказать,- у входа этой душевной страны, в которую мертвый имеет вступить и куда мы определенным ясновидящим взором может за ним последовать, видим демонические фигуры, Они имеют мощные, большие лапчатые ноги. Конечно, мы говорим всегда сравнительно относительно земного; ибо, говоря о большом и малом, мы можем говорить лишь в сравнительной степени. Они имеют лапчатые ноги подобно уткам или подобно вообще плавающим животным, мощно развитые, но постоянно изменяющиеся. Затем имеют форму, которую можно было бы сравнить с формой кенгуру, но наполовину птицеобразного и наполовину млекопитающего. Это большие, мощные существа. Мы проходим целые области, населенные такими сущностями, когда следуем за мертвыми. Но вы должны правильно лишь представить себе, каким образом мы можем думать о "где" таких сущностей: именно где они находятся. Они всегда вокруг нас, ибо мы ведь находимся в одном и том же мире, в котором находятся и мертвые; и эти сущности находятся всегда вокруг нас. Только, видите ли, их как раз нет здесь, в этом зале. Тут начинается, так сказать, путь настоящего, совершенно точного исследования.

Представьте, например, что вы идете через луг, где осенью растут многие растения такого рода как зимовик. Вы идете там и повсюду находите зимовик. Попробуйте, в тот момент, когда стоите посреди зимовиков, вызвать состояние сознания, в котором вы можете следовать за умершим, как я это вам обрисовал. Тогда вы увидите, как на месте, где повсюду имеется зимовик, находится существо, которое мною сейчас описано, с этими лапчатыми ногами и необычайным кенгуруобразным телом. Из каждого зимовика образуется такое существо.

И направьтесь в другую область, где находится белладонна, где у дороги растет волчья ягода, и переключитесь в состояние сознания, о котором я говорил: вы встретите там совершенно других, страшно-демонических сущностей, которые также суть из того мира, о котором я

говорю.

Следовательно, модно сказать: зимовик, белладонна суть медиумы, которые впускают в себя ближайший мир и которые собственно своим другим существом находятся в мире мертвых.

Постигая это, вы говорите себе: вокруг нас повсюду есть то, что мы называем иным миром. Дело лишь в том, что мы нашим сознанием входим туда и видим зимовик там, где он стоит царстве мертвых, не просто обычным повседневным сознанием, но высшим. Высшим сознанием мы видим в царстве умершим и белладонну.

И вы можете сказать: Для нас тут расстилается луг и на нем растут белладонны. Теперь, если мы находимся в физическом мире, должно идти далеко, быть может, подняться на высокую гору, где наверху находятся кусты с растущими на них волчьими ягодами. Белладонна и зимовик находятся с ними рядов в физическом мире. Но в этом духовном мире, который есть наш ближний, тут они друг возле друга. Пространство ведь совершенно иного устройства. То, что может отстоять в физическом мире далеко друг от друга, то в духовном мире может быть совсем возле друг друга. Духовный мир имеет совершенно ему свойственные, свои законы. Тут все по-иному.

И представьте себе - вы встречаете эти растения,- могу так выразиться, в мире мертвых. Когда вы, в первое время после смерти, следуете за умершими в душевной стране, вы находите эту страну усеянной соответствующими ядовитыми растениями, демоническими фигурами, именно в ближайшем другом мире. Но мертвые совершенно не имеют того ужасного впечатления, которое получает человек Земли от этих растений; они знают, что присутствие тут этих демонических фигур обосновано в мудром мировом плане.

Затем, когда вы проходите далее тех областей, из которых мертвые выступают через десять, двадцать, тридцать лет для того, чтобы вступить в более высокую область, то вы находите там прежде всего то, что отвечает нашим неядовитым растениям. Там вы, например, находите фиалку и подобных ей, то, что не ядовито. Таким образом, мир растений имеет свое значение тут в физическом мире и также в ближайшем к нему; только мы видим растения там в других формах.

То, что в истинном виде имеется в звездной области, и как описано мною, отображается на Земле в форме, какую именно на Земле имеет белладонна, зимовик, фиалка, Оно

отображается также и в мире, куда вступают мертвые непосредственно после смерти, и отображается так, как я вам описал. Все, что существует в одном мире, воздействует также и на другие миры. Но, если мы желаем познать существующее в его действительности, то должны своим сознанием вступить в свойственный ему мир.

Подобно этому оно обстоит и для существ других миров. И что собою представляют эти сущности, эти элементарные существа, которые являются собственно созданиями ариманических властителей, можно узнать лишь вступив в ближайший, прилегающий к нашему мир.

Вот эти-то сущности являются через медиумов, делают их одержимыми собою и вступают таким путем в наш мир, опосредственно. Следовательно, узнавая их в нашем мире только через посредство медиума, мы собственно, узнаем их в мире, где они должны были бы быть чужими, и таким путем не можем узнать их согласно истинной их природе. Потому, кто узнает этих сущностей и их откровения только через медиумов, тому нет совершенно никакой возможности подойти к истине, ибо они проявляются ведь в мире, им чуждом.

Безусловно, тут имеют место духовные откровения, но понимание их невозможно, если мы научаемся узнавать их в мире, которому они во всем не принадлежат: Это и есть обманчивое, в высшей степени ложное представление обо всем том, что приходит в мир через медиумическое сознание. Обманчивое потому, что те, которые сталкиваются с этими сущностями, не знают, каковы собственно свойства этих сущностей.

И вследствие того, что они, таким образом, входят в мир, эти сущности имеют также совсем особую судьбу. Ибо, видит ли, мы узнаем также другое, когда научаемся именно так познавать мир, как я это описал.

Вступив в мир мертвых и проходя через лес демонов, где находятся зимовик, белладонна; наперстянка и т.д., проходя через всю эту область, мы замечаем следующее: фиалки преобразуются; они в будущем будут иметь совсем иной облик; они имеют значение для будущего Космоса участие, согласно своему существу, в смерти, для которой она предназначена. Ибо ядовитые растения являются умирающими, вымирающими растениями, которые не входят в грядущие образования. В грядущие эпохи будут вновь другие ядовитые существа. Но те, которые сегодня суть ядовитые, в нашу эпоху, вымирают, эпоха, конечно, длится

долго, но эти растения носят в себе импульсы смерти. Это распространяется также на все растительное, где, созерцая таким взором, мы видим восходящее, развивающееся, импульсирующее в грядущее, и видим отмирающее, соединяющееся со смертью.

И так обстоит с сущностями, которые делают медиумов одержимыми собою. Они в известной мере отчлняются от своих товарищей, имеющих задачу перенести современное в далекие грядущие времена; Они через медиумов проникают в этот современный мир, но и связывают себя тут также с судьбою земного и теряют свою задачу для грядущего.

Но этим они делают также человека в высокой смысла ограбленным в грядущей задаче. Это есть то, что мы непосредственно имеем перед собою, когда действительно познаем сущность медиумичного. Будущее должно умереть, - так собственно говорит медиумичное существо; одна современность должна быть. И потому происходит, что когда мы с истинным пониманием явлений и существенного в мире приходим на спиритический сеанс, мы прежде всего поражены тем, что все тут сидящие в круге и принимающие участие в спиритический манифестации, окружены тем, что проявляется в форме ядовитых растений. Каждый такой сеанс обрамлен собственно садом ядовитых растений, которые не таковы как в мире мертвых, но которые растут вокруг спиритического собрания и из цветов и плодов которых поднимаются демоны.

Это есть то, что видит тот, кто прозревает в другие миры, видит происходящее при спиритическом сеансе. Он большею частью проходит как бы через изгородь, мировую изгородь ядовитых растений, окружающих спиритическое собрание, которые однако сами в себе подвижны, как бы живы и имеют в себе нечто животное. Лишь по формам мы узнаем, что они суть ядовитые растения.

Но как раз из этого и возможно узреть, как сильно то, что работает в этой медиумической форме, то, что должно было протекать с течением развития человечества и стать плодотворным в будущем, это вводится в современность, к которой оно не принадлежит, и как раз в современности развивается ко вреду человечества.

Вот что является внутренней мистерией медиумической сущности о которой мы здесь из этих докладов, должны были узнать.

Внутренняя мистерия медиумической сущности

Можно совершенно определенно и точно определить, где лежит в медиумичном существе, так сказать, центр тяжести человеческой конституции. Тут я должен сделать кажущееся несколько абстрактным объяснение, посредством которого вы, однако, сможете немного заглянуть в сущность медиумического.

Видите ли, человеческий мозг такой, каким он есть в черепной коробке, имеет вес в среднем 1500, или немного более, грамм. Это, собственно, значительный вес. И вот, если бы этот человеческий мозг собственным своим весом давил бы в голове на тонкие сосуды, находящиеся под ним, он сейчас же раздавил бы их. Наш мозг не действует своей тяжестью, своим весом на кровеносную систему, находящуюся под ним. Этот факт мы сейчас же понимаем, если воспринимаем его правильно.

Возьмите человека таким, каким он устроен; вы видите, что канал спинного хребта восходит и расширяется к мозгу. Все устройство таково, что канал спинного хребта, за исключением некоторых частей, созданных не твердыми, а лишь полутвердыми, наполнен жидкостью. В ней, собственно и плавает мозг. Мозг человека плавает в мозговой жидкости.

Существует нечто такое, как принцип Архимеда. Вы изучали его в физике. Этот принцип восходит к старому мудрецу Архимеду, про которого рассказывают, что он, благодаря своей гениальности, нашел его, когда купался. Он сделал следующий эксперимент: всем своим телом оставался он в ванне, по очереди выставляя ноги из ванны, и таким образом заметил, что в зависимости от того, находились ли ноги в воде или вне ее, они имели для него различный вес. Они тяжелы, когда вне воды; и сейчас же теряют в своем весе, когда находятся в воде. Для такого, как Архимед, это было чем-то иным, нежели для обыкновенного человека, который играет этим. Архимед же сделал великое открытие: "Эврика! я нашел, держу это!" Ибо он при этом нашел, что каждое тело, которое в другом, в медиуме - следовательно в жидкости, теряет, находясь в ней, столько в своем весе, сколько веса в вытесненной им жидкости.

Поставим перед собою сосуд, наполненный водою. Вводя туда подвешенное твердое тело - можно точно установить следующее: тело в воде становится легче, оно весит меньше, нежели вне воды. Если представить себе водное тело такой же величины, то оно весило бы также кое-что, и то, что оно весит, вы должны вычесть из веса твердого тела, когда оно находится в воде. Тело в воде теряет в своем весе столько,

сколько весит одинакового с ним объема водное тело. Это и есть закон Архимеда.

Этот закон для нас, людей, в нашей конституции, благодетелен; ибо мозг плавает в мозговой жидкости и теряет, следовательно, в своем весе столько, сколько имеет веса мозговая жидкость объема мозга. Таким образом, наш мозг, когда мы носим его в себе, весит не 1500 грамм, а теряет столько, сколько весит мозговая жидкость такого же объема, теряет 1480 грамм и весит приблизительно лишь 20 грамм. Остальное теряется по закону Архимеда, таким образом, в нашей мозговой организации мы имеем нечто, что собственно гораздо легче, чем кажется. Мы носим в себе мозг лишь в весе 20 грамм. Но именно на эти 20 грамм мы и должны обратить внимание. Ибо эти 20 грамм, они одни способны к тому, чтобы воспринять наше «Я». Все остальное от нас мы имеем в ином (месте).

Но и все наше тело наполнено различными составными частями, также плавающими в жидкости, как, например, кровяные тельца. Они все теряют в своем весе, лишь немного остается от веса. Там внутри находится также «Я», так что «Я» распространено в крови, но не с тяжестью крови. На все это должны мы обратить внимание, на все, то, что содержит еще заметный вес, когда мы тут передвигаемся.

Да, мои глубокоуважаемые слушатели, вы все должны обратить чрезвычайно большое внимание на то, что находится в тяжелом мозгу и является еще тяжелым в собственном смысле. Ибо там внутри имеет быть ваше «Я». Более нигде не смеет оно быть, повсюду в ином должно быть астральное тело, эфирное тело и т.д.

Медиум является таким человеком, у которого эта тяжелая основная часть его конституции, именно эти 20 грамм мозга, более не содержат «Я». Из тяжести, из веса, изгнано «Я». Тогда сейчас же эти части могут войти те существа, о которых я говорил. Вот вы и видите нечто особенное в том, что я тут описываю.

Материалистическое мышление желало бы повсюду отметить локализацию. Оно вопрошает: да где же та часть человека, где элементарное существо находит себе место, когда оно овладевает медиумом? Так рассуждает только материалистический разум. Так говорит тот, кто думает

механически и математически. Но жизнь движется не математически и не механически, а динамически. Мы, следовательно, не должны говорить: медиум одержим там или тут в чисто математической или геометрической локализации, но должны сказать: медиум одержим в той части, которая остается в нем тяжелой; в той части, - которая притягивается к Земле. Туда могут войти ариманические существа. И не только туда, но также еще и в иное.

Видите ли, то, что я вам изложил, есть лишь самое грубое по этому предмету. Существует и более тонкое. Например: каким образом видим мы на физическом плане? Мы имеем наш глаз, от него идет глазной нерв обратно к нашему мозгу. Этот нерв расширяется в глазу и суживается по направлению к мозгу. В нем заложена основа ощущения цвета.

Материалисты думают о том, каким образом глазной нерв отпечатлевает краски в мозгу и там их выгружает. Ибо они представляют себе все это как судовую или железнодорожную погрузку: во вне, в чувственном органе нечто нагружается, зафрахтовывается в нервах, а где-то разгружается, попадает в душу. Ну, конечно, не так грубо, но близко к этому. Но ведь происходит это совершенно, совсем по-иному! Дело в том, что глазной нерв существует совсем не для того, чтобы передавать цветоощущение обратно в мозг, а для того, чтобы погашать его в определенной точке. Краска имеется лишь во вне, на периферии, глазной нерв предназначен погашать краски по мере того, как они продвигаются внутрь; так что мозг по возможности, бесцветен и лишь совсем слабые, исчезающие краски проникают в мозг. Погашается не только краски, но также всякое отношение к внешнему миру погашается в мозгу. Слух, зрение - находятся в органах чувств. К мозгу главные, слуховые, тепловые нервы погашают все то, что они получают на периферии, доводя все это вплоть до слабой тени. И слабая тень находится как раз в том отношении к ощущению, как 20 грамм к 1500 граммам. Эти 20 грамм являются ведь также тенью веса мозга.

Таково то малое, что мы еще имеем. Когда перед нами могучая, гигантская утренняя заря, которая покоится в наших органах чувств, то мы имеем в глубине мозга слабую

о том тень. На эту слабую тень должны мы обратить снова внимание, ибо лишь туда может войти наше «Я».

В то мгновение, когда наше «Я» выключено, когда мы становимся медиумичными, вползает тотчас подобное элементарное существо, как я вам описал, в эту слабую тень, или в слабые звуки, которые приходят через слух и т.д. Во все то, чему принадлежит «Я», где погашено внешнее чувственное впечатление, вползает это существо; там оно делает человека одержимым собою, и оно вползает тогда вплоть до разветвления нервов, вплоть до организации воли, т.е. до тех нервов, которые входят в волеобразование. Получается так, что медиум начинает быть активным, ибо в нем захвачено то, что должно быть захвачено лишь человеческим «Я». В остаток веса мозга, остаток цветоощущения, во все это тонкое тeneвое, что наполняет нас точно фантомом, - ибо эти 20 грамм тяжести суть лишь фантом; эти слабые тени красок, которые входят во внутреннее, они фантомообразны; во все это погружается этот фантом, это элементарное существо. И тогда человек становится в целом таковым, что он совершенно спокойно лежит своим телом, лежит летаргически, и в нем становится деятельным все то, что собственно должно быть заполнено его «Я» в слабых, фантомообразных тенях, которые прежде именно и были заполнены его «Я».

Вглядитесь в медиума. Он может быть медиумом только вследствие того, что погружает в летаргию, в абсолютную бездеятельность всего, что используется нормальным человеком, и деятельным становится тот фантом, который я описал. Это вы можете наблюдать на способе, например, того, как медиум пишет. Он, конечно, не мог бы писать, если бы там внутри, как и в мозгу, все не становилось бы более легким. Ибо все тяжелое плавает в некоей жидкости, становится легким в чувстве, в ощущении, и медиум пишет в том, в чем как в легком (обычно пером) водит его «Я». Тогда в этом человеческом фантоме пером медиума водит элементарное существо.

Вы видите, что это есть действительно внедрение другого мира, когда медиум так сидит и проявляется каким либо образом. И точно также, как в движении медиума могут внедряться эти ариманические существа, точно также могут внедряться они как существа другого мира и в астральные излучения, во все излучения, которые я в прошлый раз описал. Ведь всегда существуют именно в областях человеческого организма, где находятся железы, могучие,

текущие излучения в них тогда внедряются опять таки подобные существа элементарного мира, также и в дыхательные излучения, и в световые лишь когда имеют место химические излучения, существует сознательное общение между тем, кто пользуется этими химическими излучениями и существами, которые входят в них. Но тогда начинается, как я уже охарактеризовал,- черная магия, сознательная работа с сущностями, которые входят способом, мною описанным.

У медиума и по правилу также у того, кто экспериментирует с медиумом, имеет место собственно бессознательное по отношению действительных явлений. У черного мага чаще всего наступает полное сознание того, что он призывает эти сущности элементарного мира к себе в химические излучения человеческих существ, большею частью в свои собственные. Черный маг, следовательно, всегда собственно окружен толпой служителей, состоящей из таких элементарных существ, которым он дает возможность или через собственные свои излучения или посредством курений, производимых им в своей лаборатории, использовать оккультно-мистические импульсы тут, в этом физически-чувственном мире.

Это приводит нас как раз к следующему познанию: точно также, как белладонна произрастает в мир, к которому она не принадлежит, и становится через это ядовитой, также вращается духовный мир через медиумичное существо в наш мир, в котором мы обитаем между рождением и смертью. Но в действительности существует опасность того, что духовный мир может вросли, как мы это описали у белладонны, каждый раз, когда состояние сознания подавлено, т.е. наполненность «Я» в человеке отсутствует и он, следовательно, находится в бессознательном состоянии, без памяти, или в настоящем обмороке.

Каждый раз, когда сознание человека не подавлено нормальным сном, а подавлено чем-либо другим, существует опасность, что здесь открывается окно для мира, который я теперь описал.

Насколько чрезвычайно важную роль играет в человеческой жизни то, что открываются такие окна через подавленное сознание человека, об этом мы услышим в следующих докладах.-

IX. НЕПРАВИЛЬНЫЕ ПУТИ В ДУХОВНЫЙ МИР И ИХ ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

Использование естественно-научных представлений для пути познания

Мы видели, как исследование какого либо состояния, имеющего место в обыкновенной нашей жизни, а также жизни сна, приводит нас к наблюдениям, от которых можно перейти затем к толкованию других состояний сознания человеческой души, способных проникать в иные миры, нежели переживаемый нами между рождением и смертью. И мы подошли к медиумичному сознанию, то есть тому, которое приводит человека, можно сказать, в сомнамбулическое состояние, ибо медиумичное есть всегда сомнамбулическое.

Оба рода: переживание сна и переживание сомнамбулическое суть ведь внутренние состояния души, существующие в своем настоящем виде также и в нормальной жизни. Лишь углубляясь, они приводят нас или в правильное или в ложное русло.

Рассмотрим сегодня жизнь сна еще раз. Человек обычного сознания переживает сны, когда переходит из бодрственного состояния в состояние сна. Тогда в его астральном теле еще трепещет то, что он проделывает в своем эфирном и физическом теле в течение бодрственного состояния.

Сюда приводят затем хаотичные, правда удивительные переживания сна, правильное понимание которых однако возможно все же лишь посвященному. В своем обычном, хаотическом состоянии они смущают того, кто не проникает глубоко в существо духовного мира.

Но мы видели также, как посредством медитативных упражнений и концентрации, эта ткань жизни сна пронизывается истинным высшим сознанием. Представьте себе, следовательно, человека перенесенный в удивительный хаотический мир снов; но наполните эту жизнь сна сознанием так, чтобы быть осознанным по отношению к этому миру и находиться в этом реальном насколько мы бываем в обычной жизни. Тогда мы смотрим в другой мир, именно в тот, который я вам представил, где мы можем еще следовать за мертвыми после смерти, тут мы чувствуем себя как бы в мире гораздо более реальном, нежели в котором в

настоящее время находимся. Однако перед нами вопрос: в какой, собственно, мир мы вступаем? Я говорил уже об этом; теперь я затрону вопрос с другой точки зрения.

Некогда говорил я, с людьми Земли жили великие учителя Человечества, которые не были в физических телах, а только в телах эфирных, и, действительно, могли воплощаться в воздухе. Они поучали людей по пути инспирации и основали древнюю культуру на Земле. Оглядываясь назад, в древние времена, мы соответствующим состоянием сознания находим этих великих духовных древних учителей человечества, странствующими среди людей.

Затем эти великие учителя человечества удалились на Луну. Ныне мы можем находить их только в лунной сфере. Они подчинили себе там различных существ, никогда не приходивших на Землю, и живут среди таких элементарных существ. Они действуют на человека именно тогда, когда человек прошел через врата смерти, делая ему постигаемым его отношение к Карме и т.д. Мы имеем дело с этими существами и тогда, когда желаем вообще проникнуть в духовный мир. Точно также как проводить земную жизнь можно в социальном совместном бытии с людьми, также жизнь в высшем познании мы можем осуществить лишь совместно с другими существами. И вот ближайший, прилегающий к нашему духовный мир мы исследуем с этими лунными существами, которые вышли, хотел бы я сказать, из земных существ, этих древних учителей человечества, а также с теми существами, которых они подчинили себе.

Мы всегда находим в этом мире основания, помогающие нам узнать прежние инкарнации людей, подойти к прежним земным временам, дабы найти личностей, прежде живших, с которыми мы или были кармически связаны или не были. Я приводил вам пример, как посредством того, что в этом состоянии сознания можно продвинуться дальше, мы понемногу приходим в связь с такими земными существами, которые ныне не воплощены на Земле, как, например, Брунетто Латини, Данте, Аланус аб Инсулис и др.

Это состояние сознания является, следовательно, просветляющим и освещающим состояние сна, которое, так сказать, есть зачаток, то есть первоначальное для этого состояние в обновленной жизни, чем же является различие между человеком в обычном сознании и посвященным? Это различие вы можете уяснить себе очень легко.

Обычно, когда человек спит, то имеет свое физическое и

эфирное тело на постели, своим астральным телом и своим «Я» он находится вне физического и эфирного тела. Во сне переживает, таким образом, лишь «Я». Бывают случаи, когда переживают и в астральном теле, которое вне физического и эфирного. Но для обычного сознания во сне может переживать только «Я».

У посвященного переживает «Я» и, прежде всего, астральное тело. Так что различие между обыкновенном спящим и посвященный в том, что обыкновенный спящий находится вне своего физического и эфирного тела; он переживает только своим «Я». Посвященный переживает также и своим астральным телом.

Этот способ восприятия уже в древних мистериях сильно развивался для исследования сверхчувственных миров. Затем он стал, постепенно вырождаясь, применяться далее в средние века и новое время, пока в новейшее время стал более или менее утерянным.

Единичные люди, будь то духовным способом или пользуясь знанием, полученном по традиции от древних учителей мистерий, о том, как просветлять обычную жизнь сна сознания,- эти отдельные люди всегда имели возможность проникать в миры, в которые как раз можно проникать подобным способом, для человека всегда существует опасность, когда он желает проникнуть в эти миры. Ибо в них посвященный, погружаясь имажинативным познанием в то, что в ином случае проводится, например, через сон,- тотчас же испытывает чувство, будто теряет почву под собою, будто сознанием теряется в пустоте. Твердая почва уходит от него, вес и тяжесть исчезают. Он чувствует, как становится внутренне легким, как помимо своей воли уносится в духовные мировые дали, как легко он может потерять власть над собою, ибо вся тяжесть, всякий вес утеряны им.

Для того, чтобы это не имело места, существуют упражнения, описанные в моей книге "Как достигнуть познания высших миров". Кто предается этим упражнениям правильным образом, найдет, что он становится существом, душевно окрыленным и, когда чувство тяжести и веса прекращаются, он может пользоваться некоторым образом душевными крыльями. Однако это как раз и является опасным состоянием, если идущий по пути посвящения, так сказать, теряет свою устойчивость, теряет физические и эфирные ноги, не имея еще астральных крыльев и крыльев своего «Я». Вы понимаете, что это означает, когда я

выражаю это картинно. Оно именно так. Но при осторожном вrostании посредством упражнений в мир, куда мы вступаем, естественно, никакой опасности наступить не может. Человек может постепенно вrostать в эти миры подобно тому, как он вrostает в обычный, физический мир через свое физическое и эфирное тело.

Это является вместе с тем состоянием, в котором более или менее пребывало древнее человечество благодаря естественным обстоятельствам. Мы же должны достичь этого состояния путем упражнений. Древнее человечество в этом не нуждалось. Оно имело естественные способности, благодаря которым всегда существовало состояние, не представлявшее собою нашего бодрственного, но бывшее духовным созерцанием, каким я описал его у халдеев, и состояние, не представлявшее собою также нашего сна, но являющееся восприятием в имагинациях. Когда один человек встречал другого, он видел его не просто в отношении его телесных контуров, но видел сновидчески вокруг него ауру. И это была истинная аура, а не просто субъективно приснившаяся.

Опять-таки, если он имел дар видеть ауру какого-либо земного, физически живого человека, то имел также и другую способность,- ибо обе непосредственно связаны одна с другою,- именно -видеть ауру какого либо духовного существа, не воплощенного в физическом теле. Во сне он видел затем образ этого духовного существа.

Заметьте следующее различие: Когда в древние времена встречались с человеком, то видели имагинативно вокруг этого земного человека в реальном сне ауру. Встречаясь с духовным существом, ангелам или элементарным, видели сначала духовно ауру и затем воображали к ней фигуру.

Так рисовали и древние художники. Этого еще не знают. Древние художники видели духовных существ, им снились к этому образы; они рисовали несколько человекоподобных существ из иерархии ангелов; архангелов рисовали с расплывчатым телом, но с явственными крыльями и главою; и рисовали только главу, окрыленную у Архаев; ибо так это им грезилось. Все эти вещи были, так сказать, естественны для древнего человека, подобно тому, как нынче нам естественно видеть носы и глаза друг у друга.

То, что было постепенно утеряно человечеством, сегодня должно быть вновь добыто посредством упражнений. Вследствие того, что оно было свойственно древнему человечеству и сравнительно легко достижимо посредством

упражнений, эта область много исследовалась в течение времен. Мир, который, так сказать, управляется лунными сущностями исследовался всегда с большим усердием и посвященные древних мистерий, бывшие в этой области истинными исследователями, говорят много об этом мире, о своих встречах с умершими после смерти, об исследованиях лунной сферы. И затем они описывают перспективы, в каких, исходя из лунной сферы, представляется мир.

Коперник обосновал свою систему, исходя из земной сферы. Старая птоломеевская система не ошибочна, но она рассматривает мир, исходя из лунной сферы, и тут она правильна.

Всегда мы находим нечто своеобразное у этих исследователей. Именно то, что они далее этой лунной сферы не идут.

Видите ли, всем вам вероятно хорошо известно, что так называемое Антропософское Общество стояло ранее в Теософском Обществе. Теософское является родом Общества, подобных которому существовало много в течение времен. Оно имеет богатую литературу. Если вы почитаете ее, мои уважаемые слушатели, то найдете, правильно или неправильно - это сейчас не существенно, - что там описан тот мир, о котором я говорю сейчас, мир, исследуемый совместно с лунными сущностями, мир лунной сферы. И в этом для меня лежало то значительное, хотел бы я сказать, - с чем были связаны прежде всего препятствия, когда я получил предложение работать в Теософском Обществе. Оно состояло в том, что я находил у всех, кто состоял в нем, лишь исследование и литературу, относившиеся к этой лунной сфере. Там многое неверно, но имеется также и многое исключительно значительное, великое, именно в трудах Блаватской. Однако все, что находится в ее трудах и каким оно является, исходит из основ той сферы, в какой именно она стояла и которую я только что описал, вследствие того, что она имела связь с посвященными, определенно находящимися в этой лунной сфере.

И могу вам сказать, что я узнал многих таких посвященных, узнал как проникают такие духи в лунную сферу и что они становятся безразличными, когда мы желаем проникнуть далее.

Когда, - это имело место в 1906 до 1909 года, - я описывал Землю в моей книге "Тайноведение", в ее прежних инкарнациях Луны, а ранее Солнца и еще ранее Сатурна, то не остановился на Лунной инкарнации, но продвинулся

далее, до Сатурна. Между тем все посвященные, говорившие об этих вещах, останавливались между Луной и Солнцем и доходили собственно только до Лунной сферы. Они становились безразличными, даже порою тревожными, когда от них требовали дальнейшего углубления. Этого нельзя,- говорили они; тут мы подходим к границе, через покров которой проникнуть нельзя. Чрезвычайно важно, а также интересно увидеть, от чего это зависело.

Видите ли, причина этого лежит в том, что такие посвященные,- а познакомившись с ними хорошо это вскоре можно было заметить,- имели отвращение, антипатию к знакомству с теми формами представления, которые относятся к новейшему естествознанию. Возможно было даже наблюдать, что когда этим посвященным приводились положения Дарвинизма, Геккеля и т.д., они приходили в совершенное негодование, рассматривая их как нечто детское, неуклюжее, свойственное современному человеку; рассматривали как нечто, с чем они не хотели бы иметь дела.

Перед Гетевскими положениями они сперва такого негодования не выражали, но находили все же, что Гете говорит так, как выражается естествоиспытатель новейшего времени, и затем отбрасывали его положения также прочь.

Короче говоря, с этими представлениями совершенно нельзя было подойти к этим посвященным, и лишь, когда я, в отмеченные годы, в 1906-1909 гг. действительно пропитал душу современными естественно-научными представлениями, чтобы ввести их в область, где обычно имеют место имажинации,- для меня стало возможным продвинуться до Солнца и Сатурна. Таким образом, эти естественно-научные представления я не использовал для познания так, как это делали Геккель или Гексли, но пользовался ими как внутренней активностью, чтобы перейти эту границу, которой подчинялись посвященные в те времена, когда еще не существовало новейшего образа естественно-научного мышления. Вследствие этого возможно было проникать в высшее сознание только внутренне посредством насыщения мира сновидений имажинациями. Тут, следовательно, при составлении моего "Тайноведения" имела место попытка внутренне принять совершенно сознательный мир представлений, который обычно относится только к внешним явлениям природы, принять его внутренне и насытить им имажинативный мир.

Тогда явилась возможность проникнуть во всю эту цепь:

Сатурна, Солнца и Луны, и стало возможным исследовать на Земле то, что имели также и древние посвященные.

Рассказываю об этом пути познания для того, чтобы вы знали, как происходят подобные вещи. Вы можете возразить: это личное. Но в этом случае это личное действительно совершенно объективно.

И если порицали нечто в моем "Тайноведении", это то, что оно написано подобно математическому учебнику. Порицали, что я не пробовал внести туда ничего субъективного, но записал весь этот путь исследования, как о нем теперь рассказываю, с математической точностью. Оно получилось таким вследствие введения того, что имеется в образе мышления со времен Коперника, Галилея и т.д.. Образ мышления Гете был настолько углублен, что стало возможным ввести его в ту самую душевную настроенность, которую в ином случае мы имеем при имажинации; и мы смогли область, бывшую всегда доступной посвященным, представить во времени именно от ныне к изначалу.

Итак, на этом примере вы видите, каким образом мы приходим к тому, чтобы продвигаться в этих вещах не туманным путем, а совершенно ясным внося туда присутствие духа и осознанность, где в иных случаях они легко отсутствуют. Перед нами пример, когда жизнь сна, охватывающая обычно только «Я», охватывает и астральное тело.

И я хотел бы ответить следующее на вопрос: в чем же состоит различие между современным естествознанием и тем, что дано мною в книге "Тайноведение".

Различие состоит в том, что современный естествовед может обращаться лишь к «Я» и тотчас впадает в сон, когда он выходит из своего «Я», а я мог обращаться к астральному телу о том, какие представления имеют естествоиспытатели; поэтому астральное тело проникло в миры, которые я описывал.

Это является путем, который может быть описан совершенно точно, и который, как пример, покажет вам, быть может, гораздо определеннее, нежели что-либо иное, в каком отношении правильные пути стоят к ложным.-

***Преодоление искажений естественно-
научных методов в исследовании
медиумизма и сомнамбулизма***

Состоянием, полярно противоположным состоянию сна, является состояние сомнамбулизма или медиумизма. Спящий совершенно живет в своем «Я» и астральном теле; даже если он не имеет в астральном теле никаких сознательных восприятий, он все же в нем живет. Сновидец живет совершенно в своем «Я» и своем астральном теле. Он погружен, углублен в собственную свою сущность, и так как она связана с различными мирами, то, исходя из собственной сущности, он связан с мирами. Следовательно, сновидец погружается, так сказать, в собственную сущность и через это в мир и, в известной мере, в физический организм.

У медиума и у сомнамбулы имеет место как раз точно противоположное. В сомнамбулическом и медиумическом состоянии мы также находимся своим «Я» и астральным телом вне физического и эфирного; но тогда, как мною было изложено, «Я» и астральное тело проникнуты чужой сущностью.

Итак, мы имеем перед собою медиума или сомнамбулу с их физической сущностью, но вне физического и эфирного тела находятся его «Я» и астральное тело. Тут «Я» подавлено, поработщено, и астральное тело также, ибо другое существо, как я описывал, сидит в нем.

Вследствие этого медиум не может правильным образом воздействовать на физическое и эфирное тело. Ибо даже, например, когда мы спим, находясь в состоянии сна без сновидений, то действуем обратно на физическое и эфирное тело. Мы пронизываем известным образом в бодрственном состоянии физическое и эфирное тело изнутри, а в состоянии сна охраняем его извне.

Это прекращается у сомнамбулы. Медиум, сомнамбула не могут заботиться о своем физическом и эфирном теле. Эти последние являются для них, так сказать, покинутой областью. И это свойственно медиуму, сомнамбуле.

Наблюдая человека, имеющего для нашей человеческой современности нормальную душевную настроенность, мы отмечаем, что на его физическое и эфирное тело имеют влияние только лишь силы минералов и растений; и ничто другое. Если бы на наше физическое тело не действовали бы силы минералов и, следовательно, также силы минеральной Земли, - мы не могли бы ходить, двигаться; ибо это суть силы физические, которыми мы пользуемся. В них можем мы находиться, это является нормальным состоянием. Но это не должно входить в эфирное тело.

Точно также оно и у растений. Они могут в известном смысле действовать еще на эфирное тело, но не слишком сильно. Однако на те самые силы, которые образуют у животного ощущение, и на силы другого человека должны воздействовать на физическое и эфирное. Только потому, что физическое и эфирное тело у медиума, у сомнамбулы покинуты, на медиума и сомнамбулу действуют животные и земно-человеческие силы. Они подвержены суггестивному влиянию.

Подобно тому, как мысль исходит из сна, также исходит теперь воля из человека в окружающее. И мы можем подсказать сомнамбуле, медиуму, что он должен ходить; можем ему внушить, давая картофель, что это вкусная груша и т.д. Мы подходим как люди непосредственно суггестивно к медиумам и сомнамбулам в отношении физического и через это и эфирного. И сомнамбула и медиум носят в себе в своем эфирном теле свое физическое окружение, которое они должны носить в себе лишь в физическом теле, как это имеет место у нормального человека. Таким образом, нормальный человек отдается в состоянии сна внутреннему духовному миру, а сомнамбула, медиум - отдаются внешней природе.

Опять таки, быть медиумичным, сомнамбудичным, есть состояние нормальное, когда оно является нормальным; ибо то, что мы ходим, берем и вообще можем делать что-либо в пространстве,- это у каждого человека ведь является магически сомнамбулическим исполнением. Оно только не должно проникать в эфирное тело, должно пребывать лишь в физическом. Иначе нормальное переходит непременно в болезненное.

Таким образом, сновидец находится совершенно в себе самом; медиум и сомнамбула - совершенно вне себя. И мы имеем перед собою некоторым образом точно автоматами физическое и эфирное тело человека в медиуме и в сомнамбуле, можем на них влиять, ибо они не охраняются собственным «Я» и собственным астральным телом.

Вследствие этого, также как у спящего, рождается внутренний духовный мир, у сомнамбулы и у медиума рождается связь с внешним миром природы, с миром форм, миром образований, со всем тем, что есть наглядно видимо, пространственно, временно.

Погружаясь в мир сна, мы погружаемся в невежественное, в вечно изменяющееся. Проникая в мир, в котором сомнамбула под суггестивным влиянием исполняет

некую волю и когда, следовательно, физическое и эфирное тело проникают в него, то находим здесь все точным, имеющим контуры. Действительно, с невероятной точностью тут выполнено все, что совершается посредством внешнего влияния.

Это есть мир, совершенно противоположный сну; это есть, некоторым образом, реализованный, внешний, природно восстановленный сон, где снится лишь во внутреннем переживании.

Эта противоположность также имеет значение и в высшей степени интересна, если мы наблюдаем ее с точки зрения посвященного. Посвященный имеет, как я говорил вам, свои затруднения, когда погружается в мир сна для того, чтобы наполнить его имажинативно; он имеет свои трудности, ибо испытывает такое чувство, будто утеривается вес, тяжесть, утериваются все предметы внешнего мира, имеющие твердую почву.

Когда посвященный свыкается,- а он должен с этим свыкнуться сознательно,- он должен развить сознание так, чтобы выходить в мир подобно тому, как бессознательно выходит сомнамбула. Тогда он испытывает чувство, будто в каждое мгновение может потерять сознание, уйти в беспамятство. Это состояние нахождения в непрерывной возможности потерять сознание, имеет место у посвященного.

Необходимо всегда внутренне бодро и крепко себя держать, дабы не потерять сознания.

Мне хотелось бы сказать следующее: продвигаясь в этом мире, нам должно, как посвященному, также здраво и разумно держать себя в нем, как двигаются и держат себя обычно разумные, здравые люди в нашем мире. Я хотел бы сказать, что на посвященном не должно быть заметно того, что в то время, когда он проходит среди людей, животных и камней, он одновременно находится в духовном мире, где пребывает с полным сознанием. Ибо, вообразив хотя бы на мгновение, что он не имеет ног, а летает тут в этом мире, он очень легко впал бы в такое состояния, которые его собратия люди нашли бы сомнительными. Они сказали бы: что это за сумасшедший! Подобное может случиться, если он внутренне не будет держать себя устойчиво и бодро, дабы сохранить полное сознание при прохождении через духовный мир, существующий повсюду, как и физически-чувственный.

Видите ли, тут открывается область, которая, так сказать,

опять-таки не сделалась домэном Теософского Общества, но является областью для так называемых психических исследований, и т.д., где работают высоко образованные естествоиспытатели. Это есть область, в которой люди,- с одной стороны, естественно-научно образованные, но могущие мало что выполнить в естествознании,- делают статистические отметки о подобных вещах, производят опыты с медиумами, дабы заглянуть в духовный мир. Тут, в различных обществах и с различных точек зрения создается область, в которой хотят исследовать извне, как это происходит, когда человек поступает так или иначе; или двигает своими членами, руководимый не своим обычным сознанием, но с сумеречным или совершенно погашенным сознанием, в то время как другие существа овладели его душою. Тут регистрируются поступки людей, у которых сознание подавлено.

Нам довелось даже пережить, как люди, охваченные воодушевлением в подобного рода исследованиях, потребовали, чтобы я сам, со всем тем, что имею сказать миру, находился в их лабораториях в их распоряжении, для того, чтобы они могли исследовать также и извне, что такое тут происходит и проявляется как внутренний мир. Оно примерно так же разумно, как если бы кто либо пришел и сказал: в математике я ничего не понимаю, следовательно, ничего сказать не могу, правильно ли или ошибочно то, что утверждает математик; но он должен придти ко мне в мою физическую лабораторию; там я сделаю над ним опыты и определю, является ли он великим математиком или нет.

Приблизительно оно обстоит так. Этим я указываю на ту область в современности, где желают исследовать мир сомнамбулизма и медиумизма также извне посредством искажения естественно-научного метода и, собственно, к внутреннему не обращаются. Ибо, если бы обратились к внутреннему, то увидели бы, что в сомнамбуле и медиуме мы имеем перед собою внешнее, имеем автомат физического и эфирного тела; увидели бы, что исследуют тут, таким образом, совершенно не духовное, и то, что желают исследовать, покинуло то, что они имеют перед собою. Но как раз в эти тонкие особенности духовного мира люди не хотят вглядываться. Очень часто они хотят не только посредством внутренних переживаний, но во внешнем лицезрении иметь духовное перед собою. Они хотят иметь духовное во внешнем, видимом, чувственном действии.

Это иногда выявляется еще и другим образом, и

происходит вследствие того, что это подобные вещи. Как раз в то время, когда я проследил этот путь, подчеркнутый и изложенный мною, имели подобное в Теософском Обществе: во внешнем физическом мире желали иметь непосредственно духовное, и духовный образ Христа искали в физической личности.

Искусство как мост от материи к духу

Физический мир для нас должен оставаться физическим и духовное должно искать там, где оно есть; конечно, также и там, где есть физический мир, но именно в сферах, которые суть духовны и проникают физический мир.

Но тут же имеется еще другая область. И человек в здоровом своем состоянии чувствует себя призванным проложить мост между одною и другою областью, между областью внутреннего, переживания и внешнего лицезрения, миром, в котором аномально стоит сновидец и миром, в котором аномально находится медиум или сомнамбула, когда мы соединяем оба мира вместе, оплодотворяем их взаимно, - зарождается искусство. Ибо в искусстве то, что воспринимается внешне, чувственно, одухотворяется, пронизывается импульсами духовного мира; а то, что воспринимается внутренне - душевно, представляется во внешнем воплощении.

И в то время, как Теософское Общество было занято тем, что выставляли внешнюю физическую сущность как духовную сущность, мы в Антропософском Обществе стремились ввести в искусство течение оккультное: родились Мистерии, родилась Эвритмия, родилось построение речи.

Все это зародилось тут, в Антропософском движении, вышло из этого импульса, из стремления перебросить мост от духовного в физическое, чтобы сознание могло переноситься из мира, куда сновидец вступает хаотически, - к тому миру, в который вступает хаотично сомнамбула или медиум. В искусстве оба мира вплетаются сознательно один в другой.

Когда-нибудь это станет понятным. Поймут, что именно кроется, например, в тех особых устремлениях, проводимых Марией Штейнер, как довести построение речи снова до той ступени, на которой оно некогда было, когда люди были еще инстинктивно духовными. В речи тогда большее значение имели ритм и такт, нежели внешнее абстрактное словесное

выражение. Это должно быть завоевано снова. Эвритмия завоевывает двигающегося человека, который разворачивается перед нами таким, каким является человек как духовно-душевная сущность. Это есть то, что вы видите в эвритмии.

Таким образом, в искусстве мы, прежде всего, должны были построить этот мост между миром, с которым соприкасается сновидец, и миром, в котором блуждая спотыкаются и двигаются сомнамбула и медиум. В наше современное материалистическое время сновидец стоит тут, одиноко размышляя, и ничего не знает об образах, о материальных формах, выражающих духовное и дающих откровение духовного. И вокруг ходят сомнамбулы, безразлично, ценят ли их как медиумов или создают ли они в большевизме чисто государственные теории и подобно медиумам реализуют в мире различные вещи; они бродят в современном мире кругом и не подозревают ничего о духовном.

Большое значение имеет то, что в искусстве вновь найден мост от духовного к материи и от материи к духу, дабы понапрасну не спотыкаться и не кружиться более, блуждая во внешнем мире, но получить разумение к нему посредством духовных движений, которые не суть обыкновенные движения.

Таким образом, перед вами настоящее, внутреннее начало эвритмии предстоит как импульс посвящения; и все то, что изучаете у нас как искусство построения речи, исходит также из этого импульса. И когда в скором времени в Дорнахе будет проводиться курс драматического искусства, в нем будет также проводиться опыт подвести драматическое искусство к тому, чтобы на сцене было проявлено духовное, долгое время думали лишь о том, как бы по возможности поставить артиста на сцене так, как в обычной жизни. И комичными были дискуссии в 90-х годах, когда об этом спорили, склонившись в заключение к натуралистическому. Спорили о том, должны ли шиллеровские персонажи произносить на сцене свои героические сентенции с руками, заложенными в карманы брюк, ибо такова была некогда мода! Вы видите, имеется много причин, дабы найти путь к истинному исследованию духовного мира. И тот путь, который открывается в области искусства, по настоящему совсем не является неправильным путем.

С одной стороны, совершенно особое значение имело

продвижение от древней науки посвящения, углубленной в мистерии Луны и всего того, что сюда принадлежит; это было приближением к тому, во что возможно проникнуть посредством душевных постижений естествознания, когда они насыщают душевное состояние, при котором возможно оккультно познать. Если это имело невероятно большое значение, то, с другой стороны, не меньшее значение имели дилетантские попытки сделать особой областью исследования, устранив отсюда дух, то именно, что имеет место у медиума и сомнамбулы именно под духовным влиянием и проявляется в формах духовного. К этому уже были сделаны нелепые дилетантские попытки.

Эти два пути должны собственно рассматриваться как один: проникновение изнутри наружу посредством ставшего обдуманном миром сна и сознательное понимание внешнего мира, который охватывается естествознанием лишь через его минеральные свойства и который исследуется дилетантским образом посредством так называемого психического изыскания, и т.п. Следовательно, существенно пройти и этот путь духовного исследования, ибо мы живем в естественно-научном времени и важно духовно исследовать эту другую область, которая полярно противостоит области сновидений.

Когда перед нами сомнамбула или медиум, то через них происходит нечто, к чему мы не привыкли в обычной жизни. Сомнамбула не пишет так, как пишет обыкновенный человек; двигается, говорит; ест, не так как обыкновенный человек; ибо у него астральное тело и «Я» находятся вне физического и эфирного тела. Мы имеем тут дело с физическим и эфирным телом, которые покинуты и которые стоят под воздействием Космоса, отданы влиянию Космоса. Мы имеем, следовательно, дело с откровением физического и эфирного, которое не является обыкновенными природными действиями, но проистекают из духовного мира. Ибо в принципе, в конце концов, безразлично, стою ли я перед медиумом и внушаю ему что-либо или медиум отдается какому либо звездному влиянию или влиянию какого-нибудь металла, или климатическому и т.д., воспринимая его в свое эфирное тело.

В медиуме перед нами организация, отданная магическим образом духовному. Это мы должны себе отметить. В таком случае нельзя изучать этих явлений, не имея перед собою духовного, как хотели бы это делать Общества внешних психических изысканий, желающие экспериментировать

внешним образом. В этих случаях необходимо вглядываться в духовную связь. На переднем плане стоит то, что происходит тут через медиума и сомнамбулу или, в ином случае, через человека; а в глубине надо видеть то, что существует как духовное.

Но все эти явления, возникающие у медиума, у сомнамбулы родственны с другими медиумами. Когда сидит медиум и в известном состоянии производит то или иное под человеческим или под космическим влиянием,- это собственно означает, что физическое или эфирное тело производят то или иное. Это временно происходящее совершенно то же самое, что имеет место под воздействием, обусловленным чем-либо другим в ядовитых растениях, через которые человек известным образом заболевает. Это является только, хотел бы я сказать,- внешней, преходящей личиной болезни, имеющей место в сомнамбулическом, медиумическом состоянии. И с известной точки-зрения,- о чем будет еще изложено в ближайших докладах,- на проявлениях медиумизма и сомнамбулизма можно видеть, в чем собственно у больного человека кроется причины болезни. (Этого не требуется, но возможно заключить). Причина лежит в том, что его «Я» и астральное тело вышли каким-либо ненормальным образом из одного органов или покинули весь организм и человек стал таким путем под действие особых духовных влияний.

Видите ли, так как в древние времена постигали существование этой связи, то мистерии всегда были соединены с медициной; и вследствие того, что тогда не были так любопытны, как сегодня, то не занимались много медиумами и сомнамбулами, чье поведение было постигнуто также, как постигалось болезненное состояние. Этими вещами занимались гораздо более с точки зрения медицины. И такая точка зрения должна быть снова приобретена.

То, что есть в мире и что в особенности проявляется в патологических состояниях человека и животных, должно быть исследовано вновь правильным образом. Лишь таким путем придут к возможности познать то, что желало бы исследовать Общество психических исследований.

Антропософическое движение также вступило на этот путь, где патологические явления могут исследоваться таким образом, чтобы из них открывался доступ к духовному миру. Это стало возможным и в совместной моей работе с д-ром Итой Вегман, в которой она пытается пройти правильным образом путь, с которого сбиваются

психические исследования. Такая совместная работа оказалась мыслимой, потому что Ита Вегман действительно обладает не просто познаниями, приобретаемыми современным врачом, но теми интуитивно-терапевтическими импульсами, которые непосредственно исходят из картины болезни, входят в духовный мир и оттуда приходят к терапии.

Вот здесь и лежит та область для исследования, на которую я указываю. Тут производится опыт создания истинной, инициированной медицины, которая сама по себе является инициированным естествознанием.

Перед миром открывается другой, правильный путь в противовес ложным путям. И вы уже из первого тома книги, совместно написанной д-ром Вегман и мною, увидите, как идти этим путем.

Теперь ясно, что на примерах легче всего видеть различие между правильными и ошибочными путями. В связи со всем сказанным здесь, на это должно быть также указано.

Если я говорил ранее о том, что в искусстве должен быть проложен путь, который снова приблизит область духовного и область материально оформленного одну к другой, то должен добавить еще следующие: видимо, что по условиям современной цивилизации правильный путь к этому будет найден тогда, когда будет пройден последний путь в отношении природных явлений, ибо ныне человечество в искусстве так далеко отстоит от построения этого моста, о котором я говорил, что быть может оно лишь тогда убедится в действительности жизни духовного в искусстве, когда интенсивным образом придет к убеждению в действии духовного, видимом особенно в генезисе патологического; когда станет явственным, как действует и живет дух в материи, как он в материи открывается. Когда узрят это в области Природы, тогда, быть может, пробудится энтузиазм и к тому, чтобы непосредственно в искусстве поставить это перед миром.

Х. ВЛИЯНИЕ ВНЕЗЕМНОГО КОСМОСА НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Солнечные воздействия и лунные воздействия

В прошлый раз я указал на неправильные, искаженные пути в духовный мир: с одной стороны - путь внутреннего мистического углубления, погружения и вхождения в мир сна; с другой стороны - путь, который, хотел бы я сказать, - искажено, естественно-научным образом идет дорогою явлений, внешне представляемых у сомнамбул и медиумов. Я указал на то, как эти два пути должны быть восприняты и проведены плодотворным образом, когда действительное инициативное познание будет иметь место.

Мы проникаем и далее в эту область, когда представим себе, под какими влияниями со стороны Космоса находится человеческое сознание и вся человеческая сущность.

Вы легко можете видеть, как над всем существующим, кроме земных действий в области влияний на человека, солнечные и лунные воздействия превосходят все другие. Об этом обычно не задумываются. Но и сегодня уже естественно-научно совершенно очевидно, что на Земле не было бы всего того, что есть, если бы не имели тут места солнечные действия, которые снисходят из внеземного Космоса на Землю.

Солнечные действия расколдовывают из Земли все растительные существа. Они необходимы для всего животного и также для всего, что есть физического и эфирного в человеке. Солнечное воздействие замечается повсюду, где только хотят, и значение его также исключительно для высших существенных органов человека. Мы слабее отмечаем лунное воздействие. Оно живет ныне многообразно в суеверии. И то, что о нем можно знать и знать точно, искажено вследствие того, что именно существуют различные суеверные представления о лунных воздействиях. Желаящие заниматься нынче наукой чувствуют себя выше всякого суеверия и потому часто отвергают также все значение лунных действий и не хотят попустить его в настоящей науке.

Однако мы замечаем, что не только у поэтов, прекрасно знающих, как возбуждающе действует лунное волшебство на фантазию: и не только у любящих, чьи дела охотно проводятся при лунном свете,- но решительно действие

Луны имеет место, воздействуя на Землю. И тут можно узнать совсем особо замечательные вещи.

В середине 19-го столетия в Германии жили двое ученых. Одного звали Шлейден, другого - Густав Теодор Фехнер.

Густав Теодор Фехнер охотно подходил с совершенно определенной точки зрения к самым таинственным явлениям природы, проявлявшихся как в человеке, так и во внешней великой Природе. Между прочим, он собирал даты и составлял особого рода статистику о том, насколько выпадающие в каком либо месте дождевые осадки находятся в связи с полнолунием и новолунием и т.д. И он получил, как следствие своего рассмотрения вывод, что при известных фазах для определенного района имеются большие дождевые осадки, нежели при иных лунных фазах. Он представил его на суд ученых. Он не стеснялся, противопоставить свою науку ходячей (обычной в стране) науке.

Но его коллега по университету, профессор Шлейден, ученый ботаник, придерживался иного мнения; он осмелел вывод Фехнера и сказал, что о подобного рода лунных влияниях не может быть и речи.

Удивительным, однако, было следующее: оба ученых были женаты и в относительно малом тогда университетском городе, который все же являлся одним из больших городов Германии,- существовали еще патриархальные обычаи. Женщины собирали дождевую воду, так как полагали, что она особенно хороша для стирки белья. Произошло так, что о вопросе выпадения дождей говорили не только оба профессора, но такие обсуждали его их жены. Профессор Фехнер говорил своей жене: "Что же, если проф. Шлейден не верит, будто лунные фазы имеют влияние на дождевые осадки, так скажи просто, что ты хочешь использовать эти лунные фазы для того, чтобы собирать дождевую воду, а госпожа Шлейден может набирать воду в другую фазу, после тебя. Так как проф. Шлейден не верит тому, что лунные фазы имеют влияние, то против этого нельзя возразить ничего".

Но представьте, госпожа Шлейден не захотела уступить госпоже Фехнер те лунные фазы, про которые ее муж не верил, что во время них выпадает больше дождей! Таким образом созданся очень забавный университетский и семейный спор об этом предмете.

Но он имеет и научную подоснову, и если мы, только более духовидческими способами подойдем к таким

влияниям, то увидим, что действительно, не только в суеверии, но и в действительной науке говорится о сильных лунных действиях, также как и о солнечных.

Этим мы относительно уже исчерпали то, что касается факта, охватываемого обычным сознанием современного человека. Современный человек живет, так сказать, под влиянием Земли, Луны и Солнца. Он также в своем сознании зависит в существенном от Земли, Луны и Солнца. Ибо, как я вам уже указал, подобно тому, как внешне видимое в звездах не есть существенное, так и внешне видимое Солнца и Луны не является существенным.

Мы уже говорили определенно о том, как Лунная сфера таит в себе тех сущностей, которые некогда были великими древними учителями человечества. Также и Солнечная сфера таит в себе великое множество духовных сущностей. Каждая звезда есть колония сущностей, подобно тому, как Земля есть космическая колония человечества. Но, как было сказано, человек, ныне проводящий свое время между рождением и смертью, живет почти исключительно под влиянием Земли, Луны и Солнца. И дело в том, чтобы узнать и определить, точнее, как человек всем своим сознательным, также и телесным состоянием, т.е. своим духовным, душевным и физическим состоянием, живет под влиянием Солнца и Луны.

Возьмем, для примера, крайнее состояние сознания между которым лежит состояние сна: дневное бодрственное сознание и сновидческое сознание без сновидений

Наблюдая человека во время сна, когда физическое и эфирное тело разъединены от астрального тела и «Я», мы видим следующее: человек сохраняет бережно солнечные влияния между засыпанием и пробуждением в том, что он извлек из своего физического и эфирного тела как астральное тело и «Я».

С момента пробуждения до засыпания мы внешне глядим на Солнце. Мы также смотрим на его действие и тогда, когда перед нами сплошная дождевая завеса, ибо то, что мы видим на других вещах, является отражением солнечных лучей. В течение всего бодрственного состояния мы находимся под влиянием Солнца, внешне освещающего все предметы. В то мгновение, когда мы засыпаем и переходим в другое состояние, начинает, видимо для духовного ока, сиять Солнце в нашем астральном теле и нашем «Я». Итак, между засыпанием и пробуждением мы имеем Солнце в нас.

Вы ведь знаете о существовании известных минералов:

когда их в определенных условиях освещают и затем делают помещение темным, то они сохраняют свет и излучают затем в темноте свет обратным действием. Так обстоит и для духовного лицезрения с человеческим «Я» и астральным телом. Они известный образом насыщены внешним солнечным светом в состоянии бодрствования; они начинают светиться и сиять между засыпанием и пробуждением в то время, как они уже носят в себе солнечный свет.

Таким образом, можно сказать: Во время бодрствования человек находится под влиянием солнечных действий. Во сне - он находится под влиянием солнечного действия, которое он теперь уже носит в себе до пробуждения. Мы имеем в себе Солнце, когда спим и остается в ночи только физическое и эфирное тело. Но в духовном мы наше физическое и эфирное тело освещаем во время сна сами, именно тем, что теперь имеем как сохраненный солнечный свет. И если бы мы этого не делали, если бы извне не освещали нашим сохраненным солнечным светом нашу кожу и вплоть до самого внутреннего наших органов чувств,- то человек рано утром был бы совсем высохшим, иссохшим, увядшим. Мы для сохранения свежести, роста и жизненности нашего организма в действительности выполняем все нужное посредством того, что в течение сна сохраненным солнечным светом извне светим на нашу кожу и наши органы чувств.

Происходит так, что в течение сна человека то время, как он находится во вне своим «Я» и астральным телом, освещает во-первых свою кожу сохраненным солнечным светом, а во-вторых, солнечный свет действует обратно через глаза и уши вплоть до самых нервов.

Феноменом человеческого сна именно и является то, что Солнце сияет, исходя из человеческого «Я» и человеческого астрального тела, на кожу, где находятся врата внешних чувств, само проникая в человека.

Затем наступает, безразлично, новолуние или полнолуние, ибо вследствие этого только меняются действия, но имеют они место при всех лунных фазах. Лунные воздействия подходят к человеку извне и распространяются на физическое и эфирное тело. Таким образом, в физическом и эфирном теле в течение сна мы имеем солнечные действия, передаваемые «Я» и астральным телом, и лунные действия извне, приходящие на физическое и эфирное тело.

Видите ли, этим характеризуется сон в отношении

Космоса. Человек стоит через свое внутреннее в связи с Солнцем; своим внешним - в связи с Луною. Ибо астральное тело и «Я» суть ведь внутреннее, хотя теперь они и во вне.

***Живое восприятие Лунной сферы
как исходная точка пути
посвящения.***

Положение человека в мире с его обычным сознанием в отношении Солнца и Луны обрисовывать не приходится; это может представить себе каждая душа, подумав о том, как выглядит день, как живет человек в течение дня, как он живет в течение ночи. В то мгновение, когда человек начинает укреплять свою внутреннюю душевную силу для обычно хаотического сновидческого сознания и приближается к тому, чтобы сделать это сознание орудием восприятия реальности, - в этот самый момент человек уже усматривает как Луна, сохраняемая в его «Я», находится там. В то мгновение, когда мы, действительно, благодаря познанию посвященного; превращаем сон в действительность, мы чувствуем себя как бы проникнутым вторым человеком. Но знаем, что в этом втором человеке живет сила лунной сферы.

Итак, мы с пробуждением сознания посвященного говорим: Во мне живет сила лунной сферы, и она, собственно, имеет всегда тенденцию образовывать во мне второго человека, которого я тогда ношу в себе в своем первом человеке, как в оболочке. Теперь наступает также и борьба. Когда Луна начинает действовать в человеке внутренне, не при дневном бодрственном сознании, но в сновидческом сознании, и действует в этом втором человеке, о котором я сказал, что он нормально у человека освобождается внутренними лунными влияниями, - освобождается ночью настоящей Луною, и когда этот второй человек получает свое значение в сумеречном состоянии сна, - тогда он, сидящий в первом, обыкновенном человеке, порывается блуждать в лунном свете и берет с собою первого. Тогда наступает сомнамбулическое состояние, которое мы наблюдаем у лунатиков.

Теперь представьте себе, что когда во вне светит Луна, и может быть пробужден этот второй человек, он вступает в особо магические, т.е. необычайные, отклоняющиеся от естественных, действия. Человек блуждает вокруг. Представьте себе такого ночного путешественника. Человек при сумеречном сознании делает всякую всячину, которую

при обычном сознании он не сделал бы.

При обычном сознании он оставался бы спокойно лежать в постели, где его место. Вместо этого он путешествует вокруг, влезает на крыши, ищет ту область, которая собственно должна быть вне его физического тела.

Видите ли, переведенное в нормальное, приведенное к сознательному внутреннему опыту, такое влияние имеет место при начинающемся инициативном познании. Но в этом случае мы не приближаемся к лунному влиянию, к настоящему лунному действию извне, а сознание второго человека образуется внутренне носимым лунным действием. И нам необходимо собрать всю силу для того, чтобы этот второй человек теперь не ушел. Мы оставались бы спокойно с первым, второй - мог бы уйти, блуждать, впасть в заблуждение, идти совершенно ложными путями. Его надобно держать.

Это именно является тем, что должно сопровождать нас непременно при приобретении инициального познания: внутреннее укрепление и устойчивость, дабы то, что хочет выйти, осталось бы в нас и мы сохранили бы его связанным с совершенно обычным трезвым сознанием, которое имеем в нашем физическом теле.

Но мы всегда должны бороться за то, чтобы не ушел этот второй человек, который образовался следствием укрепления внутренней лунной сущности. Этот второй внутренний человек, который тут образуется, имеет весьма сильное притяжение ко всему тому, что является действиями обмена веществ и движений в человеке, к тому, что исходит от желудка и других органов; ко всему этому он имеет очень, очень сильное притяжение.

Это, видите ли, есть то, что, прежде всего, является предстоящим опытом для начинающегося инициального сознания; оно идет одним из двух путей, которыми надо идти: путь через упорядочение мира сна, его реализации и приведения к действительности мира сна.

Если теперь обдумаем,- а должны обдумать,- как я это разъяснил, то приходим к следующему: Когда внешне день, внутренне мы носим ночь в себе, и среди дня пробуждается как бы внутренняя НОЧЬ.

При наступлении иницированного сознания, день существует для внешних глаз и внешних восприятий

предметов; а в пространстве этого дня всюду начинает действовать и жить духовный лунный свет, который светит вокруг и излучается так, что духовное начинает светиться.

Теперь мы знаем, что посредством собственной души мы в день переносим ночь. Когда все это имеет место при полном сознании и происходит так, как и что-либо другое, совершаемое разумными людьми днем, и когда этот разумный человек может ввести лунные, ночные действия в дневные,- тогда он на правильном пути. Но если он что-либо вносит в себя помимо полного сознания и ночь восходит днем посредством его внутренних сил,- тогда он сбивается на неправильный путь, ведущий в конечном итоге к медиумическому.

Таким образом, полное сознание, внутреннее овладение явлением, в которое мы вживаемся, служит мерилom: не само явление в себе, не сам по себе факт, а способ, каким мы себя в него вживаем. Если бы ночной лунатик мог в то мгновение, когда блуждает по крыше, развить свою полную сознательность,- он в этот же момент был бы посвященным. Он этого не может; но если вы его окликнете и разбудите, он упадет вниз. Если бы он не упал, а развил полное бодрственное сознание и мог бы остаться в этом состоянии, тогда он стал бы посвященным. Задачей инициированного познания и является развитие не просто здоровым, а сверхздоровым образом то, что развивается тут болезненным образом.

Вы видите, как весьма остро друг подле друга стоят ложное и правильное в духовном мире. В физическом мире еще возможно легко различать неправильное от правильного, так как мы тут имеем грубую логику, грубый опыт. Но как только проникаем в духовный мир, это различение становится исключительно трудным, зависит совершенно от внутренней устойчивости, от внутренней сознательности.

Затем, когда человек, таким образом, пробудил ночь днем, - тогда постепенно лунный свет теряет характер внешнего сияния, он не светит внешне. Он действует лишь как обычное жизненное чувство. Но далее наступает нечто другое. На этом духовном ночном небе теперь сияет в великолепном блеске свет Меркурия. В этой волшебной днем пробужденной ночи действительно восходит звезда Меркурия, но не так, как мы видим Меркурия в телескоп, а так, что мы узнаем в нем нечто живое.

Мы не можем сразу различить живых духовных существ,

населяющих Меркурий, но, в общем, узнаем по тому образу, каким предстоит Меркурий, что имеем дело с духовным миром.

Когда лунный свет становится в духе для кого-либо общим эликсиром, в котором мы чувствуем себя пребывающими, тогда постепенно восходит духовная звезда Меркурия в этой ночи, волшебю пробужденной днем. Из этого рассвета и зарождающейся зари выступает та сущность, которая может быть тогда обозначена как божественное существо Меркурия. Оно нужно нам, нужно безусловно, иначе наступает заблуждение. И, прежде всего, надобно найти в духовном мире эту сущность, про которую мы, наверное, знаем, что она принадлежит к сущностям Меркурия.

Посредством того, что мы узнаем ее, мы можем овладеть вторым человеком, который оживает в нас, владеть им. Нам не надо более, подобно лунатику, идти неопределенными путями, но мы можем под руководством этого божественного посланца Меркурия идти верными путями в духовный мир. Дело обстоит так:

Если хотим найти правильные пути в духовный мир, мы, прежде всего, должны проделать совершенно определенные опыты, наставляющие и направляющие. Обыкновенный мистик углубляется в свое внутреннее. И наступает смешение чувств, в котором все перемешано, и Бог, и Мир, и Ангелы, и черти. В крайнем случае, имеют тут место общие обычные сновидения, мечтания в которых нельзя отличить происходят ли они из сферы половой или головной.

В общем, переживания взволнованы, перепутаны, перемешаны. Это есть неясная, туманная мистика, не проясняющая сон, а напротив, наполняющая его еще большим хаосом, в чем разобраться может тогда лишь посвященный.

Такие переживания, как они описаны Катериной Сиенской и подобные им, которые так замечательны, так необычайно поэтичны,- их понять может только посвященный, ибо лишь он знает, что собственно тут происходит. Потому можно сказать: если ты проходишь свое посвящение с полным сознанием, которое так ясно и проникновенно, как сознание, с которым ты считаешь или занимаешься геометрией; если ты с этой совершенно трезвой обдуманностью проникаешь в эти ваши,- то ты находишь правильный путь.

Подобно тому, как никто не станет отрицать, что Луна и Меркурий восходят во внешнем пространственном мире, и

что это не снится, а реально; подобно этому мы знаем о том, что волшебным образом вводим внутреннюю ночь во внешний день и находим настоящий, реальный духовный мир. И лишь вследствие этого находим мы путь, когда погружаемся туда с полным сознанием и встречаем духовных существ, подобно как можем встретить людей в физическом мире. Ложными путями идут всегда, когда хотят искать дух без того, чтобы стать сознательными относительно чего-либо, что находится в духовном мире. На этом ложном пути находятся, оставаясь только на Земле и экспериментируя с медиумами, но без того, чтобы действительно переступить в духовный мир; экспериментируя лишь над тем, что выявляют внешне.

Все, что не пробуждает сознания в духовном мире, но продолжает блуждать во сне и желает изучать только влияния, как это делает внешний оккультизм, - это на фальшивом пути. На правильном пути стоит то, что, входя в духовный мир, тотчас же противостоит ему как реальность, но духовная.

Таким образом, внутреннее, живое познавательное восприятие лунной сферы является исходной точкой одного из инициальных путей. Можно сказать: То, что в иных случаях наступает только в отношении Солнца и Луны, - во время бодрствования, когда действует человеческая луна во внутреннем, оно выступает у посвященного во время бодрствования так, как в ином случае выступает во сне. Человек постигает лунные действия как если бы они были внешними. Он волшебным образом вводит ночь в день. И вместо того, чтобы как при ночном наблюдении все небо одновременно бывало звездным, - восходит духовно сперва звезда Меркурия; и когда мы дошли до образования имажинаций путем, указанным мною в книге "Как достигнуть познания высших миров", дошли до настоящих имажинаций, - перед нами в этом лунном мире выступает днем именно мир имажинаций как действительность.

Однако в то время как мы вступаем в сферу действий Меркурия, эти имажинации переходят к их сущностям. Мы теперь не представляем себе просто видений, за которыми ничего нет реального, но представляем видения как имажинацию. Они идут к своим, соответствующим сущностям. Вследствие этого вы можете, если продвинулись еще не слишком далеко в своем имажинативном пути, иметь видение Архангела, но оно остается видением. Лишь продвинувшись далее, видение это действительно становится Архангелом и вы имеете видение, в котором он

находится. Прежде, при простом лунном сиянии он не имел надобности находиться в нем. Теперь он находится в нем.

Таким образом, вы становитесь сознательными в отношении действий Меркурия, в то время как ваш иллюзорный мир втекает в воспринимаемый вами действительный мир духовного. Все это может быть достигнуто правильным образом лишь при полной сознательности; это всегда необходимо подчеркивать.

Затем, когда человек продолжает далее свои медитации, укрепляя далее свое внутреннее, делает его внутренне активнее, он достигает кроме сферы действий Меркурия, еще и сферу действий Венеры. И когда наступает действие Венеры, и Венера восходит в этой внутренней ночи, волшебным образом введенной в день, тогда исчезают видения в отношении сущностей, которые выступали и которые представляются в образах имажинации, в реальных видениях. Мы тут стоим перед духовным миром с пустым сознанием, зная, что духовные сущности тут. Мы подошли к сфере Венеры. Духовные сущности здесь. Мы ждем пока нам не откроется Солнечная сфера. Все вместе является подготовлением к тому, чтобы пережить Солнце еще вторично. Все это проделывают в течение дневного бодрствования, когда находится в солнечных действиях извне.

Мы проходим этот путь, который я описал, через Луну, Меркурий, Венеру, где исчезают видения. Продвигаемся далее. Весь путь был путем от Земли к Луне, к Меркурию, к Венере, к Солнцу. Лицезреем Солнце вторично духовно. Оно еще не постоянно видимо, так еще неясно, но мы знаем, что лицезреем его духовно. Мы проникаем и взираем во внутреннее Солнце.

Происходит так,- если смею употребить совсем грубое сравнение,- как если бы мы говорили себе: я вижу там вдали нечто; я приближаюсь к нему, считаю его за нечто, сделанное искусственно; приближаюсь, схватываю его. Тогда оно улавливает меня зубами за руку. Теперь знаю, что это не искусственное, что это настоящая собака. Я убеждаюсь, что в этом было внутреннее.

Это грубое сравнение может обратить ваше внимание на нечто, что представляет собою Солнце. От Земли мы проходим через лунные действия, действия Меркурия, Венеры, и приходим к тому, чтобы видеть Солнце, и замечаем, что оно - живое, духовное существо. Там внутри живут также существа.

Это, прежде всего, является путем, который может быть выработан и который во всем, на каждом из своих шагов показывает, как посвященный, продвигаясь вперед, должен сохранять полную сознательность. Лишь тогда он идет правильный путем. Но человек идет неправильными путями, если не усматривает того, что он в то время как каким-либо образом выходит из себя, вступает в Космос, и что Космос становится духовным перед его духовным взором. Ясно, что необходимо внутренне знать различие между настоящими и ложными путями в духовном исследовании.

Постижение человеческой организации в имагинациях

В прошлый раз я отметил те попытки различных психо-окультурных обществ в исследовании духовного мира, только по внешним проявлениям - исходя из потребности времени, - отметил их карикатурное, подражание естественно-научным методам.

Не поймите меня превратно. Я не хочу выступать, критиком этих людей, слишком хорошо зная, насколько сильно может быть желание вступить в существо духовного мира посредством наблюдения внешних явлений на естественно-научном пути. Мне хочется лишь показать, как эти пути должны вводить в заблуждение и как, напротив, должны поступать на правильных путях. Совершенно понятно, что сегодня, так как мы живем в естественно-научном веке и должны жить в нем далее,- появляются люди, которые хотят исследовать духовный мир подобно тому, как они непосредственно исследуют в естествознании и считающие сомнительными другие, чисто духовные пути. Они говорят: С одной стороны лежит перед нами нормальный мир; там ходят люди, исполняющие свои намерения, наложенные на них внешней социальной жизнью; люди, думающие и действующие в смысле этой внешней социальной жизни. Это не имеет ничего особого, потому что мы к этому привыкли. В этом мире исследует естествознание, занимающееся внешними проявлениями: тепло-, свето-, электро-, магнитными проявлениями и т.д.

Но в жизни имеют место также и аномальные явления. Люди поступают как автоматические писцы, как исполнители того или иного влияния, побуждаемые к этому под гипнозом, внушением и так далее. Полагают, что этим способом говорит незнакомый нам мир с нашим обычным

миром, хотят истолковать эти внешние получаемые знаки, эти аномальные явления, хотят истолковать то, что происходит, когда в Нью-Йорке кто-либо о чем-нибудь напряженно думает и переживает, а другой, живущий с ним в единомыслии человек получает в Европе известие внутренним путем, подобно как в иных случаях получают его посредством беспроволочного телеграфа внешним образом. Такие проявления, примеры о которых можно привести сотнями и тысячами, исследуют естественно-научным внешним, статистическим путем.

Путь этот не может привести к цели, потому что в нем нет духовного направления, в котором должно идти и которое должно лежать в самом духовном мире. Потому что все эти проявления, какими бы замечательными они не были, остаются лежащими друг на друге агрегатами во внешнем мире, один возле другого. С ними вообще не достигают знания и познания; их можно только регистрировать, рассматривать как нечто примечательное, строить гипотезы о духовном мире, не имеющие, впрочем, значения, ибо сами проявления в этом внешнем мире, в которой они поставлены духовным миром, не говорят по-настоящему о том, что такое они есть. Они не высказываются о том, чем они являются. Мы можем сколько угодно свидетельствовать медиумами, внешними естественно-научными явлениями: духовный мир открывается в них; но он не высказывается о том, что он собственно есть такое.

Видите ли, тут выступает то исследование, о котором я говорил, и которое я совместно с д-ром Вегман пытался точно установить. Это исследование также ведет неизбежно в духовный мир, как и другое, о котором я только что сказал, ищущее осветить внутреннюю жизнь сна. Этот внутренний мир сна неминуемо вступает в духовное, но проистекает это так, что он согласно с целью, которая сама открывается в духовном мире, находит там проявления, нужные для такого исследования.

Но эти проявления не заключаются в разбросанных чудесных явлениях, которые выступают перед нами во внешнем мире, только что описанным образом. Они лежат в той области, которую наблюдает человек образованный в медицине, анатомии и физиологии, когда он от достижения внешней формы человеческого органа, - легкого или печени, или какого-нибудь другого, - поднимается к импинативному постижению этого органа, постепенно начиная представлять себе перед душою человеческую организацию в

имагинациях.

Видите ли, это возможно, когда доступно изучение органов человека, действующих ненормальным образом, не так, как положено действовать естественно, а как бывает при аномальных проявлениях, когда исходят из лежащего в человеке естественно-научного анатомического знания, которое тогда поднимается до духовного прозрения человеческой организации. При том методе, который я излагал перед этим, исходят в исследовании из всего человека. На пути, могущем вести к истинному познанию (действительному), исходят от отдельных человеческих органов, которые охватываются посредством духовной анатомии и наблюдаются непосредственно,- в противоположность ложному пути познания, охватывающему внешние явления статистическими карикатурным естественно-научным образом. Посему вы можете понять, что должен был сперва найтись человек, совершенно правильно разбирающийся в медицине, для того, чтобы эти вещи могли быть истолкованы.

Затем, в дальнейшем, речь идет о том, чтобы в то мгновение, когда духовно, таким образом, постигается человеческий орган,- причем имеется человек, который именно подобным образом рассматривает анатомию,- необходимо, чтобы эта цель не жила в его мыслях как неопределенная цель. И вот тут восстает уже не внутренний человек, каким я раньше описал его, но восстает внешний человек, космический, который представляется во всяком случае еще туманно, но именно как космический человек, как огромный, гигантский человек, он представляется не как земное целое, а как следствие того, что мы зрим его органы, внутренне охватываем их духовно. И вследствие того, что эти органы проявляются в духе (духовно) перед нами стоит не просто земной человек, но человек, охватывающий Космос. Точно также, как прежде мы волшебным образом вводили ночной лунный мир в дневной, также вводим теперь в человека, то есть в то, что теперь есть не весь человек, не очерченный человек, а тот, который состоит из своих отдельных органов,- вот в это вводим мы волшебным образом импульсы сферы Сатурна.

Точно также, как ранее вводилась лунная сфера в обычное дневное сознание, также волшебным образом вводится теперь в научное сознание сфера Сатурна, и мы узнаем, что силы Сатурна в каждом органе действуют особым образом; что силы Сатурна действуют в печени, например, наиболее

сильно, в легких - относительно весьма слабо, в голове же действуют менее всего.

Осознав цель, можно ее выразить следующими словами: мы должны искать Сатурн повсюду. И также, как мы ранее продвигались посредством медитации, также теперь, вживая себя в это искание Сатурна, искание внутреннего духовного строения каждого органа,- проникаем мы в сферу Юпитера и познаем, что каждый орган является собственно земным отпечатком духовно-божественного существа.

Человек внутренне носит в своих органах отпечатки духовно-божественных существ. Весь Космос, бывший сперва великим человеком в сфере Сатурна, весь человек становится постигаемым как одно гигантское космическое существо; но в это время он представляется суммой, внутренне-органическим взаимодействием божественных генераций.

Опять таки необходимо, чтобы этот путь был пройден в полной сознательности. Им должно идти так, чтобы в нем действовали силы, которые могут всему этому сохранить устойчивость. Вы должны продумать, что все эти действия живут, прежде всего, в *Status nascendi** (состояние в момент образования); они существуют тут, но сейчас же снова проходят. Их легко можно охватить, но становится невозможным их описать, удержать прочно, представить как-нибудь мысленно-образно; мы стоим тут перед опасностью, что именно в то время как предстает то, что я вам рассказал, все это сейчас же снова исчезает перед сознанием и совершенно не поддается рассмотрению.

Видите ли, современные люди в психическом исследовании совсем не думают о том, чтобы тут вызвать духовное, действительно духовное. Они желают сделать все это лабораторным, произвольным образом, призывая к себе А.В.С. как людей, в лабораторию. Духовные реальности не приближаются таким путем к познаваемому человеком миру, и, прежде всего, те реальности, которых желали бы охватить таким способом и описать шаг за шагом действительно научным образом.

То, что я говорил о книге, сможет дать лишь самое первое элементарное начало, и лишь затем, впоследствии, когда мы уже не будем жить, станет разработанной наукой. Но поскольку эти вещи существуют уже и ныне в духовном мире, - ибо они имеют место, например, среди существ, которые живут не на Земле, а на Солнце,- настолько могут они описанным образом быть внесены в земное сознание.

Только не следует думать, будто можно лабораторно производить над этим опыты и продвинуться тут путем абстрактной анатомии и т.д., изложенной в учебниках. Дело заключается в том, чтобы все это проходило через живого человека. Почему?

Ибо эти вещи могут быть удержаны лишь тогда, когда они постигаются посредством тех сил, которые также выявляются из общего взаимоустремления людей; когда, так сказать, они постигаются силами, которые люди носят в себе из своих прежних земных жизней, и эти силы прежде всего направляются к удержанию, к усвоению этих вещей. Когда это наступило, в этот мир сферы Сатурна и Юпитера вступает то, что мы можем назвать сферой Марса, с этого момента начинают говорить вещи; наступает откровение вещей. И затем мы снова возвращаемся к Солнцу инспирированным сознанием. Это есть другой путь, который сегодня выявляется как путь, требуемый естествознанием, который охотно желали бы избежать посвященные, о которых я говорил в прошлый раз. Им неприятно, когда они попадают на этот путь, которым, однако, надо идти. Ибо путь через лунную сферу - это вам также ясно из сегодняшнего изложения, - проходили как раз древние посвященные, и мы находим также замечательные вещи именно в "Тайной доктрине" Е.П. Блаватской относительно этого лунного пути. Если мы умеем различать правильное от неправильного, мы находим могучие истины в этой "Тайной Доктрине".

Но это является путем, восходящим через лунный астральный свет, в котором Елена Петровна Блаватская могла жить поразительным образом и в котором ей вестник Меркурия для ее инспираций стал совершенно чудесным проводником. Это можно видеть, когда мы следуем за ее объяснениями, где она всюду вводит имагинацию на верном месте. Это замечательно у Блаватской: когда она развивает идею, то здесь же и находится эта имагинация. Ее ведет посланец Меркурия. Он ведет ее туда, где имеется сокрытая библиотека. Идея возникает в ней. Проводник Меркурия, ведет ее в заботливо сохраняемой Ватиканом книге. Блаватская читает в ней. И многое имеется у Блаватской, чего она в ином случае не могла бы найти, потому что Ватикан охранял это бережно, и в течение многих столетий это было хорошо сокрыто!

Этот путь есть фактически тот, которым много, много пользовались, где надобно осторожно различать все то, что требует внутренней крепкой устойчивости, как я об этом

говорил.

А другой путь идет по направлению, мною описанному, которое считается с естественно-научным современным путем и который Елена Петровна Блаватская также ненавидела, как ночь. Это значит, что она ненавидела ночь. Но обыкновенный человек боится приведений. Это есть тот путь, которым должно идти, как я вам указал, который должен стать осознанным, дабы в кармическом развитии сил людей находить опору и крепость не столько для возбуждения воспоминаний, сколько для того, чтобы удержать их таким образом, чтобы они могли бы быть описаны.

XI. ДУХОВНОМ ИССЛЕДОВАНИИ И ЕГО ПОНИМАНИИ В НАШИ ДНИ

Две возможности исследования

Естественно, можно было бы сказать еще исключительно многое в продолжение того, что начато в этих докладах; однако, сегодня мы попробуем представить перед своею душою род суммарного их заключения.

Прежде всего, исходя из сказанного, перед нашим душевным взором должен встать следующий вопрос: Как собственно обстоит дело с пониманием Антропософии и духовного исследования, каким оно должно придти в мир через Антропософию? Как обстоит с проникновением в то, что дается Антропософией, принимая во внимание, что ведь не каждый человек в наше время может непосредственно подойти к таким упражнениям и опытам, которые быстро приводят его к тому, чтобы воспринимать и проверять самому в соответствующих мирах то, что говорит Антропософия? Это и является вопросом, лежащим на сердце у большинства тех, которые имеют к Антропософии известное стремление и влечение. Однако на него смотрят как раз всегда в ложном свете.

Можно сказать: Да, но чем могут мне помочь все эти описания духовного мира, если я сам не могу заглянуть в духовный мир? Вот почему я хочу вопрос, касающийся этого, включить в сегодняшние обобщающие заключения.

Как раз оно обстоит не так, будто нельзя достигнуть рассмотрения и уразумения вещей, которые даются через Антропософию, ранее, нежели мы сами можем исследовать их в духовном мире. Мы должны различать, в особенности в настоящее время, между исследованием, то есть нахождением явлений, принадлежащих различным мирам, и пониманием того, что дается этими исследованиями. Постижение этого различия будем вам вполне ясно, если вы продумаете, что человек, каким стоит ныне перед нами, принадлежит весь к различным мирам и переживания, которые имеет, он определенно получает из различных миров. Человек, каким он есть ныне, приобретает в повседневной жизни сознание повседневного бытия и обычной науки, из которых мы исходим в обычной своей жизни. Это сознание дает ему во время дневного бодрствования известный кругозор на все то в мире, что

180

открывается посредством органов чувств в что может быть интерпретировано и постигаемо через интеллект, освоенный человеком в течение его эволюции.

В ближайший мир, но уже скрытый за чувственным, человек проникает своим разумением совершенно неясным образом,- как мною было изложено,- в сновидениях. А в тот мир, который человек переживает между смертью и новым рождением, проникает он своей душевной жизнью на Земле во время сна без сновидений, в то время, как вокруг него душевно темно и черно, и где он переживает жизнь, о которой обычно не имеет воспоминаний.

Это сознание со своим тройным состоянием: бодрственным, сновидческим и глубоким состоянием сна, знакомо человеку. Но живет он не только в мирах, доступных ему посредством этого. Человек - существо, живущее в целом ряде миров. Его физическое тело живет в другом мире, нежели эфирное; это последнее не в том мире, в котором живет астральное тело, и все они вместе снова в ином мире, нежели «Я».

И эти сознания: ясное бодрственное, сновидческое и сумеречное сознание (можно было бы сказать: не сознание). Их собственно имеет «Я», такое «Я», каким оно является сегодня. Это «Я» имеет, если смотреть во внутрь, также три состояния, как имеет три состояния, когда смотрит во внешнее: бодрственную дневную жизнь, сновидческое сознание и сознание сна.

Когда «Я» глядит во внутрь, оно имеет ясное сознание мышления; имеет затемненное, более подобное жизни сна, нежели думают обычно,- состояние чувств, жизнь в чувствах; и оно имеет сумеречное, туманное, очень подобное жизни сна сознание воли. Наше воление, как это устанавливается, совсем совершенно незнакомо нашему сознанию, собственно также незнакомо, как сон. Человек, когда чего либо хочет, имеет мысль, она ясна и светла. Он развивает затем несколько неопределенно вокруг этой мысли чувство, и затем мысль, проникнутая чувствам, нисходит в органы. Что там происходит - этого человек обычном сознанием не переживает.

При свете того исследования, о котором я говорил в прошлый раз и ранее, воление выявляется следующим образом: В то время, как мысль, находясь в голове, чего-либо хочет и нисходит затем через чувство во все тело, и человек хочет уже всем своим телом,- в это время в человеке развивается нечто, как бы тонкий, subtilный, интимный

процесс горения.

Человек может, когда приходит к инициальному сознанию, переживать эти волны, проникнутые теплом. Но для обычного сознания это остается в совершенной глубине. Это является лишь примером того, как то, что уже может быть поднято до сознания, все же остается для обычного сознания в глубине.

Например, мы некогда действительно поймем следующее, когда постепенно будет приходить в мир то, что придет через упомянутую нами в прошлый раз книгу: мы увидим, что если человек чего либо хочет и мы наблюдаем это инициированным сознанием,- то происходит оно так, как если бы наблюдали внешнее явление сгорания свечи или вообще теплоразвивающий свет. Точно также, как мы имеем тут от внешнего наблюдения ясную картину, таким же образом можем мы видеть внедрение мысли в волю.

Так что можно сказать: мысль развивает чувство и из чувства нисходит развивающееся тепло; оно у человека движется сверху вниз и это пламя хочет. Оно открывается все более и более.

Схематически можно представить себе это обычное сознание следующим образом:

Внутреннее	Внешнее
Ясное мышление	Бодрственное дневное сознание
Жизнь чувств	Сновидческое сознание
Волевое сознание (сознание воли)	Сознание сна

Итак, вовне - бодрственное дневное сознание; внутри - ясное мышление. Вовне - сновидческое сознание; внутри - жизнь чувств, неясная, но теплая жизнь чувств. Вовне - сознание сна; внутри - волевое сознание.

Когда человек, чтобы найти явление, о котором можно получить откровение из духовного мира, приходит к необходимости перенести свое сознание туда, где находится мир, в который он познавателью желает проникнуть, тогда то, что может быть сообщено в смысле идей посредством слов, внедряется в другое сознание.

И вы, быть может, постигнете, что существует двойное. Во-первых, мы можем, например, исследовать в мире человеческих органов,- как мною было изложено - и производить там изыскания явлений, о которых идет речь, с прибывающими к человеку в жизни силами. Тогда находят

соответствующие явления, и они предстают для познания перед душою. Люди, следовательно, стоят перед этими явлениями во внешнем мире. И о них сообщается через определенных людей и излагается миру. Если только привнести к этому нужное беспристрастие, их можно постигать обыкновенным сознанием.

Следствием этого в человеческой эволюции было всегда так, что немногие люди занимались исследованием явлений, относящихся к духовному миру. Они передавали затем о них другим.

Нынче мы слышим следующее против такого принятия этих знаний: говорят, что люди вообще вырастают в социальной среде и воспитание их развивается в условиях, где им даются привычки ощущать и верить лишь внешнему миру фактов, миру органов чувств и тому, что узнает разум из этого мира. Это привычка, действующая настолько сильно, что исходя из нее всегда склонны говорить, например, следующее: Люди учатся в университете, в нем получают ученые степени; исследуют также известные явления чувственного мира. Или, когда их исследуют другие, они этому верят, дополняют, подтверждают. И когда мы не исследуем сами, то верим другим. И как раз по отнесению современного естествознания люди оказываются бесконечно верующими. Они верят вещам, которые для человека, имеющего проникновенное знание, не только решительно проблематичны, но наверняка совершенно неверны. Такое положение датируется только столетием, следующим после старого воспитания.

Этого воспитания люди прежних веков, смею сказать, не имели. Тогда люди бывали более склонны верить тем, кто исследовал духовные явления; так происходило вследствие того, что не всем им нисходило еще нечто от некоторого лицезрения духовного мира и относительного вживания своих чувств и воли в духовный мир. Нынче люди к этому просто не приучены; они привыкли на континенте к более теоретическому способу воззрения на мир, к более практическому - в Америке и в Англии, в чем совершенно и укрепились.

На континенте существуют обширные теории об этом, а в Англии и Америке распространено чувство, которое внутренне не так то легко можно побороть. Оно подтверждает, что люди вжились в то, что пришло к ним через века. А именно, они воспринимают естествознание, имеющее отношение к внешним органам чувств, например,

астрономию, растениеводство, животноводство, медицину так, как это преподносится им в признанных школах и учреждениях. К этому привыкли люди в течение веков и ныне держатся этого страшно крепко. И когда какой-либо химик исследует нечто в своей лаборатории, причем другие не имеют абсолютно понятия о том, как он это делает, но о его работе известно, - то говорят: "это верно; это - знание". Говорят: "это не есть вера, это есть знание". Хотя, конечно, это является чистойшей верой! Но люди говорят: "это - знание".

И на всех путях, которые избирают, чтобы таким способом исследовать чувственный мир, найти разумом законы чувственного мира, - на всех этих путях мы не находим духовного мира. Но людей, которые могли бы обойтись совершенно без духовного мира, существует лишь немного, и они еще наговаривают на себя, поступают в этом не честно.

Прежде всего, люди имеют потребность знать также нечто и о духовном мире. Нынче они еще не прислушиваются к тем, которые могут сказать им о духовном мире что-либо на современный лад. Но они прислушиваются к тому, что перешло к нам исторически и находится в книгах, в священных писаниях Востока, в Библии. Они слушают о том, потому что иначе не могут, им надобно иметь какое-нибудь отношение к духовному миру. И вопреки тому, что все то, что находится в Библии или в священных писаниях Востока, исследовано также лишь единичными посвященными, они говорят: Да, это иного рода воззрения; тут обстоит не так, как познание внешнего чувственного мира. Это не является научным познанием, но основано на вере. Здесь нужно верить. И люди делают затем резкое различие: есть наука и есть вера. Они относят тогда науку к чувственному миру, а веру - к духовному.

Об этом вопросе на континенте существуют целые теории именно среди теологов евангелической церкви, а не теологов католической церкви, сохранивших традиции прежнего времени и рассуждающих не так, как евангелические теологи или внешние науковеды. Имеются теории о том, каким путем знание доходит до известной точки и как затем начинается вера. И будто это так и должно быть.

В Англии существует меньше теорий, ибо их тут не любят. Но здесь имеется жизненная практика, указывающая, что с одной стороны правильно прислушиваться к науке и

придавать значение тому, что ею признается; с другой стороны - надо жить правильно, с благоговением; не хочу сказать - быть набожным,- и строго различать обе вещи одна от другой.

Этого придерживаются не только миряне, но также и ученые, с давнего времени. Ньютон положил основание, с одной стороны, -учению о тяготении, то есть пространственному мировоззрению, которое тем, чем является оно, исключает всякое воззрение на духовное; если бы мир был таким, каким рассматривает его Ньютон, он не мог бы вмещать духовного. Признать это не имеют мужества; но как мало вероятно то, что из самопрямки мог бы образоваться некогда человек или быть представленным в самопрямке,- также мало может быть представлено в Ньютоновском мире божественно-духовное существование и действие. Но не имеют лишь внутреннего мужества, внутренней смелости признаться себе в этом.

Не только те, которые признают нечто подобное, придерживаются того, чтобы с одной стороны исповедовать пространственное и временное мирозерцание, исключаящее духовное. Этому придерживаться также и те, которые сами исследуют, как и Ньютон, который и является к тому прекрасным примером. Он с одной стороны основывает мировоззрение, исключаящее все духовное, а с другой стороны, с полным отчуждением души от этого интерпретирует Апокалипсис.

Мосты сломаны между тем, что является знанием. познанием внешнего чувственного мира, и тем, что является знанием, познанием духовного мира. Сегодня даже там, где любят теории, пробуют строго доказать это, а там, где теорий не любят, это въедается хорошенько в привычки ощущений и мышления, так что совершенно нельзя выбраться из этого.

Между тем разум людей, понимание, идейная сила, идейная способность уже настолько развиты сегодня, что если только над этим подумать и хорошенько овладеть ими,- то вполне может быть постигнуто разумом, но не исследовано то, что исходит из инициального ведения.

Что же вследствие этого является нужным? Надобно, чтобы созидалось мнение, что, прежде всего, должно быть исследовано то, что надо исследовать из духовного мира, и такими людьми, которые в своей теперешней жизни могут брать в помощь силы из прежних инкарнаций, делающих их способными извлекать для исследования то, что необходимо.

Надобно, чтобы впредь то, что таким образом исследуется, было бы воспринято некоторым количеством людей все большим и большим; понято в идеях так, как оно должно быть понято. Посредством этого, когда спиритуально исследованное будет воспринято в здоровом понимании, для этих людей создано будет основание действительно глядеть в духовный мир. Ибо, как я часто высказывал, освоение, прежде всего, литературы или восприятие того, что возмещается из духовного мира, - является самым здоровым путем для действительного проникновения в духовный мир.

Если принимают эти мысли, то они оживают внутренне и человек входит не только в понимание, но также и в лицезрение духовного мира, насколько допускает это его Карма. В этой точке мы должны строго согласоваться с воззрением на Карму. Современный человек не думает о Карме. Он толкует о том, что подобно тому, как мы в лаборатории исследуем серу, также должны мы лабораторно делать изыскания имеющих место у человека так называемых, необыкновенных проявлений. Мы будто должны экспериментировать над человеком, который проявляет необычное знание.

Но, видите ли, сера не имеет Кармы. Лишь та сера, с которой соприкасается человек, имеет Карму.

Обыкновенная, минеральная сера Кармы не имеет. Лишь люди имеют Карму. И никогда не может быть предопределено заранее в Карме человека, чтобы ему экспериментировать с собою в лаборатории; это необходимо учитывать, что бы исследования стали плодотворными.

Вследствие этого, прежде всего, перед нами должно было бы развернуться духоведение. Мы должны были бы исследовать условия, как это проистекает из Кармы, что можно узнать нечто через человека о духовном мире. Об этом я высказался ясно в позднейших изданиях моей книги "Теософия", в заключении. Но воспринимать эти вещи современный мир не приспособлен следствием привычки; не вследствие неспособности, а из привычки. Однако вопрос этот является бесконечно важным.

Прежде всего, существенно выяснить себе следующее: не должно входить сразу же в духовный мир путем исследования. Если тут, на физическом плане не идти ложными путями экспериментирования, с Кармой,- что, безусловно, не может быть обусловлено самой Кармой,- не экспериментировать с медиумами, но полагаться на то, что для этого мира является как раз правильным сознанием и

мною описано как повседневное сознание; если правильно верить этому сознанию,- тогда возможно придти к полному пониманию того, что говорится, исходя из инициального ведения. Когда думают, что такое понимание можно иметь не ранее, чем сам сможешь проникнуть в духовный мир,- то находятся в совершенном заблуждении.

Одним из ложных путей является еще тот, на который становятся, когда говорят: каким образом может касаться меня духовный мир, если сам я не могу глядеть в него?

В этом рассуждении лежит одно из наибольших, из опаснейших, безусловных заблуждений. И на это заблуждение, прежде всего, должно обратить свое внимание такое движение, которое воплощается в Антропософском Обществе.

Рождение и Смерть и Зло

Тот факт, что человек в своем бытии здесь, в физическом мире принадлежит различным мирам, становится ясным беспристрастному сознанию уже просто потому, что явления, переживаемые им, таковы, что повсюду, где они касаются значительного в жизни, они наталкиваются на непонимание повседневного будничного сознания.

Они непонятны вследствие того, что представляются разобщенными, тогда как они в известных случаях тесно связаны.

Мне хотелось бы в этом суммарном обзоре указать, прежде всего, на вхождение человека в этот физический мир и на выходение из него; хотелось бы указать на рождение и смерть.

Рождение и смерть, эти два разительных события в человеческой земной жизни, представляются обычному сознанию разъединенными. Все, что предшествует рождению, что связано с вступлением человека в земное бытие,- заложено в начало его земной жизни. Они кажутся разобщенными. Но для того, кто исследует в области духовной жизни, они приближаются все более и более друг ко другу. Ибо, когда мы наблюдаем путь, который мною охарактеризован проникновением человека в лунные мистерии и способностью вводить ночь в день,- он видит, как во всех событиях рождения физическое и эфирное тело все более вырастают и расцветают; видит, как они выходят из малого зародыша и постепенно принимают человеческий образ; как они также, еще в течение земной жизни,

выражают восходящую жизнь и лишь только в середине земной жизни, приблизительно к 35 году, начинают понемногу приходить в упадок, выказывая нисходящую жизнь.

Это человек видит также и внешне. Но тот, который пускается в этот лунный путь, о котором я говорил в прошлый раз, тот видит также, как в то же самое время, когда начинается зародышевая жизнь для физического и эфирного и образуется далее, восходя и распускаясь,- другая жизнь, которую мы постигаем в области Антропософии, как астральное тело и «Я», собственно отмирает, подлежит смерти.

Погружаясь таким образом в мистическую жизнь, которую я в ее конкретности описал,- мы видим не только рождающееся становление физического и эфирного, но также и умирание астрального существа «Я». Мы видим, как смерть воздействует на жизнь и отмирающее сочетается с восходящим.

Опять таки, наблюдая человека этим инициальным сознанием, мы видим в период, когда тело его распадается, начиная от 35 лет жизни,- начало возрождения в астральном и существе его «Я». Им только мешает то, что отмирает вокруг в физическом и эфирном существе. Но совершается действительное возрождение. Вот таким образом мы научаемся через этот духовно-исследовательский путь узнавать смерть уже в жизни и жизнь в смерти. Посредством этого мы готовимся видимое нами как отмирающее во время рождения проследить обратно далее в доземную жизнь, где оно показывает себя в своем полном значении и величине.

В отмирающей земной жизни мы видим астральное и существо «Я» становящееся постепенно более бодрыми и только лишь как бы пойманными эфирным и физическим,- и, вследствие этого подготавливаемся опять таки следовать в духовный мир вслед за тем, что выходит через врата смерти из человеческого физического и эфирного. Смерть и рождение соприкасаются, в то время как обычному сознанию они представляются разъединенными явлениями.

Но все это, добытое таким образом путем исследования из духовного мира - вполне может быть постигнуто обычным сознанием, как раз тем путем, который я отметил в первой части сегодняшнего доклада, надобно только отрешиться от того, что требует это обычное сознание для нынешнего дня.

Видите ли, я знавал одного человека, который говорил:

"Камень падает вниз; когда я поднимаю стул и бросаю его, он падает вниз; все падает вниз, на Землю. И люди утверждают, будто Земля ни на чем не стоит: тогда она должна была бы упасть. Так говорил он и не обращал внимания на то, что все, что есть на Земле, должно падать вниз потому, что тут имеется Земля; но сама Земля свободно несется в мировом пространстве подобно, как и звезды, в действительности поддерживаемые взаимно.

Люди, утверждающие сегодня, что все должно быть доказано посредством внешних органов чувств по образцу современной науки,- подобны человеку, говорящему, что если Земля не покоится на большем столбе - тогда она должна упасть.

Антропософские истины как раз таковы, что они взаимно поддерживают друг друга, подобно, как и звезды. Это надобно понять. И придя однажды к этому своим обычным разумом, мы начинаем действительно постигать идейно антропософию, также и такие вещи, как сочетание рождения и смерти.

Теперь пойдем дальше. Обратим внимание на то, что тот, кто хорошо подготовлен тем, что доступно современной науке, но принимает это с живой восприимчивостью, узнает, однако, не всего человека, а только его органы так, как было изложено в прошлый раз.

Посредством такого познания органов, приобретенного на пути посвящения, перед душою предстает не рождение и смерть, а нечто совсем другое. Перед этим познанием органов рождение и смерть даже утрачивают свой обычный смысл, ибо умереть собственно может только весь человек, умереть не может отдельный орган. Легкое, например, не умирает. Обычная наука знает сегодня уже немного о том, что когда весь человек умер, отдельные органы известным образом могут быть сами по себе оживлены. Отдельные органы не умирают, безразлично, погребен ли человек или сожжен; отдельные органы ищут себе каждый для своего существа пути в Космос, если даже человек лежит в Земле, и Земля над ним покрывает его, когда он погребен. Органы ищут себе пути через воду, воздух и тепло во вне, в Космос. Органы в действительности растворяются, освобождаются, не умирают; умирает только весь человек.

Говорить о смерти человека имеет смысл только, имея в виду всего человека, касаясь животного, должно говорить о том, что у них органы умирают. У человека против животного та разница, что органы его освобождаются. Они

лишь быстро растворяются, подобно тому, как если бы варили незрелое яблоко: оно в известном смысле быстрее проходит этот процесс, нежели спелое яблоко. Погребение есть медленный процесс, сожжение - скорый процесс.

Органы могут быть прослежены, как они выходят в бесконечное в своем своеобразии. Но там, во вне, в Космосе, они не уходят в бесконечное, но возвращается, как я это описал - в то, что есть великий человек, космический человек.

Мы, следовательно, когда следим инициальным сознанием за органами, видим то, что происходит действительно в смерти с органами: это их выходение к сродственному им в области Космоса. Сердце уходит в иное, чем легкие; печень - в другое, нежели легкие и сердце. Они рассеиваются в Космосе. Мы можем видеть это, когда на инициальном пути развиваем сознание органов, сознание об органах.

Тогда выявляется человек. Он появляется тогда так, как собственно вчленен в Космос. И в лицезрении этого человека таким, каким он собственно вчленен в Космос, может представиться то, что, например, лежит в основании последовательных инкарнаций. Мы нуждаемся в наблюдении, которое вытекает не из целого человека, а только из наблюдения органов, дабы получить возможность познавать возврат прежних земных жизней, для наблюдения над этой земной жизнью.

Видите ли, вследствие этого получалось так, что люди, которые шли в духовный мир лунным путем, как мистики, теософы и т.д., видели решительно все возможное, и человеческие души как они прежде жили, и богов, и духов, - но собственно познать их не могли, не могли узнать, кем они были, не могли говорить определенным образом, что: вот это есть Аланус аб Инсулис; это - Данте; это - Брунетто Латини. Сущности были на лицо. Иногда они были представлены совсем фантастически. Прежние инкарнации были на лицо. Но нельзя было различить, были ли это собственные или чужие, или какие-либо иные.

Так что духовный мир вступает в этот ночной мир, волшебным введенный в день, но растворяется под влиянием импульсов Венеры, и является тогда как духовный мир вообще, не получая определенности, которую должен получить.

Видите ли, в этом мире, таким образом, начинается возможность узнать, как целиком человек стоит в мире,

существует как космическое существо.

С другой стороны, с этим связано - я хотел бы сказать - одно исключительно трагическое познание. Ибо, если бы человек был только целым человеком, каким он является именно в своей коже тут на Земле,- ах, это было бы такое хорошее, ручное, такое благородное существо! Также мало как мы можем исследовать смерть обычным сознанием,- постигать ее можно в обозначенном смысле, но не исследовать,- также не можем мы исследовать обычным сознанием, почему люди, с их чистосердечными лицами (они ведь все имеют такие чистосердечные лица!) могут становиться злыми. Именно злым, будучи целым человеком.

Кожа есть нечто исключительно благородное. Злыми становятся через отдельные органы. В них лежит возможность злого.

И вследствие этого, в связи со сродством органов с отдельными мировыми областями,- мы также познаем, из каких мировых областей приходит одержимость со злом; ибо такова она, собственно, даже при наличии самого малого зла.

Следовательно: из познания всего человека, прежде всего, выступают: рождение и смерть. Во-вторых, из познания организации человека предстает сродство человека с Космосом в здоровом и больном состоянии: злое.

1. Познание всего Человека: рождение и смерть.

2. Познание организации человека: сродство с Космосом: Злое.

Перед человеческой душой может также предстать и образ, который прошел через Мистерию Голгофы, но только тогда, когда мы, исходя из человеческой органологии, получаем возможность видеть космического человека. Ибо Христос пришел как космический человек с Солнца. До этого Он еще не был земным человеком. Он пришел как космический человек. Но как мы можем познать космического человека, если прежде не подготовились к тому, чтобы вообще постичь его! Как раз Христология может выявиться из этого понимания космического человека.

Итак, вы видите, каким образом правильные пути ведут в духовный мир, приводят к познанию рождения и смерти, ведут к познанию родства человеческих органов с Космосом, приводят к познанию зла и ведут к познанию космического человека - Христа.

Все это, представленное как взаимно поддерживающее

одно другое - может быть понято. Таков правильный путь в духовный мир для каждого современного человека.

Напротив, каждая попытка на других путях, не проводимых сегодня через обычное сознание при сохранении обычного сознания,- всякая попытка с погашенным сознанием, как при медиумизме, при сомнамбулизме, при гипнозе и т.д.,- все изыскания в смысле искаженного современного естествознания в области таких мировых явлений, к которым нельзя подойти иначе как с высшим сознанием,- все это ложные пути, ибо они не вводят нас в истинно духовный мир.

Откровение Небесного в Земном через Искусство.

Чутко восприимчивый к тому, что познается исследованием,- как мною было указано,- человек сможет понять Христа. Понять, некоторым образом, в возврате к познанию космического человека, когда посредством познания органов восстанавливается космический человек. Когда в человеке эмоционально восстает то, что предстает оккультному лицезрению и воспринимается инициальным сознанием,- тогда в этом сознании как бы открывается Небесное внутри Земного. И это совершается через Искусство.

В Искусстве, наполовину подсознательное, содержится душевно то, что приходит к человеку из духовного мира как раз на тех обратных путях, которые я охарактеризовал.

Посему и было так, что во все времена люди, своей Кармой к тому предназначенные, крепко держали в Искусстве духовное посредством земного материального.

Наше натуралистическое Искусство от этого отошло. Но каждый подъем его развития в человечестве представляет духовное в чувственном, и - можно сказать,- поднимает чувственное в сферы духовного.

Мы ценим так высоко художника Рафаэля именно потому, что более нежели кто другой он был в состоянии представить в чувственном нечто, что поднималось к духовному.

В развитии человечества отмечается время, которое преимущественно было склонно к пластическим, к изобразительным искусствам. Нынче мы должны снова найти новую жизнь в изобразительных искусствах; но первичный, непосредственный импульс в изобразительном искусстве истек в прошедшие времена.

Образовывается с давних пор, столетиями, другой импульс, направленный к музыкальному. Вследствие этого также изобразительные искусства принимают более или менее музыкальную форму. В отношении всего художественного, а также и все то музыкальное, что вообще может выявиться в словесных искусствах - является будущим человечества.

Дорнахский Гетеанум в построении был выдержан музыкально. И вследствие этого он в архитектуре, в пластике и живописи пока так мало был понят. И тот, который должен теперь быть возведен, на том же основании будет трудно понимаем. Ибо совершенно согласно духу развития человечества должно быть внесено музыкальное в пластическо-живописное и скульптурное.

Должно будет быть выявлено именно и то через музыкальное, на что я указал и что будет для развития человечества НАИВЫСШИМ,- явление Образа Христа, исполненного духовной жизни, это нечто, что в известном смысле удалось уже выразить живописи Возрождения и ей предшествовавшей.

Стремление к этому, видите ли, было на лицо. Стремление было в Рихарде Вагнере. Оно привело его в конце творческого пути к "Парсифалю". Но "Парсифаль" в отношении чудодейственного внедрения Христова импульса в физически-чувственный мир расплывается, так сказать, все же только в символический намек; там, где Вагнер желает ближе всего подойти ко Христу, он выражается лишь в символе: появляется голубь и тому подобное. Причастие выражено тут символически. В элементе музыкальном не достигнуто то, что собственно выражает в Космосе и в земном импульсе Христа.

Но музыкальное способно когда-нибудь выразить этот импульс Христа в стройных звуках, в задушевных, в одухотворенных звуках. Если музыка будет инспирирована антропософским духоведением, она найдет к этому пути. Ибо она будет эмоционально, чисто художественно раскрывать то, что может быть оживотворено симфонически в звуках и что живет как Импульс Христа в космическо-теллурическом?

Для этого, при внутреннем музыкальном переживании, доходящем в ощущении до мистического, надобно быть в состоянии углубить область терциевых звучаний в мажоре.

Переживая это как нечто, что музыкально заключено совершенно во внутреннем человека, и ощутив затем область

квинтовых звучаний в мажоре, мы почувствуем (эту область квинты) как нечто окутывающее, что-то от той области, которую человек достигает, вставая в строение квинты. Тогда он достигает до границы человеческого и космического, где космическое звучит в человеческом, а человеческое устремляется в Космос. Тогда мы можем в чисто музыкальном, через мистирию, происходящую между областями терциевых и квинтовых звучаний в Мажоре, пережить нечто из того, что желает изойти как внутреннее человеческое в космическое.

И если мы тогда достигаем, чтобы сперва зазвучала в диссонансах-септимах жизнь в Космосе, где диссонансы септимы являются глаголами того, что может пережить человек, ощущая в Космосе, когда находится на пути в различные духовные области; и если мы достигаем того, что диссонансы-септимы рассеиваются так, что своим рассеиванием принимают вид чего-то определенного, тогда септимы-диссонансы в этом рассеивании получают наконец нечто, представляющее для музыкального переживания, как музыкальная Твердь Небесная.

И когда мы в интимных чертах в переживании - Мажора, наметив еще ранее переживание - Минора, находим возможность в этом рассеивании септимы-диссонансы и самооформлении их в цельность почти гармоничную, почти консонирующую, ибо она расплывается,- когда мы находим возможность из этого (ставшего почти гармоничным рассеивания) диссонансы-септимы выходить в интенсивном Миноре, тогда происходит следующее: находя путь обратно в область квинтовых звучаний в миноре, и отсюда, к проникновению этой области (квинт) областью терциевых звучаний в миноре,- мы воспроизводим на этом пути переживание инкарнации, и именно как раз инкарнации Христа.

Ибо в этом чувстве, изливающимся в область септимы лишь кажущееся диссонирующей по отношению к космическому ощущению, которую мы образуем в Твердь Небесную, имея октаву как бы позади стоящей, но лишь приблизительно позади,- в этом чувстве мы сможем найти следующее: Постигнув это в чувствовании, обратившись назад в указанном смысле и найдя как бы в зародыше образа терций консонансов в миноре возможность представить инкарнацию как нечто музыкальное,- для нас, если мы снова перейдем обратно к Мажору в этой области, может зазвучать из этого построения, из этого музыкального

построения "Аллилуйя" Христа. Зазвучать чисто-музыкально, из самого построения звуков. Тогда человек, в самом этом построении звуков сможет волшебным образом извлекать непосредственно сверхчувственное и представлять его для музыкального ощущения. Импульс Христа может быть найден в музыкальном. И это растворение симфонического в уже не совершенно музыкальное, что имело место у Бетховена, может снова быть приведено к действительно космическому действию в музыкальном элементе.

Из некоторой узости (хотел бы я сказать) и некоторой традиционной ограниченности исходя, Брукнер пробовал осуществить это. Но насколько он в этом не успел, показывает как раз его последняя, посмертная симфония. С одной стороны, она чудесна; с другой - в ней имеется некоторое искательство посредством собственно музыкальных элементов и не достигнуто полное переживание этих музыкальных элементов. Пережить их можно лишь в смысле, как я это теперь указал, когда мы продвигаемся в чисто-музыкальном и внутри музыкального находит существенное, главное, которое чудесно-волшебным образом может выявить мир в звуках.

Когда-нибудь, если человечество не придет в упадок, несомненно, станет возможным рождение того, на что я указал, через антропософскую инспирацию.

И может некогда случиться так: это зависит ведь только от людей, что как раз в музыкальном предстанет Христов Импульс в истинном образе также и через внешнее откровение.

Мне хотелось представить это перед вашей душой для того, чтобы вы могли видеть, как антропософия желает изливаться во все области жизни. И это может осуществиться, если жизнь действительно найдет с другой стороны путь, настоящий путь к Антропософскому знанию, к Антропософскому исследованию.

И может даже произойти так, что имеющееся в антропософской области некогда как бы эхом зазвучит из музыкального, зазвучит так, как если бы это было разрешением христологической загадки.

Этими словами хотел бы я закончить то, что мог лишь наметить в этих докладах, и наметить связанные с этим намерения: Мне хотелось бы прибавить еще пожелание о том, чтобы мне удалось немного возбудить в душах то, что я старался подчеркнуть этими представлениями антропософских истин. Чтобы эти истины могли в

действительности стать зародышами, способными к жизни, могущими вести в цивилизацию все к дальнейшей жизни.

И да будет этот цикл докладов маленьким вкладом для всех далеко идущих намерений антропософского воления.

40,1,38,3,36,5,34,7,32,9,30,11,28,13,26,15,24,17,22,19
2,39,4,37,6,35,8,33,10,31,12,29,14,27,16,25,18,23,20,21
20,21,18,23,16,25,14,27,12,29,10,31,8,33,6,35,4,37,2,39

80,41,78,43,76,45,74,47,72,49,70,51,68,53,66,55,64,57,62,59
42,79,44,77,46,75,48,73,50,71,52,69,54,67,56,65,58,63,60,61
60,61,58,63,56,65,54,67,52,69,50,71,48,73,46,75,44,77,42,79

120,81,118,83,116,85,114,87,112,89,110,91,108,93,106,95,104,97,102,99
82,119,84,117,86,115,88,113,90,111,92,109,94,107,96,105,98,103,100,101
100,101,98,103,96,105,94,107,92,109,90,111,88,113,86,115,84,117,82,119

164,121,162,123,160,125,158,127,156,129,154,131,152,133,150,135,148,137,146,139,144,141
122,163,124,161,126,159,128,157,130,155,132,153,134,151,136,149,138,147,140,145,142,143
142,143,140,145,138,147,136,149,134,151,132,153,130,155,128,157,126,159,124,161,122,163